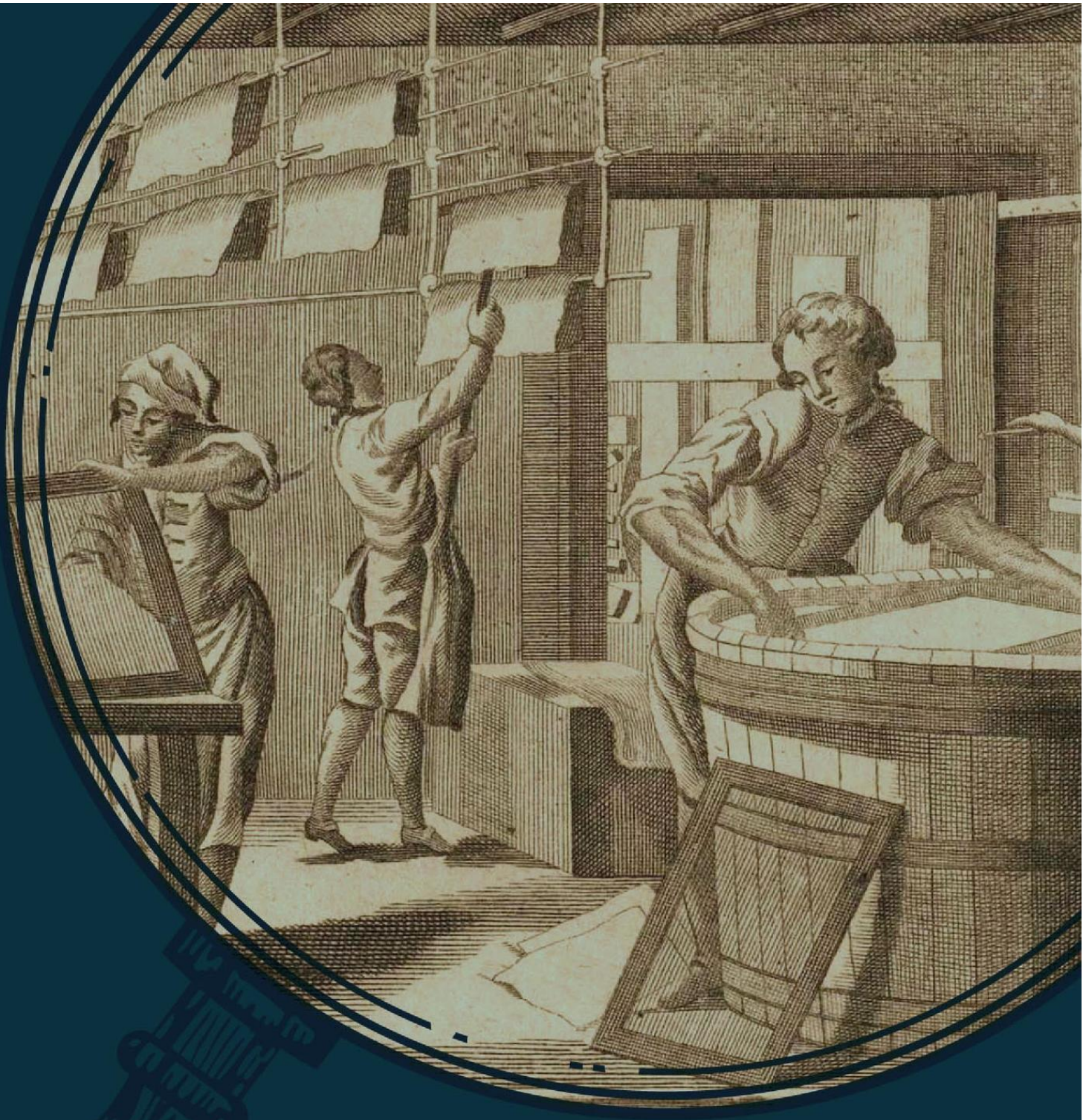

Андрей Келлер

ARTIFEX PETERSBURGENSIS

Ремесло Санкт-Петербурга XVIII – начала XX века

QUAESTIO ROSSICA

Библиотека журнала Quaestio Rossica

Андрей Келлер

Artifex Petersburgensis. Ремесло Санкт-Петербурга XVIII – начала XX века

«Алетейя»
2020

УДК 908(470.23-25)
ББК 26.89(2-2Санкт-Петербург)

Келлер А. В.

Artifex Petersburgensis. Ремесло Санкт-Петербурга XVIII – начала XX века / А. В. Келлер — «Алетейя», 2020 — (Библиотека журнала Quaestio Rossica)

ISBN 978-5-00165-149-9

В книге показана история петербургского ремесла с административно-законодательной, социально-экономической и культурно-философской точек зрения. Важную роль в ней играли ремесленные цехи, основанные указами 1721–1722 гг. Их смешанный состав из российских и иностранных ремесленников способствовал трансферу технологий, внедрению новых навыков и практик. Чтобы определить предмет ремесла, рассмотрены родственные ему понятия – «художество», «наука», «искусство». Рассмотрены институты ученичества, ремесленного образования, самоуправления и социальной защиты. Переосмыслено значение ремесла столицы в контексте интеллектуальной традиции народников-экономистов, что помогло пересмотреть роль ремесленного производства – малых и средних предприятий, понять, почему они успешно развивались как во времена мануфактуры, так и в период промышленной революции. В рамках социального прогнозирования сделана оценка того, как ремесленные практики и малые формы производства могут встраиваться в экономические концепции будущего в рамках устойчивого развития и зеленой экономики.

УДК 908(470.23-25)
ББК 26.89(2-2Санкт-Петербург)

ISBN 978-5-00165-149-9

© Келлер А. В., 2020
© Алетейя, 2020

Содержание

Введение 6
Глава I. Историографический обзор и методика исследования 18
Глава II. К истории понятий ремесла 76
2.1. Ремесло как художество, наука и искусство 76
2.2. Ремесленная мастерская, мануфактура, фабрика, завод 102
Глава III. Формирование института цехового ремесла 1712–1785 г 109
3.1. Предыстория появления цехов 109
Конец ознакомительного фрагмента. 145

Андрей Келлер
Artifex Petersburgensis. Ремесло Санкт-Петербурга XVIII – начала XX века (административно-законодательный и социально-экономический аспекты)

Введение

Ремесло Санкт–Петербурга претерпело за два столетия, как и сам город, разительные перемены. Фридрих Христиан Вебер, современник Петра I, сравнивал новую столицу с семью чудесами света античного мира, как превзошедшую последних по времени осуществления и масштабу, имея на это все основания[1]. Ведь в кратчайшие сроки был построен великолепный город, вставший в ряд первых столиц Европы и мира, не в последнюю очередь, благодаря труду многих десятков тысяч ремесленников.

Все большая востребованность понимания исторической связи между ремесленной мастерской и сегодняшними малыми и средними предприятиями (МСП) объясняется разворотом современной российской экономики в сторону зеленой и умной экономики в рамках устойчивого развития[2]. Для этого необходимо экологическое сознание, являющееся главной предпосылкой для создания инновативного формата предприятий с качественно новым наполнением. Именно на таких основаниях, по нашему твердому убеждению, должна строится диверсификация современной экономики.

Происходящее переосмысление роли ремесла сегодня позволяет по–новому прочитать его историю в рамках устойчивого развития, в котором социальное и экологическое определяют экономическое развитие, а не только капитал, инвестиции и технологии. Поэтому на первый план вновь выходят не ограниченные исполнители во фрагментированном производственном процессе, а специалисты с комплексным подходом и целостным видением предмета и конечного результата. Осмысленная работа (работа, наполненная смыслом) вновь вступает в свои права. В связи с этим, экономический, экологический и социальный векторы развития видятся не раздельно друг от друга как ранее, а в системном единстве устойчивого развития, что определяет не только взгляд в будущее, но и историческую ретроспекцию, исследования прошлого[3].

В данной связи история ремесла вписывается в сегодняшнюю повестку дня, являющуюся существенной предпосылкой для создания предприятий, организованных на принципах устойчивого развития. Ремесло как одна из универсальных компетенций любого творческого человека, как базисная деятельность, развивающая способности человека во всей их совокупности, способствует повышению креативности в поиске интеллигентных, в том числе сложных технологических решений. Отдельные элементы цеховой организации и кустарных промыслов

---

[1] Weber F. Ch. Das veränderte Russland… Teil 2. Hannover, 1739. S. 8.

[2] См. 17 целей для преобразования нашего мира в области устойчивого развития, декларированные ООН: «Малые и средние предприятия, занимающиеся промышленной переработкой и промышленным производством, играют решающую роль на ранних этапах индустриализации и, как правило, являются основными создателями рабочих мест. Они составляют более 90 процентов мирового бизнес–сообщества, и на них приходится 50–60 процентов рабочих мест» (URL: http://www.un.org/sustainabledevelopment/ru/sustainable–development–goals/ (дата обращения: 04.09.2017).

[3] См.: Саратаева Р. С., Нысанбаев А. Н., Сагикызы А. Экология человека в структуре современного научного познания // Вопросы философии. 2015. № 4. С. 36–47.

в их актуальной интерпретации могут послужить прототипом современной организации производства, объединяющей «ремесленных» мастеров по принципу *гибких сетей высокотехнологичных малых производств* (ГСВМП; small manufacturing networks), что поможет встроить их в современную модель устойчивого развития, основывающуюся среди прочего на ремесленных практиках, компетенции независимого мастера (предпринимателя), сетевом принципе, децентрализованности, элементах солидарности, кооперации и микрофинансирования. Такой взгляд задает новую ретроспективу на социально–экономическую историю ремесла в целом и на корпоративную историю цехов, в частности.

Анализ процесса трансфера и адаптации института цехов на российской почве XVIII – XIX вв. показывает, что данный западный институт организации ремесла на новых корпоративных принципах получил свое дальнейшее развитие в ходе вестернизации России. Введение цехов в России являлось важной институциональной инновацией, способствовавшей профессионализации городского ремесла, спецификации таких понятий как стандарт, качество, профессиональная честь, к укреплению новых положительных коннотаций в ремесле. Более того, производственная иерархия ремесленной мастерской как организационный принцип цехового производства была перенесена на все средние и крупные предприятия – мануфактуры и заводы, на огромном пространстве от Санкт–Петербурга до Урала.

Являясь неотъемлемой частью экономики города, ремесло и кустарные промыслы играли важную роль в индустриализации Санкт–Петербурга, адаптируясь к новым условиям. Следовательно, процессам модернизации были подвержены не только средние и крупные промышленные предприятия, но и ремесленные мастерские, являвшиеся важным компонентом необходимого профессионального базиса для индустриализации столицы [4]. Ремесленная промышленность, вобравшая в себя малое и среднее производство, являлась наряду с крупной капиталистической промышленностью драйвером развития городской промышленности и традиционных промысловых кластеров, используя методы синтеза новых знаний и технологий и приобретая гибридные формы существования.

В этой связи назрела необходимость актуализации интеллектуального наследия народников–экономистов, говоривших о своеобразии социально–экономического развития России, где важную роль продолжали играть ремесленная и кустарная промышленность, набирало обороты движение кооперации, наблюдалось объединение ремесленников по профессиональному признаку. К названной традиции принадлежат труды В. В. Берви–Флеровского, В. П. Воронцова, Н. Ф. Даниельсона, П. А. Кропоткина, В. С. Пругавина, М. И. Туган–Барановского, И. М. Кулишера, А. В. Чаянова[5].

Кропоткин писал о взаимопомощи как важной составляющей движения кооперации и факторе эволюции: «И всякий раз, когда человечеству приходилось выработать новую социальную организацию, приспособленную к новому фазису его развития, созидательный гений человека всегда черпал вдохновение и элементы для нового выступления на пути прогресса всё из той же самой, вечно живой, склонности ко взаимной помощи»[6]. То, о чем писал Кропоткин, стало сегодня чрезвычайно актуальным. Дж. Рифкин пишет вновь о солидарности (см. теорию

---

[4] См. дискуссию о понятии модерность и модерный: НЛО. 2016. 4 (140). С. 16–91.

[5] См.: Воронцов В. П. Судьбы капитализма в России. СПб, 1882; Кропоткин П. А. Взаимопомощь как фактор эволюции. М., 2007; Кулишер И. М. Очерк истории русской промышленности. Петроград, 1922; Туган–Барановский М. И. Русская фабрика в прошлом и настоящем. Историко–экономическое исследование. СПб., 1900. Т. I. Историческое развитие русской фабрики в XIX веке; Он же. Социальные основы кооперации. М., 1916; Он же. Социальные основы кооперации / Предисл., коммент.: Л. А. Булочникова, Г. Н. Сорвина, Т. П. Субботина. М., 1989; Чаянов А. В. Основные идеи и формы организации сельскохозяйственной кооперации. М., 1991; Осмысливая зарубежный опыт, Туган–Барановский издал исследования о жизни таких противоположных личностей, как теоретик анархизма П. Ж. Прудон и либерализма Д. С. Милль (Он же. П. Ж. Прудон: Его жизнь и общественная деятельность. СПб., 1891. (Жизнь замечательных людей. Биографическая библиотека Флорентия Павленкова); Он же. Д. С. Милль: Его жизнь и учёно–литературная деятельность. СПб., 1892).

[6] Кропоткин П. А. Взаимопомощь как фактор эволюции… С. 174.

солидаризма), как о важном социальном капитале[7]. В дореволюционной России существовало, пожалуй, самое мощное кооперационное движение в Европе, которое могло дать в будущем примеры для подражания Западной Европе. Темпы роста промысловой (ремесленной и кустарной) кооперации в России, вплоть до 1917 г., впечатляют. Число ее участников составляло к этому времени 4,6 млн. человек[8]. Поэтому не случаен интерес к этой проблематике сегодня[9]. Говоря о начале и конце капитализма, современные авторы дискутируют об альтернативных путях социально–экономического развития. Йохай Бенклер успешно интегрирует концепцию кооперации и глобальных сетей в реалии рыночной экономики[10]. Руководитель Центра коллективного разума при Массачусетском технологическом институте Томас Малон, в соавторстве с другими учеными, поднимает тему коллективного разума и группового перформанса[11].

Сочетание исторических и современных дискурсов крупной и мелкой промышленности позволяет сделать концептуальный разворот в целеполагании развития МСП, от чего в конечном итоге зависит успех построения российской зеленой экономики на новых началах. Нахождение интегративных подходов в комплексном исследовании истории российской экономики, помогает рассматривать крупные, малые и средние предприятия не как антиподы, но в их совокупности, как одинаково важные части единого экономического целого, в целях гармонизации его функционирования. В этом заключается живая связь исторического знания и современных концепций социально–экономического развития.

Особое видение проблематики ремесла и ремесленника в истории человечества зависит, прежде всего, от аспектов универсального характера. Первый аспект – это образ творца, или человека в роли творца или демиурга (от греч. demiurgos – мастер, творец), познающего реальный мир и преобразовывающего его, благодаря опыту. Второй аспект касается мотивов ремесленного труда, существенно отличающихся от таковых в капиталистических экономиках, основой которых является система, построенная на капитале и крупном промышленном производстве. Ремесленный мастер стремится не только к материальному благополучию и не столько к обогащению, сколько к сохранению своего безбедного существования, повышению профессионального мастерства и сохранению социального статуса. Локальное производство ремесленного мастера укоренено в конкретных «соседских отношениях», которые мастер сохраняет с помощью поддержания социальных связей[12]. Поэтому в исследовании акцент делается не на владении средствами производства и не на увеличении капитала, не являющимися главными в работе и «жизненной философии» ремесленника. Последнего отличает особое отношение к своему труду, к производимому продукту как к уникальному и оригинальному, особое выстраивание социальных связей в ремесленной мастерской и за ее пределами.

Ремесло рассматривается нами как особый социально–экономический институт, приобретавший, в ходе своей эволюции, различные формы бытования в городе, на селе и в кустарно–промышленных районах. Под ремеслом понимается самостоятельная производственная деятельность, а) неразрывно связанная с личностью, осуществляющей эту деятельность на основа-

---

[7] Rifkin J. Die Null–Grenzkosten–Gesellschaft. Das Internet der Dinge, kollaboratives Gemeingut und der Rückzug des Kapitalismus. Frankfurt a.M., 2014.

[8] Билимович А. Д. Кооперация России до, во время и после большевиков. М., 2005. С. 64.

[9] Егоров В. Г. Отечественная кооперация в мелком промышленном производстве: становление, этапы развития, огосударствление (первая треть XX в.). Монография. Казань, 2005; Соболев А. В. Кооперация: экономические исследования в русском зарубежье: монография. М., 2013.

[10] Benkler Y. The Wealth of Networks: How Social Production Transforms Markets and Freedom. New Haven and London. 2006. P. 272.

[11] Gimpel H. Interview with Thomas W. Malone on “Collective Intelligence, Climate Change, and the Future of Work, Business & Information Systems Engineering: 2015. Vol. 57: Iss. 4, 275–278; Woolley A. W., Ishani A., and Malone T. W. Collective Intelligence and Group Performance. Current Directions in Psychological Science Vol. 24, No. 6 (2015): 420–424; Handbook of Collective Intelligence. Malone T. W., Bernstein M.S. (Eds.). Cambridge, MA, 2015.

[12] См.: Смолко В. А. Концепции современного естествознания. Челябинск, 2007. С. 7, 308.

нии индивидуальных способностей и профессиональной сноровки, с исчерпывающим знанием рабочих материалов, а также предоставление услуг (кроме транспорта и гастрономии), б) при которой в дополнение к ручной работе применяется производственная техника в виде инструментов, машин и технических приспособлений с целью изготовления предметов, прежде всего, повседневного массового потребления (пища, одежда, обувь) и быта (постройка и обустройство жилых помещений), а также специальных высокотехнологичных инструментов, приборов, изделий, применяемых в науке и промышленности, в меньшем количестве – предметов декоративно–прикладного искусства[13]. Регулярная городская ремесленная мастерская предполагала наличие мастера–собственника, учеников и подмастерьев, иногда рабочих. Но видовые градации ремесленников велики, как и виды ремесленной деятельности – от дипломированного цехового мастера, изготавливающего музыкальные, физические, оптические и многие другие сложные инструменты, до кустаря–одиночки, снимающего угол на съемной квартире, или кустарной избы, где кустарным промыслом могла заниматься вся семья на постоянной основе или в виде приработка к основным занятиям земледелием. Поэтому и терминологическое определение «ремесленного предприятия» или ремесленной мастерской могло иметь очень большой диапазон, в зависимости от ее локализации и социального слоя, представленного ее работниками и владельцем: цеховыми, крестьянами, мещанами, купцами, дворянами.

Мы исходим из расширенной концепции ремесленного труда или ремесленных практик, имеющих различные градации в профессиональном мастерстве и зависящих от их социальной, географической или территориальной локации. Ремесленный труд или ремесленные практики рассматриваются в их различных формах проявления: цеховой, нецеховой, городской, сельской, кустарной, промысловой, подрядной, индивидуальной, артельной, художественной (как отрасль декоративно–прикладного искусства, например, в художественном литье).

В отличие от рабочего на промышленном предприятии, у мастера есть целостное видение конечного продукта ремесленного труда. Со временем, как в городских ремеслах, так и в еще большей степени в ряде кустарных ремесел, наблюдалась тенденция к дифференциации производственного процесса с двумя основными вариантами: в первом случае последний разбивался на несколько более простых операций, где промежуточный продукт поступал далее в распоряжение других кустарей для его дальнейшей обработки, или же, во втором случае, происходила дальнейшая специализация ремесла и возникновение более узких профессий с углублением умений и навыков в специальной области производства. Отсюда возникло современное слово специалист или специальность[14].

Важными для реконструкции истории ремесла являются два феномена, пережившие народы, государства и исторические эпохи – археологический продукт ремесленного производства как артефакт (материальный предмет) и язык (слово и термин)[15]. Иными словами, происходит возвращение и обращение не столько к структурам и моделям, сколько к человеку, сделавшему эту *вещь*: кусок ткани, кувшин, топор, и говорившему на этом *языке*. Мостики бытования ремесла из прошлого в настоящее позволяет перекинуть феноменология. Язык

---

[13] См.: Kaufhold K. H. Umfang und Gliederung des deutschen Handwerks um 1800 // Abel W. (Hrsg.). Handwerksgeschichte in neuer Sicht. Göttingen, 1978. S. 28.

[14] Первое упоминание в русском языке в 1663 г., латинское происхождение слова (от lat. specialis к species), заимствованного из польского specialny (Vasmer M. Russisches etymologisches Wörterbuch. Bd. 2. Heidelberg, 1955. S. 707).

[15] Первые артефакты, произведенные человеком, относятся ко времени в 1,3 млн. лет, когда появился *человек умелый*, а за ним и *человек работающий*, задолго до *человека разумного* (примерно 200.000–100.000 лет назад) (Бурлак С. Происхождение языка: Факты, исследования, гипотезы. 2–е изд., перераб. и доп. М., 2019. С. 193); Ремесленные практики появляются задолго до первых цивилизаций. Самыми древними артефактами являются наконечники стрел из отщепов камня, найденные в Южной Африке – их возраст составляет 64.000 лет. Самым древним наконечникам в Европе – 35–24.000 лет. Керамика появилась 25.000 лет назад. Неолитическая революция примерно с 12.000 до 7.000 лет до н. э. означала появление сельского хозяйства, вытеснение каменных орудий металлическими (Вуттон Д. Изобретение науки: Новая история научной революции / пер. с англ. Ю. Гольдберга. М., 2018. С. 11).

вещи и ремесленная терминология помогают постичь не столько временную, сколько антропологическую составляющую истории. Через призму ремесла, следовательно, внимание фокусируется на человеке, а не на капитале, машине (инструменте, средствах производства) и продукте, являющимися его производными. Ремесло противопоставляет себя всему массовому: массовой продукции, массовой культуре, а любая ориентация на массовость означает смерть человека как агента социальности. Возвращение к ремесленному мастеру, как полноценному агенту социальности и участнику экономического процесса, означает возвращение человеку его места в бытии и обретение им самого себя, а значит и окружающего мира, неподвластного машинам и экономическим кризисам. С началом и ускорением промышленной революции в XIX в., Европу и Россию, как неотъемлемую часть мирового хозяйства, все чаще начинают сотрясать экономические и социальные кризисы, сопровождающиеся периодическими крахами на биржах. Погоня за новыми рынками сбыта, сферами (колониального) влияния и политическое противостояние европейских военно–политических союзов, привели к двум мировым войнам, а спекуляции на бирже – к крупнейшему финансовому краху 1929 г. В более широком историческом контексте это кризисы 1857, 1873–1878, 1929–1933 и 2008 гг.[16]

Ремесленное производство как необходимое условие возникновения и существования древнейших видов хозяйственной деятельности человека – земледелия и скотоводства, доминировало вплоть до начала индустриальной революции в XIX в. в производственной сфере экономик большинства сообществ. Ремесленники производили орудия труда, без которых любая производственная деятельность человека, в том числе и обустройство своего жизненного мира, была невозможна. С большой долей вероятности, возникновение ремесел и первых «ремесленников» можно приурочить к появлению первых артефактов в истории человечества. Еще до середины XIX века валовой продукт любой европейской страны состоял, в большой степени, из двух основных частей: сельскохозяйственной и ремесленной. Поэтому трудно переоценить роль ремесленного труда, являющегося составной частью культурного наследия человечества, внесшего значительный вклад в формирование таких базисных антропологических признаков человека, как любопытство испытателя, креативность и усидчивость мастера.

Размышляя об особенности творческого интеллекта направлять свою перформативную энергию на материальный продукт, Анри Бергсон писал: «Мы рождаемся ремесленниками и геометрами, и даже геометры–то только потому, что мы – ремесленники»[17]. И далее: «Прежде чем стать художниками, мы бываем ремесленниками»[18]. Но философ идет еще дальше, в начало мира, и высказывает мысль о возможности изначального одновременного генезиса материи и интеллекта. Следовательно, «интеллектуальность и материальность должны были складываться в своих деталях путем взаимного приспособления»[19]. Бергсон, как любой радикальный философ, меняет устоявшуюся терминологию и предлагает заменить понятие *Homo sapiens*, как определение человека разумного, на *Homo faber* (лат. faber художник, кузнец, ремесленник, мастер) или «Человек творящий», «Человек производящий». Бергсон отмечает главную особенность человеческого интеллекта в творческой эволюции: «Итак, интеллект, рассматриваемый в его исходной точке, является способностью фабриковать искусственные предметы, в частности из орудий создавать орудия, и бесконечно разнообразить их выделку» [20]. При этом способность к *фабрикации* Бергсон находит уже у животных[21]. Эту способность у чело-

[16] Kocka J. Arbeit im Kapitalismus. Lange Linien der historischen Entwicklung bis heute. URL: http://www.bpb.de/apuz/211041/arbeit–im–kapitalismus–lange–linien–der–historischen–entwicklung–bis–heute (дата обращения: 06.04.2017).

[17] Бергсон А. Творческая эволюция. Пер. с. фр. В. Флеровой; Вступ. Ст. И. Блауберг. М., 2001. С. 75.

[18] Там же, с. 76.

[19] Бергсон А. Творческая эволюция. Пер. с. фр. В. Флеровой; Вступ. Ст. И. Блауберг. М., 2001. С. 193.

[20] Бергсон А. Творческая эволюция <авторизованный пер. с фр. В. А. Флеровой>. М.–СПб., 1914. С. 123. Цит. по: Священник Павел Флоренский. Сочинения в четырех томах. Т. 3(1): У водоразделов мысли. М., 2000. С. 378.

[21] Там же, с. 152.

века он называет жизненным порывом, находящим свою реализацию в потребности творчества[22].

Павел Флоренский одну из глав в своей книге «У водоразделов мысли» называет «Homo faber». Там он цитирует формулировку А. Бергсона, приведенную выше[23]. Соглашаясь с последним о тесной связи техники и интеллекта, он называет также Эрнста Маха, развивавшего мысль о взаимодействии науки и техники[24]. Флоренский приходит к выводу, что «если разум вовне раскрывает себя, как неопределенно возрастающая и осложняющаяся совокупность *орудий*, то, изнутри рассматриваемый, он есть совокупность *проектов этих же орудий*, схем и образов, обладающих притом импульсом к экстериоризации, к воплощению, к материализации. Разум есть потенциальная техника, техника есть актуальный разум»[25].

С. А. Азаренко пишет по этому поводу: «Орудие – это то, что обнаруживает деятельность разума "вовне", ибо разум как способность познания биологически виден быть не может. Разум экстериоризуется в производительных орудиях, а последние есть не что иное, как материализовавшиеся проявления разума. Таким образом, человек есть homo sapiens (разумный) лишь постольку, поскольку он homo faber (ремесленник). Разум, по Флоренскому, есть деятельность по проекту, то есть целеполагаемая деятельность. Соответствие между организмом и его средой совершается при помощи дополнения или даже удвоения чувств и органов. Орудия расширяют область человеческой деятельности и его чувства тем, что они продолжают его тело. Таким образом, живое тело есть первообраз всякой техники»[26].

Ключевая идея Флоренского в концепции органопроекции об удвоении человеческого тела: где живое тело является первообразом любой техники, может быть применена для объяснения возникновения ремесла и артификации социального пространства[27]. В этом смысле П. Слотердайк может смело ссылаться на русского философа как на своего предшественника, когда он говорит о том, что «любая техника является расширением, растяжением человеческого тела, и становится продолжением потенциала его органов во внешнем пространстве». В пример можно привести организмы, «одетые» в кожу, которая дополняется одеждой и домом; орган речи, из которого рождается письменность и печатный станок; рука, действия которой усиливают инструменты, машины и станки; глаз, усиливающийся такими устройствами, как очки, телескоп, микроскоп; колесо автомобиля как продолжение ноги и т. д.[28]

Оттеснение в эпоху модерна ремесла и мастера, в том числе и в историографическом смысле, на второй план, имеет глубокие исторические корни. В. Феллер говорит в этой связи о смене мировоззренческих парадигм в пятидесятые–семидесятые годы XIX века: «Теория Дарвина сменила гештальт Творца–Мастера, воспринимавшийся большинством европейцев как основное доказательство бытия Божия», а с ним привела к деградации высокого места ремесленного мастера в шкале ценностей модерного общества, «обесценились тысячи "образцов" в "тонкой структуре приложений", организованные образом человека–мастера, производящего, творящего вещи»[29]. И далее: «Для многих исчезновение одного из основополагающих мета-

---

[22] Там же, с. 246.

[23] Священник Павел Флоренский. Сочинения… С. 378.

[24] См.: Hubig C. Historische Wurzeln der Technikphilosophie // Hubig Ch. [Hrsg. u.a.]. Machdenken über Technik: Die Klassiker der Technikphilosophie und neuere Entwicklungen. Berlin, 2013. S. 19–40.

[25] Священник Павел Флоренский. Сочинения… С. 379; Научно–философские и теоретические работы физика и математика Эрнста Маха, противопоставившего классическим представлениям об абсолютном пространстве, времени и движении релятивистское понимание этих категорий, легли в основу специальной теории относительности А. Эйнштейна (1905).

[26] Азаренко С. А. Топологии сообщества. Казань, 2014. С. 130.

[27] Азаренко С. А. Сообщество тела. М., 2007. С. 9–10, 13.

[28] Sloterdijk P. Innovationen – Katalysator für einen gesellschaftlichen Paradigmenwechsel. URL: https://www.youtube.com/watch?v=bvzNq1dhiVU (дата обращения: 20.10.2018).

[29] Феллер В. Введение в историческую антропологию. Опыт решения логической проблемы философии истории. М., 2005. С. 47.

физических доказательств бытия Бога [аристотелевского мастеровитого и работного бога. – А. К.] и переключение с метафизической метафоры Мастера на метафизическую модель Рынка в условиях торжественного шествия капитализма и действительного вытеснения рыночными отношениями древних корпоративных, мастеровых отношений стало причиной полного изменения мировоззрения […]. Новая формула Рынка побеждала старую формулу Мастера, действовали на мыслящих людей как те самые куновские "тонкие примеры приложений"»[30].

Пожалуй, мы не будем искать глубокого метафизического смысла в трагедии, случившейся во время большого пожара в соборе Парижской Богоматери в ночь с 15 на 16 апреля 2019 г. Но почему подобная катастрофа стала возможной в эпоху «умных машин» именно в XXI в., а не на протяжении последних почти 600 лет со времени постройки собора? Не потому ли, что столяр с рубанком или каменотес с зубилом не несли с собой той опасности, что несет в себе машина, оставленная без присмотра? Последняя перегрелась и произвела короткое замыкание, в результате чего произошел пожар. В данном случае машина «взяла на себя» слишком много. Но ей нет дела до того, что она уничтожила. Для нее это не играет никой роли и не несёт никакой ценности. У нее своя логика. Культура стала не результатом воспроизводства определенных техник, но техника завладела культурой и диктует ей свою логику. Подчинившись машине, она уже не принадлежит самой себе. Человек и его культура попали в опасность, хотя и сама машина является частью этой культуры.

Нотр–Дам–де–Пари стал символом покинутости мастерами данного сакрального социопространства. Став симулякром духовности в процессе модерной трансформации, собор превратился в объект вожделения «романтического» туризма. Выведение его из традиционного культурного круга–пространства привело к тому, что он стал частью машинного мира, в котором присутствуют иные техники функционирования. Нотр–Дам осиротел вследствие забвения бытия, покинутости, в котором нет больше мастера. Пожар – это, прежде всего, следствие технизации человеческого сознания и «взбесившегося» автомата. Каменотес и плотник не смогли сделать то, что сделали электроприборы.

М. Хайдеггер в своей работе «Вопрос о технике» устанавливает принципиально важную связь между «техне» (искусство, произведение мастера), «фюсис» (природа) и «пойесис» (про–из–ведение), нарушение которой чревато непредвиденными последствиями: «Когда–то не только техника носила название "техне". Когда–то словом "техне" называлось и то раскрытие потаенного, которое выводит истину к сиянию явленности. Когда–то про–из–ведение истины в красоту тоже называлось "техне". Словом "техне" назывался и "пойесис" изящных искусств. В начале европейской истории в Греции искусства поднялись до крайней высоты осуществимого в них раскрытия тайны (именно благодаря важной связи трех понятий. – А. К.). Они светло являли присутствие богов, диалог божественной и человеческой судьбы. И искусство называлось просто "техне". Оно было одним, единым в своей многосложности, раскрытием потаенного. Оно было благочестивым, πρόμος, т. е. согласным голосу и молчанию истины. Искусства коренились не в художественной сфере. Их произведения не были объектом эстетического наслаждения. Искусство не было фронтом культурного строительства. Чем было искусство? Пусть на краткое, но высокое время? Почему оно носило скромное и благородное имя "техне"? Потому что оно было являющим и выводящим раскрытием потаенности и принадлежало тем самым к "пойесису". Это слово стало в конце концов именем собственным того раскрытия тайны, которым пронизаны все искусства прекрасного, – поэзии, созидательной речи».

Понятие по–става как «собирающе[го] начал[а] того устанавливания, которое ставит человека на раскрытие действительности способом поставления его в качестве состоящего–в–наличии» поднимает ремесло и технику на уровень экзистенциально важных составляющих

[30] Феллер В. Введение в историческую антропологию. Опыт решения логической проблемы философии истории. М., 2005. С. 47–48.

раскрытия мира: «Существо современной техники ставит человека на путь такого раскрытия потаенности, благодаря которому действительность повсюду, более или менее явно, делается состоящей–в–наличии. […] По–став есть миссия, сосредоточивающая на добывающе–производящем раскрытии сокрытого»[31]. Это значит, что человек ничего не может изменить в своей принадлежности к технической эпохе, являясь ее неотделимой частью, ее произведением: «человек произошел от камня» Слотердайка, но он может изменить свое отношение к технике, а значит и к ремеслу. Для темы ремесла данные мысли важны тем, что они по–став–ляют ремесло в контекст не только практического ремесленного знания, но и этических и социальных компетенций, направленных на производство полезного – «техне», в рамках понятия фронéзис (греч. φρόνησις), используемого Аристотелем. Последнее определено им как «суждения, способствующие действию по поводу вещей, хороших или плохих для человека, способность принимать верные решения; хорошее, полезное для человека, [о том,] какие [вещи являются благами] для хорошей жизни»[32].

В отношении ремесла это означает, что производственная деятельность сама по себе не является самоцелью, она лишь функция, техническая задача. Целью любой деятельности или поступка может быть только добро, т. е. в нашем случае производство полезных вещей. Применяя данное положение к методологии обучения (соотношение мануальных и когнитивных практик) и формам образования (структурирование образовательного и институционального пространства), возникает вопрос о влиянии цифровизации и виртуализации в процессах обучения, ведущих к симуляции действительности, а в конечном итоге и к потере творческих навыков созидательного труда, креативного мышления. Становится очевидным, что от решения вопроса о месте и значении «ремесла» в современном обществе непосредственно зависит рождение инноваций и создание инновационной экономики, основывающейся на креативности ее акторов. Модель ремесленной мастерской и мастера может послужить прототипом создания креативного пространства, а ремесленные практики могут стимулировать создание креативной личности. Данная модель учитывает механизмы обучения и обучаемости, заложенные всем предшествующим эволюционным развитием, где мультимодальное обучение: цифра и мануальные практики, работающие в рамках дискурса обучающего пространства, обеспечивают оптимальный образовательный процесс. Здесь классное пространство несет на себе функцию мастерской–лаборатории, а книги, тетради, письменные принадлежности, учебные пособия, инструменты и рабочие материалы – роль предметов, опредмечивающих окружающее пространство. Во взаимодействии с ними приобретаются необходимые навыки обращения и общения с окружающим миром. Мы исходим из того, что инновации рождаются там, где в буквальном смысле что–то делают руками в команде. В применении к обучению в истории, можно привести в пример игру, тематизирующую советскую историю 1930–х годов, разработанную К. Д. Бугровым для студентов департамента Исторический факультет Уральского гуманитарного института в 2016 г.

Существуют три больших нарратива, к которым мы будем обращаться на протяжении нашего повествования: ремесло или техника (греч. techne) и трагедия, ремесло и труд, ремесло и потребление. Первый нарратив основан на мифе из древнегреческой мифологии о кузнеце–полубоге Прометее, давшем людям огонь, символизирующий запретное знание, присущее только богам. Второй касается учений А. Смита о свободном рынке и К. Маркса о капитализме, касающихся аспектов разделения и обесценения труда. В третьем нарративе речь идет о массовом продукте и массовом потреблении, характерном для современной экономики.

---

[31] См.: Хайдеггер М. Вопрос о технике / перевод Владимира Бибихина. URL: http://www. bibikhin.ru/vopros_o_tekhnike (дата обращения: 30.04.2019).

[32] Аристотель. Сочинения в четырех томах. Т. 4. М., 1983. С. 24; Аристотель. Никомахова этика. Перевод: Н. Брагинская. Серия: Философы Греции. М., 1997; Цит. по: Романовский Н. В. Фронензис в концепции Бента Флиберга // Социологические исследования. 2012. № 1. С. 17.

Перефразируя П. Слотердайка о том, что камень создал человека, т. е. первый человек был одновременно и ремесленником, можно сказать, что рука создала человеческий мозг. Эта связь важна потому, что, если нет взаимодействия руки и сознания, сочетания мануальной и когнитивной работы, нет полноценного обучения. Это шаги эволюции, во время которых человек стал человеком. Если убрать мануальное и оставить только когнитивное, виртуальное, человек теряет способность обучаться новому, теряет социальные компетенции, разучивается работать в группе и кооперироваться.

Утверждаемая тесная связь когнитивных и мануальных практик равнозначна связи органов нашего тела: головного мозга и руки. В зависимости от того, насколько важной эта связь признается, основываются концепции образования, а значит и их результаты. Существует предположение, что неучитывание заложенных в человека эволюцией механизмов усвоения знаний, может негативно сказаться на процессах обучения, поставит систему образования в целом перед серьезными проблемами в передаче знаний. Анализ ремесленных практик показывает тесную связь «интеллигентных рук» и когнитивных процессов, помогает понять важность сочетания мануальной и интеллектуальной работы, без которого обучение не будет достигать поставленных целей. Отсюда, например, и вопрос о том, каким образом цифровизация и виртуализация образования меняют восприятие и усвоение знаний, умений и навыков.

Делать что–то руками, значит получать опыт и повышать уровень усвоения материала. Скачать презентацию в PowerPoint из интернета один вид получения знания, другой, записывать за лектором, а значит фиксировать одновременно свои мысли. Записывание текста можно сопоставить с работой мастера с деревом, камнем, тканью, металлом, живущего в ритме своего сердцебиения и дыхания. Поэтому говорят – он вдохнул в свой труд свою душу. В данном контексте неизбежно противопоставление ритма сердца ритму машины, родившемуся из первого. Отсюда происходит трудность в определении границы перехода от ремесленной мастерской к заводу, связанная с тем, что это один технологический культурный процесс отношений человека и техники в поставе. Культура человечества артицифична или артефактна по своей сути, т. е. она создает то, чего в природе до этого не существовало. Отсюда давнее сравнение творца с демиургом (мастером, ремесленником) и человека с творцом, родившееся из аналогии: раз я способен производить нечто, значит должно существовать абсолютное начало, персонифицированное в идее бога, создавшего все существующее. Следовательно, человек способен экстрагировать члены своего тела и органы своего организма во внешнюю среду в виде механизмов и машин, являющихся частью, продолжением его природы, его культуры, его цивилизации. Так же, как технологии и машины, интегрированные в природу человека и его окружающую среду. Из этого следует, что необходимо выработать новое отношение к машине через ее интеграцию в мир человека с помощью ремесленных практик.

С переосмыслением истории европейского ремесла, и петербургского ремесла в том числе, пересматриваются его роль и значение не только в прошлом. Изменение перспективы и понимание ремесла как самодостаточной хозяйственной деятельности меняет на него взгляд сегодня и на его развитие в будущем. Учитывая специфику истории ремесла, можно говорить об актуальности ее рассмотрения как новой или самостоятельной отрасли исторической науки. К примеру, авторы сборника статей «Ремесло в Европе: от позднего Средневековья к раннему Новому времени», увидевшего свет в 1999 г., рассматривают особенности ремесленного ученичества, не менее важные для сегодняшней профессионально–технической подготовки. Обучение в мастерской цехового мастера авторы сборника называют сложным социальным и культурным процессом, находящимся в постоянно меняющемся историческом контексте[33]. По–

[33] Идея постоянно меняющегося исторического контекста не потеряла своей актуальности, когда интенсивно переосмысливается роль машины и «ремесленного труда», сочетающего в себе элементы мануального и интеллектуального, в жизни человека в антропологическом контексте. Иными словами, чтобы не потерять свои человеческие черты, человеку необходимо стать снова «ремесленником», мастером, или оставаться им в актуализированном контексте современных цифровых техно-

новому оценивая профессиональное обучение в ремесленных цехах, Р. С. Элькар справедливо указывает на то, что не стоит недооценивать их роль в образовании и трансфере знаний путем миграций, учитывая условия коллективной внутренней и внешней организации посредством правового регулирования, ритуализации и корпоративных механизмов защиты необычайно высокой мобильности цеховых ремесленников Средневековья, в особенности подмастерьев[34]. Для этого, по мнению Элькара, в поисках написания новой социальной истории необходимо попытаться связать дискурс и практику или, другими словами, двигаться от описания дискурса к анализу практики.

Новая исследовательская перспектива позволяет проанализировать петербургские ремесленные цехи не только как конкретное проявление модернизации промышленности и общества, но и как развитие альтернативных экологичных и социальных экономических форм существования на локальном уровне. Поэтому центр тяжести в данном исследовании предлагается перенести с изучения цехов как «средневекового» института на цехи как инструмент вестернизации российского общества и перенесения новых коммуникативно–управленческих, хозяйственных и технологических практик. Изучение социальной эволюции цехов предполагает исследование инструментов интеграции и развития западноевропейского института на российской почве: правовых норм, системы местного управления и самоуправления, создающих институциональные рамки для агентов социальности, вынужденных действовать в пределах заданных российских норм и правил.

Важно изучать данный практический опыт сегодня, когда разрабатываются новые концепции развития будущего, ищутся альтернативные пути, основывающиеся не на ресурсной, а на ресурсосберегающей экономике, где в центре внимания находится человек. Немецкая модель промышленного развития показывает, что наиболее успешное технологическое развитие возможно при сочетании драйверов экономики среди малых и средних предприятий, имеющих генетическую связь с ремесленной промышленностью, с крупными технологическими концернами. Следует отметить, что именно такая модель позволяет достичь наибольшей занятости населения и высокого качества жизни. Ряд современных исследований, как в российской, так и зарубежной историографии, показывает, что именно в этой плоскости ищутся решения, как это ни парадоксально звучит, в уже «случившейся» истории.

Мы считаем целесообразным и продуктивным использовать принцип, допускающий познание качественно различных хозяйственных порядков, одним из которых является ремесло, в основе которого лежит традиционная культура. Поэтому анализ данного исследования основывается на признании важности исторического разнообразия экономических форм, имеющего своего соответствие в биоразнообразии природы. Можно предположить, что стремительное сокращение биоразнообразия и борьба за выживание ремесленного уклада имеют общую причину, лежащую в парадигме развития, получившей распространение примерно за последние 250 лет. Одной из основных теоретических предпосылок данного исследования является сочетание народнического интеллектуального наследия, настаивавшего на альтернативности путей развития на основах кооперации и развития ремесел и промыслов, с теорией социальной рыночной экономики и концепцией устойчивого развития, включающей в себя гармонизацию трех компонентов: социального, экономического и экологического, причем экологический фактор является определяющим для двух первых. Согласно этому, в работе представлен исторический материал, который использован для обоснования модели социальной рыночной экономики, основывающейся на принципах устойчивого развития, в которой МСП,

---

логий и хай–тек.-

[34] Elkar R. S. Lernen durch Wandern? Einige kritische Anmerkungen zum Thema "Wissenstransfer durch Migration" // Handwerk in Europa. Vom Spätmittelalter bis zur Frühen Neuzeit / hrsg. von Knut Schulz unter Mitarbeit von Elisabeth Muller–Luckner. München, 1999. S. 213; Steidl A. Auf nach Wien!: die Mobilität des mitteleuropäischen Handwerks im 18. und 19. Jahrhundert am Beispiel der Haupt– und Residenzstadt Wien, 2003.

основанное на ремесленных практиках и этике ремесленного труда, должного занять достойное место в экономике страны. Это, в свою очередь, может помочь в выстраивании экологичной производственной и жизненной среды человека.

Именно такое концептуальное сочетание истории ремесла с идеей гармоничного экономического развития, основывающегося не на исключительно антагонистических «экономических законах», но на вышеназванных принципах, позволяет достичь нового понимания истории российского ремесла. Для наиболее глубокого раскрытия механизмов пополнения рабочих кадров петербургского ремесла рассматриваются кустарные промыслы (также промысловые ареалы или кластеры) в Центральном и Северо–Западном старопромышленных районах[35].

Анализ истории российского ремесла позволяет произвести теоретическую диверсификацию воззрений традиционной экономической школы, постулирующей безусловную прогрессивность крупного (капиталистического) промышленного производства. На первый взгляд, основным парадоксом истории России XVIII – XIX вв., наряду с укреплением системы крепостного права в XVIII в. и модернизацией государственных институтов, является введение, развитие и расцвет цехов в Петербурге во время их «заката» в Западной Европе. На самом деле, цехи явились в России институтом развития профессий, стандартов качества и инструментом институционализации городского ремесла, без которых модернизационный прорыв Петра I был невозможен.

Цехи Петербурга, как профессиональная корпорация и сословно–социальный институт, подняли статус ремесленного мастера на новую высоту. Ввиду фрагментарно исследованного вопроса возникновения и традирования общности цеховых ремесленников Петербурга в XVIII – XIX вв., видится крайне актуальным, рассмотреть амбивалентную проблему существования цехов, как полуоткрытого социального института, позволявшего ремесленникам крестьянского и иных сословий интегрироваться в социально–экономическую жизнь столицы первоначально в качестве временно–, а затем вечноцеховых ремесленников, получавших статус городских жителей, с другой, в качестве полузакрытой корпорации вечноцеховых мастеров. Видится целесообразным, сфокусировать внимание на исследовании формирования корпорации цеховых ремесленников Петербурга, как одного из институтов раннемодерного общества. Наблюдение административных практик ремесленного управления Петербурга позволяет лучше понять функционирование и особенности взаимодействия на трех уровнях – цеховой и городской администраций и органов государства. Это помогает выявить степень эффективности внутренних и внешних коммуникативных связей цехов с государственным аппаратом и оценить эффективность и дееспособность ремесленного управления в диалоге властных институтов и цеховых мастеров. Успешность последних определялась их умением пользоваться коммуникативно–управленческими практиками: «Социальное пространство–время проявляет себя как подвижное поле взаимодействий множества социальных агентов, принадлежащих к различным практикам и техникам. Между этими агентами на "общественной сцене" разворачивается процесс политической борьбы и игры. Поведение такой системы носит принципиально нелинейный характер, а потому непредсказуемо. В этой конкурентной борьбе и игре политические интересы имеют больший вес, нежели этика общения»[36].

---

[35] Так называемые Северо–Западный и Центральный старопромышленные районы являются исторически сложносоставными конгломератами территорий. Северо–западный район включает в себя древние новгородские земли от озера Ильмень до Белого моря, Олонецкие заводы, Карелия, Петрозаводск, позже – Петербург как крупный промышленный центр. Центральный промышленный район включает Волжский до Нижнего Новгорода включительно, Тульско–Серпуховской и Московский районы (более подробное описание «промышленной страны» (см.: Рындзюнский П .Г. Мелкая промышленность: ремесло и мелкотоварное производство // Очерки экономической истории России первой половины XIX века: сб. ст. под ред. М. К. Рожковой. М., 1959. С. 85).

[36] Азаренко С. А. Топологии сообщества… С. 175.

Как любой институт, претерпевающий адаптацию к местным условиям, российский формат цехов предполагал их постоянное пополнение за счет временноцеховых мастеров, в основном из крестьян, как правило, остававшихся в своем сословии и не пользовавшихся сословными привилегиями. Но была еще одна значительная группа бывших крестьянских ремесленников, ставших в своей социальной эволюции вечноцеховыми членами городского общества. Первое обстоятельство послужило толчком к возникновению конфликтного потенциала внутри цехов, особенно после реформ 1860–1870–х годов. Привилегии вечноцеховых мастеров стали тем очагом недовольства, который приводил к конфликту их интересов с временноцеховыми – посадскими ремесленниками из других городов или крестьянами, не пользовавшимися преимуществами цехового сословия. Взаимодействие мелкой промышленности, в виде городского ремесла и крестьянских промыслов, и крупной промышленности, показано на основе анализа использования ремесленных практик и их микровкраплений в крупное промышленное производство, особенно на предприятиях мануфактурного типа в период протоиндустриализации.

Мы живем во время смены парадигм, поэтому обозначим их, чтобы понять, с каких позиций и в каком ракурсе в этой книге пойдет речь о ремесле и ремесленниках. Традиционная история российского ремесла за последние 300 лет создавалась в рамках парадигмы развития сначала в условиях капитализма, затем социализма, сегодня снова капитализма. Общей для нее являются понятия классового антагонизма и классовой борьбы, рыночного капитализма, конкуренции, финансового капитала, себестоимости, собственности на средства производства. Основными параметрами для оценки успешности развития принимались создание крупной промышленности и общества потребления, массовой продукции и капитализации производства. Главными параметрами и побочными эффектами такого развития стали анонимность, асоциальность, социальные конфликты, внешняя опасность и империализм, глобализация, агрессия, захват рынков и природных ресурсов, экологический кризис, глобализация. Различные теоретические конструкции в рамках традиционной социально–экономической истории не давали истории ремесла никаких шансов стать инструментом конструирования и прогнозирования социально–экономических моделей развития настоящего и будущего. Ремесло всегда находилось в невыгодной позиции, всегда проигрывало.

В новой парадигме развития негативные факторы должны быть сведены к возможному минимуму. Это предполагает применение таких ключевых понятий, как социальность и сотрудничество, социальная справедливость и ответственность, социальный капитал и профессионализм, качество продукта, авторский продукт, индивидуальность и адресность, экологичность, локализация, человек и человеческие отношения, высокие технологии в рамках устойчивого развития. Постараемся посмотреть на историю ремесла в рамках концепции качества жизни и социального мира, вписать эту историю в контекст устойчивого развития, тем более, что возрождение Мастера началось уже в 1990–е годы, когда появилось почетное звание «Народный мастер Российской Федерации», присуждаемое Союзом художников России.

Глава I. Историографический обзор и методика исследования

Несмотря на сравнительно обширную историографию по истории цехов в России в российской и зарубежной историографии до сих пор остается ряд недостаточно исследованных принципиальных вопросов, имеющих непосредственное отношение к процессам модернизации страны, начиная с петровских реформ первой четверти XVIII в. В чем кроется причина такого отношения цеха историков к истории цехов в России, факт существования которых не удостоен пристального внимания ученых как некий исторический *casus exceptionis*, как институт, не имевший исторических корней в России? Следует ли из этого, что цехи не «прижились», что эпизод их существования в России является лишь «куриозным» фактом русской истории?

Долгое отсутствие институционализации ремесла и каких–либо обширных архивных фондов о ремесленниках вплоть до XIX века не способствовали появлению исследований по данной теме. В XX в. в России разрабатывалась, прежде всего, история «рабочего класса и крестьянства», включая крестьянские промыслы. Автором проведена работа в РГИА по выявлению и анализу сотен документов государственных учреждений, касающихся истории ремесла столицы, а также фонда ремесленной управы цехвых ремесленников в ЦГИА СПб. История цехового ремесла дает уникальную возможность показать в новом свете проблемы модернизации России, в целом, и цехового ремесла, в частности. Безусловно, отсутствие какого–либо социального института или его «чуждость» российской традиции не говорит о принципиальной невозможности его существования в российских условиях. История петровской модернизации и введение цехов как одного из ее институтов наглядно показывают это. Причина негативного отношения к цехам в российской историографии кроется в традиционном видении российской истории через призму истории западноевропейской, согласно которой возникает иллюзия анахроничности, а значит, и «антипрогрессивного» значения ремесленных цехов. И. И. Дитятин и Л. О. Плошинский, к примеру, говорят о неестественном введении цехов в России, система которых не имела оснований в «самой общественно–государственной жизни» и «рушилась вместе с его [Петра I. – А. К.] смертью»[37]. Согласно этой логике, введение института цехов противоречило «прогрессивному» и «поступательному» движению промышленности, их постепенному упразднению в Западной и Центральной Европе в XVIII и XIX вв. Следовательно, причины недостаточного освещения темы цехового самоуправления в России кроются, прежде всего, в истории развития самой исторической науки[38]. Становление последней в России приходится на время, наследовавшее идеалы эпохи Просвещения, а с ними и постулат о «мрачном» и «темном» Средневековье. Представление о цехах, как об «отсталом» и «реакционном» социальном институте, сформировавшемся именно в эту эпоху, имело однозначно негативный характер и было перенято в XX в. большинством западных и советских историков[39].

---

[37] См., напр.: Плошинский Л. О. Городское или среднее состояние русского народа в его историческом развитии от начала Руси до новейших времен. СПб., 1852; Дитятин И. И. Устройство и управление городов России. Ярославль, 1875–1877. 2 т. Т. 1: Города России в XVIII столетии. Ярославль, 1875. С. 301–302.

[38] Н. Степанов опубликовал в 1864 г. исследование об организационных и правовых нормах западноевропейского и российского ремесла (Степанов Н. Сравнительно–исторический очерк организации ремесленной промышленности в России и западно–европейских государствах. Киев, 1864). В 1876 г. И. И. Дитятин в исследовании городов написал о ремесленном самоуправлении, составлявшем важную часть городского самоуправления (Дитятин И. И. Устройство и управление городов России. Т. 2: Городское самоуправление в настоящем столетии. Ярославль, 1877).

[39] Так, например, немецкий экономист и историк Вернер Зомбарт сделал в 1902 г. привычный для того времени прогноз о вытеснении ремесла крупной промышленностью (Dürig W. Wandel des Berufsbildes des selbständigen Handwerkmeisters in der wissensorientierten Ökonomie // Lagemann B., Löbbe K. &. Schrumpf H. (Hrsg.): RIW–Mitteilungen – Wirtschaftlicher Strukturwandel und Wirtschaftspolitik auf dem Weg in die wissensbasierte Ökonomie, Bd. 53, Wirtschaftlicher Strukturwandel. 2002.

К. А. Пажитнов справедливо заметил в своем труде, опубликованном в 1952 г.: «Позднее образование цехового устройства ремесла в России послужило основанием для широко распространенного мнения о его искусственности и нежизненности[40]. […] [Но] поскольку ремесло в XVIII в. продолжало оставаться господствующей формой промышленной деятельности, русские ремесленники […] не могли не испытывать потребности в организации, могущей способствовать улучшению их положения»[41]. Этот устоявшийся взгляд на цеховое ремесло, изложенный в начале цитаты, не претерпел значительных изменений и является в российской историографии общепризнанным: «Участие ремесленников в европейском коммунальном движении X – XIII вв. внесло свою лепту в формирование городского самоуправления, в частности, основ и принципов демократии и гражданского общества в целом. Ничего подобного в отечественной исторической реальности не происходило»[42]. Этим объясняется устоявшаяся историческая ретроспектива, определяющим вектором развития которой является безальтернативное введение бессословного общества в России, что само по себе верно, но имеет свою специфику[43].

С нашей точки зрения, нецелесообразно рассматривать введение цехов в России как ненужное, только потому, что оно было не таким как в Европе, так как это подменяет реальные потребности конкретной исторической ситуации ретроспективным оценочным взглядом на историю цехового ремесла. В этом смысле точка зрения автора совпадает с таковой у К. А. Пажитнова, подчеркивавшего особенности российских цехов в отличие от западноевропейских на примере российского законодательства XVIII – XIX вв.[44].

Представленная в этой книге история ремесла основывается на критике рыночного капитализма Адама Смита (победа либерального дискурса и идеи «промышленной свободы»), критике критики капитализма Карла Маркса (преобладание капитала и техники) и критике турбо–капитализма или неолиберализма, так как модель ремесла представляет иную социально–экономическую, мировоззренческую и историко–философскую парадигму развития[45]. Обосновать диалектику пролонгации данной модели поможет историческое проектирование и прогностика. Показательным в этом смысле является разговор Гюнтера Грасса и Пьера Бурдье в 1999 г., в котором они говорят о тупиковых вариантах развития как модели социализма, так и модели капитализма. Продолжая эту тему, можно сказать, что сегодня существует насущная потребность появления новых моделей (устойчивого) развития и мирного сосуществования[46]. Критика неолиберального сообщества сегодня направлена против тех, кто выступает против его философии безудержного обогащения и социального дарвинизма: они объявляются «отсталыми», а неолибералы, уничтожающие социальный капитал и возвращающие общество в середину XIX в., – «прогрессивными». Парадокс нашего времени заключается в том, что критики неолиберализма, призываеющие к сохранению социального капитала, объявляются «архаистами» и «старомодными», хотя дело обстоит с точностью до наоборот, так как именно

S. 107–126; Zelnik R. E. Labor and Society in Tsarist Russia. The Factory Workers of St. Petersburg 1855–1870, Stanford, 1971. P. 12).

[40] См., напр.: Гайсинович А. И. Цехи в России в XVIII в. // Известия Академии наук СССР. Отд. Общественных наук. 1931. VII серия. С. 543, 568.

[41] Пажитнов К. А. Проблема ремесленных цехов в законодательстве русского абсолютизма. М., 1952. С. 172.

[42] Егоров В. Г., Чистова С. М. Городское ремесленное производство России в отечественной историографии. М., 2009.

[43] См., напр.: Рычков Н. Д. О цехах в России и Западной Европе // Русский вестник. 1863. Т. 47. № 11. С. 789–822; Степанов Н. Сравнительно–исторический очерк…; Кулишер М. И. Цехи у нас и в Европе // Русская мысль. 1887. Кн. 11. С. 32–72; кн. 12. С. 74–88; Дементьев Е. М. Цехи в России // ЭСБЕ. СПб., 1903. Т. 38. С. 131–134.

[44] См.: Пажитнов К. А. Проблема ремесленных цехов…

[45] См.: Misik R. Kaputtalismus. Berlin, 2016; Scheidler F. Das Ende der Megamaschine. Wien, 2015; Vašek T. Work–Life–Bullshit. Warum die Trennung von Arbeit und Leben in die Irre führt. München, 2013.

[46] Günter Grass im Gespräch mit Pierre Bourdieu (1999). URL: https://www.youtube.com/watch?reload=9&v=YY0SYZZGB8I (дата обращения: 25.04.2019).

неолиберализм можно назвать консервативной революцией. Называя дальнейшую либерализацию экономики прогрессом, неолибералы прикрывают тем самым социальный регресс, а прогресс, т. е. социальные реформы, регрессом.

После попыток социализации капитализма в 1950–х – начала 1970–х гг., началось новое наступление на социальность. Социализм и капитализм, выросшие из одного источника – уродливые дети Просвещения, уравновешивали друг друга, осуществляя функции контроля. Но начиная с 1990–х годов, без системных ограничений, капитализм превратился во «взбесившийся автомат». После нарушения общественного социального договора, идеологи неолиберализма делают ту же ошибку, что и коммунисты. Чтобы обосновать свою асоциальность, они пользуются квази–религиозными понятиями и аргументами веры, объявляя «свободу рынка» безальтернативной. Произошедшая подмена понятий – неолиберализм как всеобщий закон экономики, создает множество проблем для адекватного решения вопросов эколого–экономического развития. Социальные реформы должны выйти за национальные рамки и стать общеевропейским процессом, чтобы противостоять неолиберальному наступлению против проекта Просвещения, которому нет альтернативы. Сегодня, во время перманентного экономического и экологического кризиса, особое значение приобретают поиски альтернативных форм функционирования экономической жизни в рамках парадигмы устойчивого развития[47]. Немецкая исследовательница Николь Карафюллис рассматривает в философском ключе ремесленную деятельность, осуществляемую на грани техники и жизненного уклада, позволяя преодолеть, таким образом, «конец истории» в виде капитализма[48].

150 лет назад был опубликован первый том «Капитала», с изданием которого пробил «последний час» ремесла. Этот труд кардинально изменил и укрепил взгляд на власть капитала не только на рынке, но и в сознании, как основополагающей идеи экономического развития. ЮНЕСКО назвала это произведение самой влиятельной книгой XIX века, кардинально изменившей взгляд на место ремесла, добавим мы, а значит – мастера, ученика и подмастерья в современной экономике, а также на корпоративные традиции цехового ремесла. Безусловно, Смит и Маркс правы по–своему. Человеку свойственно руководствоваться в своих поступках соображениями своей личной выгоды; капитал имеет свойство «бесконечно» расти и искать себе применение практически во всех областях жизни. Это факты, сопровождающие нас в нашей повседневности. И, тем не менее, эта фактологичность не является окончательным доказательством истинности именно этой реальности. Она – лишь один из многих возможных вариантов развития.

Маркс определил на последующие 100–150 лет взгляд на труд как на товар, который в ходе товарного обмена должен порождать капитал. Ричард Лахман обозначил это так: «[…] история по Марксу – это история того, как функционирует капитализм и капиталисты […]»[49]. Ключевую роль здесь играет наемный труд: рабочая сила, создающая товар, а он, в свою очередь, прибавочную стоимость, аккумулирующую капитал. Человек в данном случае теряется или инструментализируется как придаток капитала или машины. Поэтому базисным процессом в традиционной экономической теории до сих пор считается капиталистическое накопление. Смысл производства заключается не в производстве полезных товаров, деградирующих, в действительности, в побочный продукт, а в производстве капитала, или прибавочной стоимо-

---

[47] Mumford L. Mythos der Maschine. Kultur, Technik und Macht. Wien, 1974; Rifkin J. The Empathic Civilization: The Race to Global Consciousness In a World In Crisis. NY, 2010; Он же. The Third Industrial Revolution: How Lateral Power is Transforming Energy, the Economy, and the World. London, 2011; Он же. The Zero Marginal Cost Society: The internet of things, the collaborative commons, and the eclipse of capitalism. London, 2014.

[48] Karafyllis N. C., Haar T. (Hg.). Technikphilosophie im Aufbruch. Festschrift für Günter Ropohl. Berlin, 2004; Karafyllis N. C. (Hg.). Das Leben führen? Lebensführung zwischen Technikphilosophie und Lebensphilosophie. Für Günter Ropohl zum 75. Geburtstag. Berlin, 2014.

[49] Лахман Р. Что такое историческая социология? М., 2016. С. 44.

сти. Подобно Ньютону, объяснившему закон всемирного тяготения, Маркс разработал «теорию гравитации» экономических законов, показавших якобы безграничное могущество капитала. Эта теория вызвала эффект волшебства, сделавшего вдруг «все понятным». Одна из первых рецензий называла «Капитал» хорошим пособием по управлению фабрикой. Человек здесь – это орудие труда для извлечения и генерации прибыли по схеме «товар–деньги–товар». Во избежание вопиющих системных диспропорций капитализма, Вальтер Ойкен разработал вместе со своими фрайбургскими коллегами теорию социальной рыночной экономики, нашедшей свое наиболее полное воплощение в социально–экономической модели послевоенной Германии (ФРГ), которая, правда, сильно эродировала в последние десятилетия под влиянием усилившегося неолиберализма. Развивая эту теорию и добавляя к ней экологическую составляющую, стало возможным говорить о концепции устойчивого развития, предполагающей смену парадигм от Капитала к Мастеру и новому качеству жизни, замену прежней схемы на новую – «человек–природа–человек».

По сути, мы не говорим ничего нового, но переосмысливаем старое. Поэтому произведение ремесла – это, если и не произведение искусства, то нечто индивидуальное и неповторимое, не только и не столько товар, сколько предмет, делающий нашу жизнь полнее, красочнее, увлекательнее. Ремесло не привязывается к идее товарного рынка, поэтому не происходит его дегуманизации, поскольку, приобретая ремесленный продукт, покупатель выступает не столько в роли потребителя, сколько соучаствует в празднике бытия. Предмет, изготовленный человеком эпохи Ренессанса, говорит прежде всего о его таланте: творца о его Творце. В натюрморте XVI века человек наслаждается любым предметом, потому что к предметам существовало принципиально иное отношение, основывающееся на том, что предметный мир прекрасен, так как он произведен нашими руками.

О совсем другом говорит предмет, описанный Карлом Марксом в системе товарно–денежных отношений. Хотя заслуга Маркса состоит именно в том, что он так определенно назвал вещи своими именами в нашей «плохой реальности». Процитируем его рукопись 1844 г. под рабочим названием [Отчужденный труд]: «Мы берем отправным пунктом современный экономический факт: […] Рабочий становится тем более дешевым товаром, чем больше товаров он создает. В прямом соответствии *с ростом стоимости* мира вещей растет *обесценение* человеческого мира. Труд производит не только товары: он производит самого себя и рабочего как *товар*, притом в той самой пропорции, в которой он производит вообще товары. […] предмет, производимый трудом, его продукт, противостоит труду как некое *чуждое* существо, как сила, не зависящая от производителя. […] При тех порядках, которые предполагаются политической экономией, это осуществление труда, это его претворение в действительность выступает как выключение рабочего из действительности, опредмечивание выступает как утрата предмета и закабаление предметом, освоение предмета – как отчуждение»[50].

По сути, произведенный предмет ни о чем больше не говорит. Он консумирует нас. Он анонимен и свободен от всяких смыслов и от всякой индивидуальности. С дегуманизацией в мире капитала демонстрируется лишь имитация чувств и актуализация бесконечных повторений. Теперь уже другой предмет, теперь человек: будь то офисный работник или рабочий на конвейере, повторяет монотонные операции. Человек начинает ненавидеть свою работу и те предметы, которые выходят из–под его рук. «Черный супрематический квадрат» (1915) Казимира Малевича, становится символом эпохи. В нем сфокусированы все линии света современности, которые, попадая в черный квадрат, естественно гаснут.

М. Э. Гизе, опираясь на работы Маркса, заострила взгляд в своих «Очерках истории художественного конструирования» на роли ремесла в последующих процессах механизации и машинизации человеческого труда. В своей работе она называет первые орудия труда и инстру-

[50] К. Маркс и Ф. Энгельс. Из ранних произведений. М., 1956. С. 560–561.

менты прародителями первых машин. Поскольку конкретный ремесленник в результате своего труда опредмечивает свою целостную индивидуальность, «постольку большинству из них была присуща не только функционально–утилитарная обоснованность, но и эстетическо–эмоциональная выразительность». Как отметила исследовательница, «в дальнейшем, с интенсивным разделением труда и машинизацией производства, эта эмоционально–эстетическая выразительность форм орудий труда сильно изменилась, а в некоторых отраслях производства исчезла совсем»[51]. Ценность исследования Гизе состоит в том, что она показала ясную органическую связь при переходе от ремесленного труда к промышленному и роль первого в возникновении таких экономически значимых отраслей производства, как машиностроение, станкостроение и приборостроение.

С помощью истории ремесла переосмысливается ценность и смысл работы ремесленника как творческой деятельности, где Homo faber бросает вызов Homo capitalicus, а время *антропоцена* переосмысливается как время *капиталоцена*[52]. Смена фокусировки исследовательского внимания помогает вычленить главную причину современного уничтожения производительных сил и окружающей среды – не человек как таковой, но господство финансового капитала. Его победное шествие началось во второй половине XVIII в., прежде всего после Великой французской революции, в ходе которой либеральная концепция победила корпоративную[53]. Из российской перспективы того времени события во Франции воспринимались как хаос и анархия, потрясающие основы. Поэтому в России именно в комбинации институтов монархии и сословий ожидалось (инстинктивно или осознанно) достижение необходимой «стабильности социума»[54].

Идея рыночной экономики прошла долгий путь развития от А. Смита (1776, саморегулирующийся рынок), К. Маркса (1867, капитал и средства производства), В. Ойкена (1939, социальная рыночная экономика), К. Поланьи (1944, роль государства как регулятора), Ф. А. фон Хайека (либеральная экономика и свободный рынок), до Э. Люттвака (1998, турбо–капитализм) и У. Мёсснера (2011, устойчивое развитие и рыночная экономика)[55]. При разнообразии концепций названных авторов все они «работают» в рамках логики капитализма и рынка. Купюра, служащая мерилом экономики и человека, приводит к инфляции человеческих ценностей. Предполагаемая мотивация и целеполагание только на извлечение прибыли, бесконечная «флексибилизация» персонала приводит к постепенному вымыванию базисных ценностей и снижению мотивации[56]. Одним из показателей этого процесса является соотношение постоянных и временных работников в Германии: в 1970 г. – 5:1, в 2015 г. – 2:1[57].

Долгая история рецепции концепции рыночной экономики и места ремесла в ней имеется и в России. Особый интерес для нас представляют дебаты о капитализме последней трети

---

[51] Гизе М. Э. Очерки истории художественного конструирования в России XVIII – начала XX века. Л., 1978. С. 5–6.

[52] См.: Moore J. W. Anthropocene or Capitalocene? Nature, History, and the Crisis of Capitalism (2016). Sociology Faculty Scholarship. Paper 1. URL: http://orb.binghamton.edu/sociology_fac/1 (дата обращения: 10.06.2017).

[53] Farr J. R. Artisans in Europe, 1300–1914. Cambridge; New York, 2000. P. 278–288.

[54] В XVIII в. под «стабильным социумом» подразумевалось именно верховенство монархии в союзе с послушанием подданных, организованных в соответствии с «чинами», позднее в состояниях или сословиях.

[55] Ойкен В. Основы национальной экономии. М., 1996; Поланьи К. Великая трансформация. Политические и экономические истоки нашего времени. Перевод с англ. А. А. Васильева, С. Е. Федорова и А. П. Шурбелева. Под общей редакцией С. Е. Федорова. СПб., 2002; Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. М., 1962; Хайек Ф. А. фон. Индивидуализм и экономический порядок. М., 2000; Luttwak E. Turbo capitalism. Winners and Losers in the Global Economy. London, 1998; Mössner U. Das Ende der Gier: nachhaltige Marktwirtschaft statt Turbokapitalismus. München, 2011.

[56] Авторский коллектив С. А. Липиной, Е. В. Агаповой и А. В. Липиной говорит об отрыве от реальности преобладающих направлений экономической теории, что требует пересмотра теорий спроса, предложения и роста; необходимо понимание экономического роста как богатства природы, восприятие людей и биосферы не как ресурс, а как выгодоприобретателей (Липина С. А., Агапова Е. В., Липина А. В. Развитие зеленой экономики в России: Возможности и перспективы. М., 2018. С. 130–131).

[57] Kocka J. Arbeit im Kapitalismus…

XIX – начала XX веков. Основная конкуренция парадигм развития России происходила в рамках дискуссии между сторонниками легального и леворадикального марксизма и представителями народнической мысли, многие из которых также находились под влиянием идей марксизма, деятелями земств, которых можно причислить к реформистскому идейному крылу. В свете событий последних трех десятилетий и несостоятельности концепций неолиберализма, видится целесообразным и необходимым посмотреть по–новому на народническую концепцию ремесла и кустарных промыслов с новым дизайном как альтернативной формы развития в посткапиталистическом мире[58]. Историко–философская концепция (ремесленного) мастера в новом историческом освещении приобретает принципиально важное значение в рамках международной дискуссии о перспективах будущего развития человечества в посткапиталистическом мире. Поэтому история ремесла помогает понять не только прошлое, но и создавать концепции экономического развития в настоящем и будущем. С пониманием границ роста, невозможности бесконечной максимизации прибыли, постоянной экспансии фирмы или предприятия, по–новому видятся возможности малого (ремесленного) формата производства.

Один из видных представителей народников–экономистов, В. П. Воронцов, отрицал необходимость развития России по капиталистическому пути[59]. Роза Люксембург писала, что «[…] именно Воронцов оказывал в 80–х годах огромное влияние на общественное мнение русской интеллигенции, и именно против него должен был в первую голову вступить в борьбу русский марксизм»[60]. Поэтому понятно, почему Ленин в своей работе о развитии капитализма в России оппонировал, кроме Н. Ф. Даниельсона[61], именно Воронцову, воззрения которого он называл не иначе как «романтическими предрассудками народничества»[62]. А ведь идея Воронцова экономики без капитализма, созвучная сегодняшней универсальной и всеобъемлющей концепции устойчивого развития, в сочетании с трудами А. Е. Теплоухова (природопользование, экология – здоровая окружающая среда) и С. А. Подолинского (энергия солнца и конечность ресурсов), могла стать основой для устойчивого развития не только российского ремесла, но и всей российской экономики[63]. Коренное различие между Воронцовым и Лениным состояло том, что для первого «человеческое измерение» было исходным пунктом на пути «социального и экономического прогресса», а исторический процесс как открытый имел альтернативы развития, в то время как для второго логика событий определялась «железными законами истории», неизбежно ведущими к классовой борьбе и социалистической революции.

---

[58] Понятие «посткапиталистический» введено Р. Дарендорфом в 1959 г. в контексте власти и подчинения на производстве (Дарендорф Р. Современный социальный конфликт. Очерк политики свободы. Перевод с немецкого Л. Ю. Пантиной. Редактор перевода М. Н. Грецкий. М., 2002; Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования / Перевод с англ. Изд. 2–ое, испр. и доп. М., 2004. С. 49).

[59] Воронцов В. П. Судьбы капитализма в России. 1–е изд. в 1882 г. М., 2008; Он же. Очерки кустарной промышленности в России. СПб, 1886.

[60] Люксембург Р. Накопление капитала. Т. 1–2. Перевод под редакцией Ш. Дволайского. С предисловием В. Мотылева. Изд. 5. М.–Л., 1934. С. 188.

[61] Даниельсон принадлежал к первым марксистам в России, издал совместно с Г. А. Лопатиным и Н. Н. Любавиным первый перевод трех томов «Капитала» К. Маркса. С 1864 г. по 1914 г. Даниельсон проработал в Обществе взаимного кредита (ОВК), сначала на должности бухгалтера, затем главного бухгалтера. ОВК являлся одним из прототипов современного микрофинансирования, связанного с оказанием финансовых услуг субъектам малого предпринимательства, предполагающий более свободный доступ малых предприятий к источникам финансирования. С 1877 года, исполняя должность главного контролёра до 1914 г., Даниельсон неоднократно получал предложения, войти в правление ОВК, но отказывался, оставаясь верным своим демократическим принципам. Заметим, что ОВК, одним из первых, реализовал механизмы финансирования МСП в России (см.: Патина Т. А. Инфраструктура финансовой поддержки субъектов малого предпринимательства // Молодой ученый. 2014. № 19. С. 346–349. URL: https://moluch.ru/archive/78/13700/ (дата обращения: 2017.12.02).

[62] Ленин В. И. Полное собрание сочинений. Т. 3. Развитие капитализма в России; Ин–т марксизма–ленинизма при ЦК КПСС. Изд. 5–е. М., 1979. С. 26.

[63] См.: Бейлин И. Г., Парнес В. А. Александр Ефимович Теплоухов. М., 1969; Николаев С. Ф. Хранители леса: Александр Ефимович и Фёдор Александрович Теплоуховы. Пермь, 1957; Подолинский С. А. Труд человека и его отношение к распределению энергии. М., 2005.

Единственное, что объединяло марксистов и народников, была критика капитализма. Но если главным требованием марксистов было необходимое развитие капитализма в России как закономерной предпосылки социализма, то их противники шли еще дальше и попросту отрицали его необходимость в России, чем опередили свое время на много десятилетий. Основывающиеся на концепции самобытного пути развития России к социализму (или назовем это справедливым социальным порядком) без повторения ошибок капитализма, народнические идеи привлекли внимание К. Маркса, которые он разделял лишь отчасти в отношении крестьянской общины как «социалистической ячейки»[64]. Первая книга «Положение рабочего класса в России» (1869), которую Маркс изучил в русском оригинале, принадлежала идеологу народничества В. В. Берви–Флеровскому[65]. Но главное не то, что объединяло или разъединяло таких разных мыслителей как Берви–Флеровский, А. И. Герцен, Н. Г. Чернышевский или П. А. Кропоткин по отношению к крестьянской общине как социально–экономическому идеалу, а заложенная в ней идея альтернативного капиталистическому развития под знаком социальной справедливости и экономического процветания, основанного на принципах солидарности и локальности. Правильность отдельных положений данной концепции, косвенно подтвердилась сбывшимися опасениями Плеханова, который «опасался, что преждевременная национализация "средств производства" […] восстановит в России "азиатскую деспотию" и повлечет новое закабаление крестьян "Левиафаном–государством". […] Национализация средств производства привела […] к установлению в СССР общества, гораздо более близкого к марксовому описанию "азиатской деспотии"»[66].

Эта, казалось бы, далекая от городского и цехового ремесла тематика крестьянской общины, на самом деле, им очень близка, так как затрагивает тему крестьянских промыслов, артелей и отхода на заработки в город[67]. Все земские деятели и исследователи крестьянских промыслов отмечали эту связь с городским ремеслом[68]. Цехи, вместе с артелями и крестьянскими промыслами, могли в социально–экономической ситуации того времени рассматриваться не столько тормозом на пути социально–экономического прогресса, сколько институтами социальной защиты и развития ремесла[69]. Движение кооперации, как институт социальной солидарности и инструмент экономического развития, было характерно как для крестьянских ремесленников на селе, так и в меньшей степени для ремесленников Петербурга: «В 1913 г. в России было более 30 тыс. кооперативов с общим числом членов более 10 млн человек»[70]. Хотя следует уточнить, что, говоря о широком движении кооперации в России с конца XIX в., не следует отождествлять ее с нередко мифологизированной и идеализированной крестьянской общиной и системой «мира»[71]. Движение кооперации гораздо шире и предполагает взаимодействие независимых социальных агентов экономической деятельности, объеди-

---

[64] Кара–Мурза С. Г. Дорога в СССР. Как «западная» революция стала русской. М., 2016. С. 44.

[65] Флеровский Н. (В. В. Берви–Флеровский). Положение рабочего класса в России. СПб., 1869.

[66] Лукин А. В., Лукин П. В. Экономическая политика в постсоветской России и российская истории // Полис. Политические исследования. 2011. № 4. С. 23.

[67] Под артелью понимается рабочий коллектив, зарабатывающий на жизнь совместным трудом и живущий в одном месте (см.: Bürgertum und Stadt in Rußland 1760–1870. Rechtliche Lage und soziale Struktur. Köln, Wien, 1986. S. 197); Слово «артель» использовалось в основном в «образованной» речи и имело множество синонимов: ватага, дружина, стая, котляна. Ее участники назывались артельщики, пайщики, уженщики, покручники и т.д. (Сазонов Г. Программа для собрания сведений о русской народной артели // Русская мысль. январь 1881. Кн. 1. С. 284).

[68] См., напр.: Пругавин В. С. Промыслы Владимирской губернии. Александровский уезд: Вып. 1. М., 1882–84.

[69] Корелин А. П., Шацилло К. Ф. П. А. Столыпин. Попытка модернизации сельского хозяйства России // Революция в начале века: революция и реформа. М., 1995. С. 30.

[70] Кара–Мурза С. Г. Дорога в СССР… С. 29.

[71] Михайлин В. [Ю]. Раб как антропологическая проблема // НЛО. № 142. Т. 2 (6/2016). Рабство как интеллектуальное наследие и культурная память. С. 403–404. URL: http://www.nlobooks.ru/node/8201 (дата обращения: 18.02.2017).

няющихся на взаимовыгодной основе[72]. Причем, лишь кредитные товарищества прижились среди городских ремесленников, ставших одними из первых инициаторов организации профсоюзного движения, как это было в Петербурге начала XX века[73].

Важность рассмотрения темы крестьянских промыслов, кооперации и ремесленников, берущей свое начало в народнической традиции, прерванной в начале 1930–х, а затем в начале 1970–х годов, заключается в том, что с ее позиций возможно еще одно написание истории «низов»: мелкой и кустарной промышленности, без которой, по словам В. В. Адамова, невозможно понимание промышленного и экономического развития России начала XX века[74]. Основными достижениями народников–экономистов можно назвать альтернативность мышления, социальную экономику, разработку основ движения кооперации, признание важности развития промыслов и ремесел, т. е. сегодняшних МСП. Их идея об эволюционном и социально приемлемом развитии играла роль признанного консенсуса в обществе: от правительства до земства, пока не была вытеснена революционными идеями леворадикального крыла российских марксистов в лице социал–демократов (большевиков), ведомых их лидером В. И. Лениным. Движение народнической экономической мысли или интеллектуальной традиции последней трети XIX – начала XX века было, наряду с революционным социально–экономическим учением Маркса, не менее влиятельным в России. Теоретические и практические выводы названной традиции во многом созвучны экономическим идеям, получившим свое дальнейшее развитие в конце XX – начале XXI века. Осознание упущенных возможностей вызывает горечь потерь – ведь спустя 150 лет, идеи народников–экономистов вновь находятся в абсолютном тренде. Это подтверждает присуждение целого ряда Нобелевских премий мира и по экономике за последние 28 лет. Среди лауреатов – Рональд Коуз (1991), объяснивший проблему социальных издержек (трансакционные издержки) и назвавший главным трендом в экономической теории последнего времени «переосмысление основного течения экономической мысли […] в тематическом поле ремесла или малого и среднего предпринимательства, […] где экономическая логика встроена в социальный, политический и культурный контекст»; Дуглас Норт (1993), изучивший роль институтов и принципы эволюционной политической экономии; Мухаммад Юнус (2006), разработавший и успешно внедривший концепцию микрокредитования, в основе которой лежит идея создания мира без бедности с помощью социального бизнеса; Элинор Остром (2009), показавшая, как люди взаимодействуют с экосистемами, а институциональные механизмы управления природными ресурсами помогают избежать коллапса экосистем и «как общая собственность может успешно управляться группами людей». Эти ученые являются носителями и пропагандистами идей, развивавшихся российскими экономистами и деятелями, близкими народнической интеллектуальной традиции. История эволюции социально–политических и экономических идей и их циркуляция приобретает особен-

---

[72] См.: Боулз С. Моральная экономика… С. 23.

[73] Свидетель событий В. П. Гриневич называет четыре крупнейших профессиональных союза Петербурга в 1906 г., подавляющее большинство в которых принадлежало рабочим из традиционных ремесленных производств: Союз рабочих печатного дела, Союз рабочих по обработке металла, Союз булочников и кондитеров, Союз портных, портних и скорняков (Гриневич В. П. Профессиональное движение рабочих в России. СПб, 1908. С. 224).

[74] Поликарпов В. В. От Цусимы к февралю. Царизм и военная промышленность в начале XX века. М., 2008. С. 88–89, 112; Понятия мелкой и кустарной промышленности, могущих считаться в данном контексте синонимами, вмещают в себя широкий спектр ремесел, производившихся как в городах цеховыми с мастерскими и нецеховыми ремесленниками–одиночками, так и в сельской местности крестьянами–кустарями, занимавшихся исключительно ремеслами, и крестьянами, занятия ремеслом для которых были дополнительным приработком к основной деятельности в сельском хозяйстве. Согласно формулировке Л. В. Беловинского, «кустарный промысел – это производство каких–либо изделий вручную, при помощи простейших инструментов и приспособлений и на основе простейших технологий у себя дома или на стороне». И далее: «Промыслами для своих потребностей занималась почти вся крестьянская Россия; промыслами же коллективными были заняты только отдельные группы кустарей, нередко имеющие слабую связь с земледелием. Серединой между этими двумя крайними формами кустарной промышленности можно считать массовой производство кустарных изделий на рынок крестьянами–кустарями, у которых коренное занятие лежит в земледелии и побочное в кустарничестве» (Беловинский Л. В. Кустарная Россия. Не знавший покоя // Пономарев Н. В., Денисюк Н. Ф. Кустарные промыслы в России. Кустарная Россия: очерки. М., 2017. С. 11–12).

ную актуальность сегодня, в связи со стремительными изменениями в мире и необходимостью понять их значимость и соотнести с уже имеющимся положительным историческим опытом. Для этого необходимо пересмотреть такие понятия как «народники» и «экономисты–народники», историческая роль которых ассоциируется сегодня зачастую лишь с понятиями «экстремизма» и «популизма». Мы предлагаем отойти от данный традиции и рассмотреть наследие данного идейного движения с точки зрения положительных социально–экономических идей, актуальных сегодня. Одновременно с развитием крупных форм индустриального капитализма, поддерживаемого реформистским крылом русского правительства, во второй половине XIX в. наблюдалось абсолютное концептуальное преобладание народников–экономистов в продвижении концепций развития экономики России в «нижнем» ее сегменте народных промыслов и ремесленничества – современным языком, малого и среднего предпринимательства.

Теория социальной рыночной экономики Вальтера Ойкена схожа с убеждением народников в том, что нет необходимости подвергать теоретической и практической унификации существующее историческое многообразие экономических форм: «[…] кажущееся необозримым множество экономических *форм*, […] при правильном подходе может быть проанализировано и сведено к обозримому числу хозяйственных систем и разновидностей. Тем самым создается базис для познания экономической действительности»[75].

***

До недавнего времени в научной литературе по истории ремесла и кустарных промыслов довольно определенно просматривался тренд в интересах историков. Основная их масса приходилась на период начиная с древнерусских городов и заканчивая XVII – началом XVIII в.[76] Следует особо отметить публикации В. А. Ковригиной, проанализировавшей состав ремесленников московской Новой Немецкой слободы в конце XVII – начале XVIII в. и С. И. Сакович об общем составе ремесленников древней столицы 1720–х годов в отношении крестьянского сословия[77]. Но как только формально начинается время складывания единого российского рынка, появляются мануфактуры, фабрики и заводы в XVIII в., а с ними и постепенный приход капиталистических отношений, наблюдается значительное снижение количества публикаций

---

[75] Ойкен В. Основы… С. 260; Вальтер Ойкен является основоположником «фрайбургской школы» ордолиберализма. Одним из главных аспектов его теории является исследование взаимосвязи власти, несвободы и бедности. На основании этого анализа, Ойкен исходил из того, что государство должно определять и создавать рамочные условия или системные предпосылки для такого экономического порядка (Wirtschaftsordnung), который создаст условия как для реализации наивысшей степени свободы для каждого индивида, так и для рационального управления экономикой. Главная задача государства, по убеждению ученого, заключается не в управлении экономическими процессами, а в создании соответствующего экономического порядка, который сегодня носит название социальной рыночной экономики.

[76] Довнар–Запольский М. В. Организации московских ремесленников в XVII в. // ЖМНП. 1910. Вып. XXIX. № 9. С. 131–158; Ефименко Т. П. Очерк организации городских ремесленников в Московском государстве XVI и XVII веков // Журнал министерства юстиции. 1914. № 4. С. 114–162; Гессен В. Ю. К истории ремесленного труда в Древней Руси // Архив истории труда в России. Пг., 1924. Кн. 11–12. С. 98–105; Шунков В. И. Ремесло в Пскове и Новгороде по данным сыска 1639–1640 гг. // ИЗ. Т. 5. 1939. С. 102–111; Троицкий В. И. Организация золотого и серебряного дела в Москве в XVII в. // ИЗ. М., 1941. Т. 12. С. 96–127; Тихомиров М. Н. О купеческих и ремесленных объединениях в Древней Руси (XI–XV вв.) // ВИ. 1945. № 1. С. 22–33; Сербина К. Н. К вопросу об ученичестве и ремесле русского города XVII в. // Исторические записки. 1946. Т. 18. С. 150–170; Лященко П. И. История народного хозяйства СССР. Т. 1. М., 1947; Рыбаков Б. А. Ремесло древней Руси. М., 1948; Устюгов Н. В. Ремесло и мелкое товарное производство в русском государстве XVII в. // ИЗ. 1950. Т. 34. М.–Л., 1950. С. 166–197; Тихомиров М. Н. Древнерусские города. М., 1956; Данилова Л. В. Мелкая промышленность и промыслы в русском городе во второй половине XVII – начале XVIII в. (по материалам г. Ярославля) // История СССР. 1957. № 3. С. 87–115; Сахаров А. М. Города Северо–Восточной Руси XIV – XV вв. М., 1959; Сербина К. Н. Ремесло и мануфактура в России в XVI–XVII веках // Ремесло и мануфактура в России, Финляндии и Прибалтике. Л., 1975. С. 20–31; Люцидарская А. А. Промышленное развитие г. Томска во второй половине XVII в. // Города Сибири. Новосибирск, 1974. С. 60–75; и мн. др.

[77] Сакович С. И. Социальный состав московских цеховых ремесленников 1720–х годов //ИЗ. № 42. М., 1953. С. 238–261; Ковригина В. А. Ремесленники московской немецкой слободы в конце XVII – первой четверти XVIII века // Русский город. М., 1990. Вып. 9. С. 182–201.

о ремесле, хотя среди них и находятся важные работы К. А. Пажитнова и Ф. Я. Полянского[78]. Ф. Я. Полянский и Ю. Р. Клокман попытались доказать относительно высокий уровень развития ремесла в XVIII в., что, ввиду слабо развитых малой и средней промышленности, получилось не столь убедительно[79]. В двух томах истории русской культуры в XVIII столетии обозначены основные черты развития ремесла[80]. Повышение интереса к истории ремесла происходит с начала 1990–х годов[81].

По истории мелкой промышленности: крестьянских промыслов и промышленных сел, поставлявших в ремесленные мастерские Санкт–Петербурга рабочие кадры, обладавшие необходимыми навыками ремесленного труда, имеется обширная историография[82]. Частично ремесленники упоминаются также в работах, посвященных истории промышленности и рабочих, в том числе в металлургической и металлообрабатывающей сферах промышленности в старопромышленных районах[83]. Работа по переосмыслению роли городского ремесла и кустарных промыслов в эпоху промышленной и индустриальной революции продолжилась в последние годы, когда появились работы по истории ремесла и кустарных промыслов в так называемую эпоху капитализма, начиная примерно с середины XIX в.[84]

---

[78] Гайсинович А. И. Цехи в России в XVIII в. // Известия АН СССР. VII серия. 1931. № 5. С. 523–568; Пажитнов К. А. Проблема ремесленных цехов…; Полянский Ф. Я. Городское ремесло и мануфактура в России XVIII века. М., 1960; Громыко М. М. Развитие Тюмени как ремесленно–торгового центра в XVIII в. // Города феодальной России. М., 1966. С. 397–409; В 1949 г. Е. И. Заозерская привела традиционную («марксистско–ленинскую») трехчастную схему разделения ремесла, по–прежнему, как правило, берущуюся за основу анализа ремесла сегодня. Эти три формы ограничиваются домашними промыслами в крестьянском хозяйстве, городским и сельским ремеслом на заказчика и мелким товарным производством в форме городского ремесла и крестьянских промыслов. При этом, наемный труд и рост товарно–денежных отношений являются главными индикаторами развития ремесла, должными показать «неизбежное» проникновение капиталистических отношений в ремесло и их окончательную победу (Заозерская Е. И. К вопросу о зарождении капиталистических отношений в мелкой промышленности России начала XVIII века // ВИ. 1949. № 6. С. 84).

[79] Клокман Ю. Р. Социально–экономическая история русского города. Вторая половина XVIII–го века. М., 1967; Полянский Ф. Я. Городское ремесло…

[80] Очерки русской культуры XVIII века / ред. Б. А. Рыбаков. Ч. 1–6. М., 1985–1990. Ч. 1. 1985. С. 157–177; ч. 2, 1990. С. 254–256, 260.

[81] Гурьянова В. В. Ремесло в городах Тверского края во второй половине XVIII века // Города Европейской России. Повседневная жизнь горожан: Сб. статей. Тверь, 1992. Ч. II. С. 341–348; Воронкова С. Р. Массовые источники по истории промышленности России конца XIX – начала XX века. М., 1995; Тарновский К. Н. Мелкая промышленность России в конце XIX – начале XX в. М., 1995; Истомина Э. Г. Мелкая промышленность Подмосковья во второй XIX – начала XX века: историко–географический аспект // История изучения, использования и охраны природных ресурсов Москвы и Московского региона. М., 1997. С. 178–203; Ширгазин О. Р. География кустарной промышленности России в начале XX века // Наследие и современность. Вып. 5. М., 1997; Серова Е. В. Крестьянские неземледельческие промыслы Верхнего Поволжья (вторая половина XIX – начало XX века). Ярославль, 1999; и др.

[82] См., напр.: Корсак А. К. О формах промышленности вообще и о значении домашнего производства (кустарной и домашней промышленности) в Западной Европе и России. М., 1861; Безобразов В. П. Народное хозяйство России. Московская (центральная) промышленная область. Ч. 1–3. СПб., 1882–1885. Ч. 1–3; Рындзюнский П. Г. Мелкая промышленность: ремесло и мелкотоварное производство // Очерки экономической истории России первой половины XIX века: сб. ст. под ред. М. К. Рожковой. М., 1959. С. 62–117; Он же. Крестьянская промышленность в пореформенной России (60–е – 80–е годы XIX в.). М., 1966; Водарский Я. Е. Промышленные селения центральной России в период генезиса и развития капитализма. М., 1972; Рындзюнский П. Г. Утверждение капитализма в России…; Он же. Крестьяне и город в капиталистической России второй половины XIX века. М., 1983; Тарновский К. Н. Мелкая промышленность России…; и др.

[83] См., напр.: Струмилин С. Г. Промышленный переворот в России. М., 1944; Заозерская Е. И. Мануфактура при Петре I. М.–Л., 1947; Любомиров П. Г. Очерки по истории русской промышленности XVII, XVIII и начала XIX века. М., 1947; Лященко П. И. История народного хозяйства СССР…; Павленко Н. И. Развитие металлургической промышленности России в первой половине XVIII в. М., 1953; Струмилин С. Г. История черной металлургии в СССР. Т. 1. М., 1954; Балагуров Я. А. Формирование рабочих кадров Олонецких петровских заводов (первая половина XVIII в.). Петрозаводск, 1955; Лившиц Р. С. Размещение промышленности в дореволюционной России. М., 1955; Глаголева А. П. Олонецкие заводы в первой четверти XVIII века. М., 1957; Заозерская Е. И. Развитие легкой промышленности в Москве в первой четверти XVIII в. М., 1953; Струмилин С. Г. Очерки экономической истории России. М., 1960; Заозерская Е. И. У истоков крупного производства в русской промышленности. М., 1970; Валк С. Н., Дякин В. С. (ред.). История рабочих Ленинграда. Т. 1. (1703 – февраль 1917). Л., 1972; Семенова Л. Н. Рабочие Петербурга в первой половине XVIII века. Л., 1974; Рыбаков Ю. Я. Промышленное законодательство России первой половины XIX века (источниковедческие очерки). М., 1986; и др.

[84] Барченкова О. Б. Владимирская ремесленная управа в XIX начале XX в. // Материалы исследований Российского Владимиро–Суздальского заповедника. Владимир. 2006. № 12. С. 8–13; Терещенко А. А. Городское ремесленное производство

По истории профессионального и ремесленного образования в России до начала XX века особого внимания заслуживают статьи А. В. Ефанова и А. В. Моисеева, открывающих новые горизонты в понимании роли ремесленного образования и ремесла не только для гармоничного развития личности, но и для развития «зеленой» экономики сегодня[85]. В схожем ключе анализирует ремесленный социально–экономический уклад Д. Е. Гаврилов[86].

Наиболее полно отражена тема ремесленников Петербурга в XVIII в., занятых на строительстве новой столицы. Первые работы, посвященные строителям Петербурга из низших и средних слоев работных людей и ремесленников, появляются в советской историографии в контексте истории возникновения «рабочего класса», что объясняет обращение авторов почти исключительно к развитию в городе мануфактур, фабрик и заводов. П. Н. Столпянский в книге о «жизни и быте петербургской фабрики» приводит довольно разрозненные сведения о первых ремесленниках Петербурга[87]. А. Л. Шапиро разобрал в своей статье вопрос крестьянского отхода в Петербург петровского времени[88]. В. Г. Гейман рассмотрел развитие мануфактурной промышленности того же периода[89].

Главы, написанные М. П. Вяткиным, Н. В. Киреевым, Г. Е. Кочиным, Д. Г. Куцентовым, А. И. Копаневым и А. Е. Сукноваловым по населению и промышленности столицы в Очерках истории Ленинграда, содержат ценную информацию об условиях работы, формах оплаты и повседневном быту ремесленников и рабочих[90]. Результаты своей исследовательской работы по населению Петербурга первой половины XIX века А. И. Копанев опубликовал в отдельной книге[91]. Большой вклад в историю петербургского ремесла внесли работы Л. Н. Семеновой, где ремесленный труд описан в контексте истории рабочих столицы, а также истории ее населения и быта[92]. Важную методологическую роль в анализе промышленной статистики играют работы Н. Я. Воробьева и Ю. Я. Рыбакова[93]. Этнографу Н. В. Юхневой принадлежат этносоциологические работы, увидевшие свет в 1980–е–1990–е гг., в которых проанализирован национальный и социальный состав ремесленников города, а также их распределение по районам[94]. Особую

Центрально–Черноземного края во второй половине XIX в // Вестник Нижневартовского государственного университета. 2008. № 1. С. 50–57; Антипова Т. Б. Традиционные ремесла и промыслы в «кормящем ландшафте» Нижнего Поволжья: потери и обретения // Общество. Среда. Развитие (Terra Humana). 2009. № 3. С. 64–72; Давыдова С. Г. Развитие малого предпринимательства в Великом Новгороде: прошлое и настоящее // Псковский регионологический журнал. 2010. № 9. С. 19–25; Л. В. Беловинский. Кустарная Россия. Не знавший покоя // Пономарев Н. В., Денисюк Н. Ф. Кустарные промыслы в России. Кустарная Россия: очерки. М., 2017. С. 3–22; и др.

[85] Ефанов А. В. К вопросу о ценностях современного ремесленничества… С. 17–22.

[86] Гаврилов Д. Е. Теоретические основы… С. 311–313.

[87] Столпянский П. Н. Жизнь и быт петербургской фабрики за 210 лет ее существования 1704–1914. Л., 1925.

[88] Шапиро А. Л. Крестьянские отходы и крестьянский наем в петровское время. Уч. зап. Лен. гос. пед. института им. М. Н. Покровского, т. V, вып. 1. Л., 1940. С. 23–53; В Москве в это время около 46% цеховых приходилось на крестьян (см. о крестьянском отходе в Москву: Заозерская Е. И. Бегство и отход крестьян в первой половине XVIII в. (К вопросу о начальных формах экспроприации сельского и городского населения в России) // К вопросу о первоначальном накоплении в России (XVII–XVIII вв.). Сб. ст. Ред. кол. Л. Г. Бескровный, Е. И. Заозерская, А. А. Преображенский. М.: Изд–во АН СССР, 1958. С. 144–189; Сакович С. И. Социальный состав московских цеховых ремесленников… С. 238–261.

[89] Гейман В. Г. Мануфактурная промышленность Петербурга петровского времени // А. И. Андреев (ред.). Петр Великий. М.–Л., 1947. С. 246–283.

[90] Очерки истории Ленинграда. Т. 1: Период феодализма (1703–1861). М.–Л., 1955. С. 52–114, 294–319, 447–549; т. 2. Л., 1957. С. 75–125, 170–230.

[91] Копанев А. И. Население Петербурга в первой половине XIX века. М.–Л., 1957; Ремесленникам в аналогичный период времени Копанев уделил внимание в отдельной статье (Копанев А. И. Ремесленники Петербурга первой половины XIX в. // Ремесло и мануфактура в России, Финляндии и Прибалтике. Материалы II Сов.–фин. симпозиума по соц.–экон. истории, 13–14 дек. 1972 г. / Ред. коллегия: Н. Е. Носов (отв. ред.) [и др.] Л., 1975. С. 78–89.

[92] Семенова Л. Н. Рабочие петербургских заводов артиллерийского ведомства в первой половине XVIII века // Исследования по истории феодально–крепостнической России. М.–Л., 1964. С. 69–115; Она же. Рабочие Петербурга в первой половине XVIII века. Л., 1974; она же. Быт и население Санкт–Петербурга (XVIII век). М., 1998.

[93] Воробьев Н. Я. Очерки по истории промышленной статистики в дореволюционной России и в СССР: методы наблюдения и разработки. М., 1961; Рыбаков Ю. Я. Промышленная статистика России XIX века. М., 1976.

[94] Юхнева Н. В. (ред.). Старый Петербург: историко–этнографические исследования. Л., 1982; Она же. Этнический состав

тему составляют петербургские ювелиры, особенно финские и шведские[95]. Из последних работ необходимо назвать работы Е. В. Анисимова и О. Е. Кошелевой, содержащих значительный материал о первых ремесленниках Петербурга[96]. Материалы по истории столичного ремесла можно найти также в смежной области гуманитарных наук по истории искусства[97].

Немаловажную роль в создании конкурентоспособного ремесла Петербурга сыграло тесное взаимодействие российских ремесленников Петербурга с иностранными, по большей части немецкими, привнесшими технические и организационные новации, что оказало положительное влияние на развитие городского ремесла в целом[98]. Одна из первых историков, обратившихся к теме иностранных ремесленников Петербурга – петербургская исследовательница Л. Н. Семенова. Она исследовала участие иностранцев в строительстве Петербурга в XVIII в.[99] Е. В. Анисимов сообщает обширные сведения об иностранных мастерах в эпоху Петра I[100]. В работах Н. В. Юхневой представлен подробный анализ иностранных ремесленников Петербурга в XIX в. в этноконфессиональном, профессиональном и аспектах социальной топографии[101]. Также имеется несколько статей в научных сборниках, выпущенных под редакцией Л. В. Славгородской, Г. И. Смагиной и Т. В. Шрадер[102]. Из последних работ, касающихся петербургского ремесла, следует упомянуть статьи М. В. Сергеева[103]. В статьях последнего рас-

---

и этносоциальная структура населения Петербурга. Л., 1984. С. 56–65; Она же (ред.) Петербург и губерниЯ. Историко–этнографические исследованиЯ. Л., 1989; Она же. Немцы в многонациональном Петербурге // Немцы в России: люди и судьбы / Отв. ред. Л. В. СлавгородскаЯ. Ред.–сост. Г. И. Смагина. СПб., 1998. С. 56–68.

[95] Фелькерзам А. Е. Иностранные мастера золотого и серебряного дела // Старые годы: Ежемесячник для любителей искусства и старины. 1907. Январь. С. 7–13; Юнгар С. Финляндские ремесленники в С.–Петербурге // Ремесло и мануфактура в России, Финляндии и Прибалтике. Л., 1975. С. 90–99; см.: Лопато М. Н. Формирование и развитие школы ювелирного искусства Петербурга XVIII – XIX веков. СПб., 2005; Янгфельд Б. От варягов до НобелЯ. М.: 2010; Кузнецова Л. К. Петербургские ювелиры XIX века. Дней Александровых прекрасное начало. М., 2012.

[96] Анисимов Е. В. Юный град. Петербург времен Петра Великого. СПб., 2003; Кошелева О. Е. Люди Санкт–Петербургского острова Петровского времени. М., 2004.

[97] См.: Пронина И. А. Декоративное искусство в Академии художеств: Из истории русской художественной школы XVIII – первой половины XIX века (К 225 – летию Академии художеств СССР) / АХ СССР. Научно–исслед. ин–т теории и истории изобр. искусств. М., 1983; Ботт И. К., Канева М. И. Русская мебель: История. Стили. Мастера. СПб., 2003; Мутья Н. Н. Русское декоративно–прикладное искусство XVIII – начала XX века. СПб., 2003; Декоративно–прикладное искусство Санкт–Петербурга за 300 лет: иллюстрир. энцикл. / [авт. разд.: Т. Т. Коршунова и др.]; Гос. Эрмитаж. СПб., 2004. Т. 1; 2006. Т. 2 [Гусева Н. Ю. и др.]; Особое место занимает огромное количество трудов по истории народных художественных промыслов, требующих отдельного рассмотрения.

[98] Веретенко Т. Е. К вопросу о деятельности мастерской Генриха Гамбса (по документам ЦГИА) // Проблемы развития русского искусства. Вып. XVII, тематический сборник научных трудов, ред. И. А. Бартенев. Ленинград, 1984. С. 68–75; Семенова Л. Н. Иностранные мастера в Петербурге в первой трети XVIII в. // Наука и культура России XVIII в.: Сб. ст. Л., 1984. С. 201–224; Юхнева Н. В. Немцы в многонациональном Петербурге… С. 56–68; Многонациональный Петербург: История. Религии. Народы / Н. В. Бессонов, В. А. Дмитриев, В. А. Дымшиц; и др.; Науч. ред. И. И. Шангиной; Отв. ред. Н. В. Ревуненковой, Н. В. Юхневой. СПб., 2002; Ипполитова Г. А. Владельцы фортепианной фабрики «Я. Беккер» (1841–1917) // Немцы Санкт–Петербурга: Наука, Культура, Образование. СПб., 2005. С. 339–354; Следует также упомянуть серию сборников статей, издающихся по сегодняшний день: Шрадер Т. А. (ред.). Немцы в Санкт–Петербурге (XVIII—XX века): биографический аспект. вып.2. СПб., 2002; Смагина Г. И. (ред.). Немцы Санкт–Петербурга: наука, культура, образование = Die Deutschen in Sankt–Petersburg: Wissenschaft, Kultur, Bildung. СПб., 2005.

[99] Семенова Л. Н. Быт и население…; Она же. Иностранные мастера…; Она же. Рабочие Петербурга…

[100] Анисимов Е. В. Юный град…

[101] Юхнева Н. В. (ред.). Старый Петербург…; она же. Этнический состав…; она же (ред.). Петербург и губерния…; она же. Немцы…

[102] Немцы в России: люди и судьбы / Отв. ред. Л. В. СлавгородскаЯ. Ред.–сост. Г. И. Смагина. СПб., 1998; Шрадер Т. А. (ред.). Немцы в Санкт–Петербурге (XVIII—XX века)… и др.; Смагина Г. И. (ред.). Немцы Санкт–Петербурга… и др.

[103] Сергеев М. В. Фортепианное дело в Петербурге XIX века: (По материалам русской периодической печати) // Российская культура глазами молодых ученых. СПб., 1994. Вып. 3. С. 74–92; Он же. Петербургский ремесленник XVIII века // Печать и слово Петербурга: Петербургские чтения 2003. СПб., 2003. С. 245–252; Он же. Музыкально–инструментальное производство в России в первой четверти XIX века // Научные дискуссии. Том 1. 2015. С. 32–37; Он же. Профессия фортепианного мастера в России. Цеховой ремесленник как классический тип настройщика фортепиано // Opera Musicologica. № 2 (28). 2016. С. 75–92; Он же. Фортепианная фирма «C. M. Schröder» в 1852–1889 гг. В поисках совершенного инструмента и всеобщего признания // Музыковедение. № 3. 2017. С. 22–33.

сматриваются разнообразные аспекты деятельности музыкально–инструментальных мастеров столицы. По теме ремесленного ученичества во второй половине XIX в. петербургская исследовательница И. В. Синова совершила настоящий историографический прорыв, если посмотреть на эпизодические упоминания этой темы в российской историографии до нее[104]. Роли участия женщин в ремесле посвящена работа О. В. Вахромеевой[105].

Важным исследованием по историографии русского городского ремесла с древнейших времен до 20–30–х гг. XX века является книга В. Г. Егорова и С. М. Чистовой[106]. В монографии этих авторов делается кардинальная смена оценки ремесла, учитывающая международный опыт его развития: «Установившийся в советское время взгляд на мелкую городскую промышленность как на рудимент, неизбежно исчезающий в эпоху индустриального производства, становится неубедительным в связи с широким присутствием ремесла в развитых капиталистических странах»[107]. Они констатировали факт развития городского и цехового ремесла в России, в частности, несмотря на активную индустриализацию последнего двадцатилетия XIX в., и его дальнейший рост, вплоть до 1917 г.[108]

Зарубежная историография русского ремесла не столь обширна. Оно рассматривается авторами, как правило, в контексте истории крупной промышленности, индустриализации и рабочего класса или сословий крестьян, купцов и мещан[109]. Что же касается истории ремесла Петербурга в XVIII – XIX вв., то она рассмотрена в немецкой монографии автора, в которой сделана попытка дать целостную картину развития ремесла столицы на протяжении всего петербургского периода 1703–1914 гг., несмотря на ограничение серединой XIX в. в названии[110]. Джеймс Батер в своей монографии о Петербурге во время индустриализации упомянул только некоторые ремесленные профессии кузнецов, булочников, кондитеров, золотых

---

[104] Синова И. В. «…Следить за добрыми и отеческими отношениями мастеров к своим ученикам…». Документы о ремесленном ученичестве на рубеже XIX–XX вв. в Центральном государственном историческом архиве Санкт–Петербурга // Отечественные архивы. 2012. № 6. С. 76–92; Она же. Повседневная жизнь детей трудящегося населения Санкт–Петербурга во второй половине XIX – начале XX вв. СПб., 2013; Она же. Дети в городском российском социуме во второй половине XIX – начале XX вв.: проблемы социализации, девиантности и жестокого обращения. СПб., 2014; См. досоветскую и советскую историографию: Беззащитность ремесленных учеников // Вестник Европы. 1879. Т. 5. Кн. 10 (октябрь). С. 793–795; Ракеев Г. Ф. Об ученичестве у мастеров // Труды общества для содействия русской промышленности и торговле, Записки V отделения по кустарной и ремесленной промышленности 1889–1891. СПб., 1892. С. 1–5; Он же. Об улучшении положения ремесленных учеников. СПб., 1890; Радецкий И. М. Мученики темного царства. Ответы на вопросы о положении ремесленных детей. СПб., 1894; Иордан В. О. Ученики–ремесленники // Русская мысль. 1894. Кн. 4. С. 1–23; Кремлев А. Н. Об отмене телесного наказания для ремесленных учеников. СПб., 1900. Ч. 1–3. Здесь ч. 3. С. 297–299; Кронгауз А. Фабрично–заводские и ремесленные ученики в царской России // Исторический журнал. 1941. № 2. С. 99–111; Бахрушин С. В. Ремесленные ученики в XVII веке // Научные труды. Т. 2. М., 1954. С. 101–118.

[105] Вахромеева О. В. Петербургская ремесленница в конце XIX начале XX века // Петербургские исследования: Сборник научных статей. СПб., 2014. С. 40–50.

[106] Егоров В. Г., Чистова С. М. Городское ремесленное производство…

[107] Егоров В. Г., Чистова С. М. Городское ремесленное производство… С. 215.

[108] Там же, с. 242; Авторы ссылаются на статистику цеховых ремесленников Петербурга у К. А. Пажитнова, доведенную до 1919 г. (Пажитнов К. А. Проблема ремесленных цехов… С. 173).

[109] Pipes R. Social Democracy and the St. Petersburg labor movement, 1885–1897. Cambridge, Mass., 1963; Zelnik R. E. Labor and Society…; Crisp O. Labor and industrialisation in Russia //The Cambridge Economic History of Europe. Vol. VII, Part 2, London, 1976. P. 308–415; Bonnell V. E. Roots of rebellion; workers' politics and organisations in St. Petersburg and Moscow, 1900–1914. Berkeley, Calif. 1983; Hildermeier M. Bürgertum und Stadt in Rußland 1760–1870. Rechtliche Lage und soziale Struktur. Köln, Wien, 1986; Share M. The Central Workers Circle of St. Petersburg, 1889–1894: A Case study of the «Workers' Intelligentsia». New York and London, 1987; Surh G. D. 1905 in St. Petersburg: labor, society and revolution. Stanford. 1989; Daniel R. Brower. The Russian city between tradition and modernity: 1850–1900, Berkeley 1990; McKean R. B. Saint Petersburg between the revolutions: (workers and revolutionaries, June 1907 – February 1917). New Haven, 1990; Hogan H. Forging revolution: (metalworkers, managers and the state in St. Petersburg), 1890–1914. Indiana 1993; Puttkamer J. V. Fabrikgesetzgebung in Rußland vor 1905: Regierung und Unternehmerschaft beim Ausgleich ihrer Interessen in einer vorkonstitutioneller Ordnung (Beiträge zur Geschichte Osteuropas Bd. 20). Köln, 1996.

[110] Keller A. Die Handwerker in St. Petersburg von der Mitte des 19. Jahrhunderts bis zum Ausbruch des Ersten Weltkrieges 1914. Frankfurt a. M. u.a., 2002.

и серебряных дел мастеров и ювелиров в контексте промышленной географии[111]. Обширная монография М. Хильдермайера о российском городе и «гражданстве» касается вскользь ремесленников и концентрирует свое внимание в основном на купечестве и мещанстве[112].

Р. Зельник и И. Путткамер касались проблематики ремесленных цехов, но только в связи с промышленным законодательством и работой правительственной *комиссии для пересмотра уставов фабричного и ремесленного* 1857–1862 гг., возглавляемой бароном Адольфом Федоровичем фон Штакельбергом[113]. Показательно, что позиция исследователей в этом вопросе совпадает по отрицательной интенции, относительно цехов, с негативными отзывами комиссии, предлагавшей отмену цехов и введение промышленной свободы[114]. В этой связи важно выделить особую историографическую традицию в видении роли цехов. Российская либерально–демократическая, советская, отчасти российская современная и западная традиции сходятся во мнении, что цехи, вместе с магистратами и гильдиями, не принесли той пользы и не оправдали тех надежд, которые возлагались на них законодателем, играли сдерживающую роль для промышленного развития и представляли из себя, в сущности, продолжение государственно–полицейского аппарата[115].

Согласно мнению Е. В. Анисимова, «все эти институты, имевшие глубокие корни в многовековом развитии западноевропейского города, были привнесены в русскую действительность насильно, административным путем»[116]. Впрочем, как и все остальные институты, возникшие в результате петровских реформ. Но значит ли это, что они оказались бесполезными? Кроме того, одни институты получают право на существование в рамках вестернизационного проекта Петра I (коллегии, военно–морской флот, Морская академия, Академия наук), а другие, как в случае с цехами, – нет. Это заставляет предположить, что, в отличие от России, в Западной Европе как институты цехового ремесла, так и капитализма развивались на добровольных и ненасильственных началах, а это далеко не так. История цехов богата коммунальными революциями и борьбой элит – патрициата, разделенного на ремесленных мастеров и купечество, где последнее в конечном итоге победило. Обезземеливание крестьян и создание армии пролетариев в Западной Европе сопровождалось социальными революциями и экономическими катаклизмами, не в последнюю очередь за счет нарушения социального и экономического баланса, вызванного упразднением цехов. В России все развивалось по иному сценарию, а значит цехи появились в нужное время и в нужном месте, когда была необходима организация производства на иных принципах. С этого времени началась почти двухвековая история российских цехов, а значит было положено начало новой традиции.

Действительно, Е. В. Анисимов убедительно показывает, что на момент ее проведения, городская реформа и создание ремесленных цехов легли тяжелым бременем на податное население, что «объективно» «затормозило процесс оформления капиталистических отношений там, где они могли бы развиваться»[117]. Но значит ли это, что данная реформа противоречила «логике исторического развития», если таковая вообще существует в истории? Введе-

---

[111] Bater J. H. St. Petersburg. Industrialization and change (Studies in urban history 4, hrsg. V. H. J. Dyos). London, 1976. Pp. 129, 138–139, 194, 197, 269, 372–373.

[112] Hildermeier M. Bürgertum und Stadt… S. 15, 23, 61, 142.

[113] См.: Штакельберг А. Цеховое устройство и свобода промышленности в Европе. Ч. 1–2 // Труды комиссии для пересмотра уставов фабричного и ремесленного. Ч. 4–5. СПб., 1865; Динеева О. В. Штакельберга комиссия // Экономическая история России (с древнейших времен до 1917 г.): Энциклопедия в 2 т. М., 2009. Т. 2. С. 1191–1192; Puttkamer J. V. Fabrikgesetzgebung… S. 113–118.

[114] Zelnik R. E. Labor and Society… P. 11–12, 69–119, 283–331.

[115] См.: Дитятин И. И. Устройство и управление городов России… Т. 1. С. 296–299; Анисимов Е. В. Государственные преобразования и самодержавие Петра Великого в первой четверти XVIII в. СПб., 1997. С. 136; Zelnik R. E. Labor and Society… P. 12; Hildermeier M. Bürgertum und Stadt… S. 45–46.

[116] Анисимов Е. В. Петр Великий: личность и реформы. М.; СПб.; Нижний Новгород [и др.]: Питер, 2009. С. 298.

[117] Анисимов Е. В. Петр Великий: личность и реформы. М.; СПб.; Нижний Новгород [и др.]: Питер, 2009. С. 299.

ние института цехов в России не должно создавать впечатления его ненужности, искусственности или нецелесообразности. Он был действительно неизвестен до этого времени в России, но это совсем не значит, что введение цехов «объективно» «тормозило» развитие капиталистических отношений. Дело тут в другом – цехи попросту не вписываются в телеологичную поступательную концепцию экономического развития, в данном случае должного неумолимо вести российскую экономику к капитализму западного образца. Именно данное неукоснительное подражание российских элит последнему привело, по нашему мнению, к тем трагическим дисбалансам в российской экономике, следствием которых явился коллапс российской государственности в 1917 г., усиленный внутри–и геополитическими факторами.

Критическую по интенции точку зрения на российские цехи высказал в свое время Регинальд Зельник, подчеркнувший их суть как, прежде всего, квазигосударственного института, являвшегося продолжением государственного бюрократического аппарата: «В дополнение к их руководящей роли в цехе, старшины выполняли роль административных и налоговых агентов правительства, что противоречит концепции цеха как самостоятельной ассоциации производителей. Кроме того, в отличие от цехов Западной Европы, цехи в России не были по–настоящему закрытой корпорацией. Мало того, что членство в них не ограничивалось количественно, они были открыты даже для таких неконкурентных категорий населения, как крепостные крестьяне, если помещик давал свое разрешение. В рамках определенных цеховых ограничений, вступление в цех не требовалось для всех местных ремесленников. Наконец, не было положено каких–либо ограничений в количестве производимых товаров, изготовленных в каждом цехе. Короче говоря, цех был не столько добровольной ассоциацией с целью протекционизма и монополии, сколько квазигосударственной административной единицей, направленной на обеспечение более рациональной организации, стимулирования производства и организации налогообложения городского населения» [118].

Иными словами, мерилом для российского цехового ремесла для Е. В. Анисимова служит концепция развития капитализма в России, для Р. Зельника – история западноевропейских цехов, что неизбежно ведет к негативной оценке российских цехов или как архаичного института, «тормозящего» развитие капиталистических отношений, или как института запоздалого и «куриозного», поскольку отклоняющегося от воображаемого «магистрального исторического пути развития» и, следовательно, от западноевропейской нормы. Именно поэтому, введение цехов государством дало им шанс на осуществление их расширенной функции в российских условиях, т. е. по пути развития традиции корпоративного самоуправления. В этом смысле логично задаться вопросом по аналогии с А. Я. Гуревичем: «А был ли феодализм [в России. – А. К.]?» versus «А был ли капитализм в России XVIII в.?» и если да, могли ли, таким образом, цехи тормозить его развитие[119]?

---

[118] «In addition to their leadership roles within the tsekh, the elders were expected to function as administrative and fiscal agents of the government, thus contravening the concept of the guild as an independent association of producers. Furthermore, in contrast to the guilds of Western Europe, the tsekh was not a truly closed corporation. Not only was its membership not restricted numerically, it was even open to such nonurban categories of the population as manorial serfs if the serf was granted authorization to join by his lord. Within certain limitations, membership was not required of all local artisans. Finally, there were no provisions for limiting the quantity of items produced in each tsekh. In short, the tsekh was not so much a voluntary association for protective and monopolistic purposes as it was a quasigovernmental administrative unit aimed at providing a more rational basis for the organisation and stimulation of production and for taxing the urban population» (Zelnik R. E. Labor and Society… P. 12); Схожей точки зрения придерживаются К. А. Пажитнов и М. Хильдермайер (Hildermeier M. Bürgertum und Stadt… S. 45–46).

[119] См.: Гуревич А. Я. Категории средневековой культуры. М., 1972; Он же. Средневековый мир: культура безмолвствующего большинства. М., 1990; Важным в этом контексте является вывод авторов книги по истории России о том, что «новейшие исследования организации работ на тульско–каширских металлургических заводах, механизма извлечения и присвоения прибавочной стоимости от эксплуатации наемного труда […] показали отсутствие возможностей капиталистического накопления в отраслях, с которыми традиционно в отечественной науке связывали начало генезиса капитализма в промышленности» (в XVII в. – *А. К.*) (История России с древнейших времен до конца XVII века / [Милов Л. В., Флоря Б. Н., Козлова Н. В., Вдовина Л. Н.]; под ред. Л. В. Милова. М., 2010. С. 560).

С выводом Р. Зельника можно отчасти согласиться, если принять во внимание российский контекст возникновения цехов, но это не значит, что именно поэтому цехи были излишними или «неправильными». В данном случае это служило подтверждением российских реалий, когда даже в таких городах с давней традицией вечевого самоуправления, как Великий Новгород и Псков «1560 –1580–х годов, основная функция кончанской администрации состояла в разверстке и сборе налогов»[120]. Если российские цехи не являлись слепком с западноевропейских, что является общепризнанным фактом[121], и если в России не было капитализма без множества развитых городов, буржуазии и свободных граждан подобно западноевропейским, то как можно утверждать, что, а) цехи были средневековыми, и б) антикапиталистическими? Тем более, что предполагаемой логике некоего исторического развития не противоречит ни отсутствие капиталистических отношений в их классической форме, ни введение цехов, способствовавших возникновению профессиональных корпораций как нововременного института профессий в России.

Капитализм в России не был ни безальтернативным, ни необходимым в той форме, в которой он существовал в Западной Европе, следовательно, нет надобности представлять капитализм в виде айсберга, в который неминуемо должен врезаться российский «Титаник». Как нам представляется, от такой телеологичности «исторического процесса», а значит и его «закономерностей» можно без особого труда отказаться в пользу исследования столь «архаичного» исторического феномена как российские цехи. Первым шагом на пути к решению этой задачи должно стать «вытягивание» концепции истории цехов из модернизационного западноевропейского контекста развития капитализма, чтобы избавить его от негативной телеологичности. Это даст шанс ремеслу, реализоваться, наконец, как полноценному историческому институту русской истории не только в прошлом, но и как профессиональной корпорации в настоящем и будущем, чтобы придать так нехватавшую ему динамику в контексте исторической событийности, «заглядывающей» в настоящее и будущее. Таким образом, история капитализма не должна противопоставляться истории цехов или ремесла, поскольку и индустриализация как следствие промышленной революции, и ремесленная промышленность имели свою отдельную богатую историю, особую событийность и темпоральность, которые необязательно подменять фазами или формациями[122].

Данное исследование показывает, что необходима дальнейшая теоретическая и методологическая разработка истории русского ремесла, как самостоятельной и самодостаточной не капиталоемкой деятельности, обеспечивающей качество жизни на локальном уровне в «шаговой доступности». Необходим критический пересмотр двух дискурсов, определявших до недавнего времени угол зрения на ремесло: историзма и модернизма или современности. Зародившись в середине XIX века, они органично дополнили друг друга, создавая теоретическую надстройку для промышленной революции. Сегодня этого недостаточно. Традиционный взгляд на ход и «закономерности» исторического развития не оставлял, как правило, места ремеслу в картине будущего. Ведь ремесло являлось «отжившим» и «отсталым» институтом, который неизбежно должен был уступить место «прогрессивному» капиталистическому круп-

---

[120] Аракчеев В. А. Средневековый Псков: власть, общество, повседневная жизнь в XV–XVII веках. Псков, 2004. С. 165.

[121] И. И. Дитятин точно определил характер реформы Петра: «Заимствуя "в чужих краях" цеховую организацию, царь не делал этого однако, […], зажмуря глаза: в копии во многих отношениях трудно узнать оригинал. Копируя более или менее точно оригинал "чужих краев" относительно самого п р о и з в о д с т в а ремесла, Петр Великий значительно отступает от этого оригинала по отношению к с о с т а в у ремесленников, членов цеха» (Дитятин И. И. Устройство и управление городов России… Т. 1. С. 296).

[122] «Ремесленная промышленность и индустрия» («Gewerbe und Industrie». – *А. К.*) не являются синонимами, у каждого из них есть своя длинная история. Тем не менее, долгое время это различие оспаривалось. […] На рубеже XIX в. половина из 2,2 млн. занятых в промышленности Германии работали в ремесленных мастерских. Примерно 1 млн. работал в рассеянной мануфактуре на дому и только около 100.000 человек работают на мануфактурах, фабриках и в горнодобывающей промышленности» (Pierenkemper T. Gewerbe und Industrie im 19. und 20. Jahrhundert. München, 2007. S. 3, 5).

ному промышленному производству. К. А. Пажитнов писал по этому поводу: «Русское […] цеховое устройство, оформлявшееся на гораздо более высокой ступени развития экономики, чем та, на которой оформлялись цехи на Западе, не ограничивая число подмастерьев и учеников, не только допускало, но и поощряло превращение ремесленной мастерской в мелкокапиталистическое предприятие»[123].

Предлагаемый в данной книге радикальный ревизионизм, призывающий дать истории российского ремесла новое прошлое, не отрицает научный, технический и социальный прогресс. И все же голос скептика указывает на главный фактор риска – человеческий. С точки зрения «обычного» человека нет ни прогресса, ни регресса, ни верха, ни низа, ни спереди, ни сзади, ни отсталого, ни прогрессивного или регрессивного. С его точки зрения, все эти интеллектуальные игры существуют только для того, чтобы обеспечить социальным группам, называемым в различных социумах элитами, свое предполагаемое техническое и интеллектуальное превосходство. Свое предполагаемое лидерство. Но где «низы» и где «элиты»? Где ведущие, и где ведомые? Кто правит и кем или чем управляет? Нет больше, в узком смысле этих слов, ни стран отсталых, ни прогрессивных, ни капиталистических, ни социалистических, а есть только государства и общества с различными степенями несвободы и концепциями развития, которым придется обосновывать запрос на свое лидерство каждый день.

Об относительности таких понятий как «отсталый» и «развитый» существует всеобщий консенсус. Может ли данная дихотомия и аналитический термин «отсталости» помочь понять и объяснить историю России? Объяснить лишь то, насколько Россия была отсталой по сравнению с Европой? Но так ли важно это знать и что дает это знание? Вальтер Кирхнер писал в 1986 г. об относительности данного понятия, так как «все страны в определенный отрезок времени, по меньшей мере экономически, были "отсталыми" по сравнению с другими»[124]. Исходя из этого, нам видится важным уделить больше внимания новым малоизученным аспектам российской истории в иных контекстах. Но тогда само понятие «отсталости» теряет всякий смысл. В противном случае остается вероятность, что «преодоление отсталости» превратиться в вечное проклятие отсталости и банализацию модернизации в стиле: «Будущее – за мультифункциональными торгово–развлекательными комплексами»[125]. В этом смысле понятие «отсталости» подлежит утилизации как отработанный материал, так как кроме коммерциализации и уплощения смыслов оно больше ничего не производит.

Почему вообще возможно и допустимо оперировать понятиями «Запад» и «Восток» и становиться на аргументационные позиции 100 – 200–летней давности? Ведь анахронично само деление на культурные полушария «Запада» и «Востока», потерявших в ходе глобализации свой изначальный смысл, свой конструктивный потенциал как пространства смыслов, некие диффузные культурные ареалы, понятиями которых можно пользоваться лишь условно и в кавычках. Сегодня это тоже анахронизмы или конструкты, оставшиеся лишь сторонами горизонта[126]. Если же говорить об общеевропейской истории и истории России как ее неотъемлемой части, то можно только согласиться с предложением М. Хильдермайера, усиливать идентичность России с помощью репродуцирования ее истории в общеевропейском контексте[127].

Посмотрим, какие альтернативные пути развития оставляет Ш. Эйзенштадт странам, отказавшимся вводить «современные политические и социальные институты» западной демо-

---

[123] Пажитнов К. А. Проблема ремесленных цехов… С. 50–51.

[124] Kirchner W. Die deutsche Industrie und die Industrialisierung Rußlands 1815–1914. St. Katharinen, 1986. S. 5.

[125] Преодоление отсталости // Конкурент. URL: https://konkurent.ru/article/12125 (дата обращения 08.04.2019).

[126] См. к истории понятий «Востока» и «Запада»: Hildermeier M. Geschichte Russlands. Vom Mittelalter bis zur Oktoberrevolution… С. 1315–1317.

[127] Hildermeier M. Osteuropäische Geschichte an der Wende. Anmerkungen aus wohlwollender Distanz // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas.* 1998. Bd. 46. Heft 2. S. 254–256.

кратии: «Одним из возможных вариантов [государств, отказавшихся от западного формата модернизации. – А. К.] оказывалась институционализация относительно современной системы, не слишком, вероятно, дифференцированной, но все же способной абсорбировать новые веяния и тем самым обеспечивать какой–то экономический рост. Другой вариант предполагает развитие стагнирующих режимов, почти не способных реагировать на изменение внешней среды, которые, однако, могут существовать довольно долго. Иногда, впрочем, их уделом становится порочный круг недовольства, охранительства и насилия»[128]. Сценарии развития для стран, решивших развиваться по альтернативным западному вариантам, не особенно привлекательны. Презентованная ученым в 2000 г. теория множественных модерностей, представляет некий компромисс, предлагающий различные модификации модернизации в странах с отличным традиционным укладом[129].

Для европейско–российского модернизационного дискурса представляется интересной попытка преодоления европоцентричности этой теории, предпринятая Шалини Рандерией, рассматривающей историю постколониальной Индии в контексте «переплетающихся и конфликтующих модернов»[130]. Характерно, что понятия совместной истории (geteilte Geschichte) и переплетенной модерности (verwobene Moderne) делают акцент на двусторонних интересах и взаимодействии, носящем двоякий характер, актуальный и для России. В этом контексте Е. В. Алексеева изящно уместила феномен диффузии европейских инноваций в России в один емкий образ: «История любого государства представляет собой причудливое и уникальное переплетение бесчисленных нитей, связывающих его культурную ткань с множеством стран света, где они были впервые "спрядены"»[131]. Феномены модернизации и европеизации (вестернизации) России в рассматриваемый период продолжают интенсивно исследоваться[132], «и все же необходимо критическое переосмысление истории [России], написанной в рамках теории модернизации и по (западно)европейским лекалам»[133]. Особенно это касается истории ремесла, область которой колонизовали и трансформировали модернизационный и индустриализационный дискурсы, переписав ремесленный нарратив.

Одной из отличительных особенностей теории рефлексивной модернизации является признание якобы неизбежности негативных побочных эффектов, в лице индустриального развития и общества массового потребления, вследствие специфического понимания данной теорией технического прогресса и целеполагания модернизации. Поэтому теория рефлексивной модернизации, как правило, не пытается устранить риски, а принимает их в расчет как необходимые издержки, что ведет к возникновению «общества рисков» (нем. Risikogesellschaft) и экологическим катастрофам. Джейсон В. Мор расставляет иные акценты, связывая последние, не со временем антропоцена и всеобщей историей человечества, а с ее специфическим периодом, названным Мором капиталоцен, указав на главную причину экономического и экологического неблагополучия на планете[134]. Проблематизация ремесленной (рукотворной) дея-

---

[128] Eisenstadt S. N. Tradition, Change and Modernity… P. 47–72.

[129] Eisenstadt S. N. Multiple Modernities…

[130] Randeria S. Verwobene Moderne: Zivilgesellschaft, Kastenbindungen und nichtstaatliches Familienrecht im (post)kolonialen Indien // Randeria S. (Ed. at all). Konfigurationen der Moderne: Diskurse zu Indien, Soziale Welt Sonderband 15. Baden–Baden, 2004. S. 155–178.

[131] Алексеева Е. В. Диффузия европейских инноваций в России (XVIII – начало XX в.). М., 2007. С. 3.

[132] Алексеева Е. В., Редин Д. А., Рей М.–П. «Европеизация», «вестернизация» и механизмы адаптации западных нововведений в России имперского периода // ВИ. 2016. № 6. С. 3–20; Побережников И. В. Акторы российской имперской модернизации…; Роль эндогенных и экзогенных факторов в развитии российской цивилизации (XVIII – начало XX в.) / Е. В. Алексеева, И. В. Побережников, С. А. Нефедов, К. И. Зубков, Е. А. Курлаев, О. К. Ермакова, Л. А. Дашкевич, Е. Ю. Казакова–Апкаримова, О. Н. Яхно. Екатеринбург, 2014.

[133] Jobst K. S., Liechtenhan F.–D. Wissenschaftliche, technologische und finanzielle Investitionen und Interaktionen europäischer Staaten im Zarenreich und die Vorzeichen des Ersten Weltkriegs seit der zweiten Hälfte des 19. Jh. // Quaestio Rossica. 2015. № 3. S. 46, 59.

[134] Moore J. W. Anthropocene…

тельности в этом контексте как фундаментального антропологического признака приобретает особое значение. Развитие ремесленничества сегодня, принадлежащего к малым и средним формам предпринимательства, не является полным решением данной проблемы, но может значительно расширить положительные сценарии развития будущего, снижая социальное напряжение, трансформационные и экологические нагрузки, диверсифицируя рынок.

Аргументация историка Бенжамина Штайнера приобретает свою особенную оригинальность, благодаря сочетанию побочных последствий («коллатеральных потерь») теории рефлексивной модернизации, с одной стороны, и непоследовательностей и противоречий в истории, с другой[135]. При этом виден интегративный потенциал рефлексивной модернизации, критически рассматривающей ее результаты на протяжении последних двухсот лет и интегрирующую тему экологии в концепцию второй модерности. Возникающее, благодаря субверсивным динамикам прошлого, новое интегрируется в современные концепции развития, благодаря чему индустриализация первой модерности тормозится или останавливается[136], а промышленные гиганты прошлого демонтируются, чтобы уступить место малым гибким, экологически чистым и технологичным формам производства. Критикуя теорию модернизации, автор не причисляет себя к ее непримиримым противникам, защищая ремесло, и не призывает вернуться в архаику. Скорее, это критическое переосмысление теории модернизации и ее роли в интерпретации ремесла и крупного промышленного производства[137].

Как теория модерности, так и понятие «экономической отсталости» А. Гершенкрона рассматриваются большинством современных исследователей как требующие модификации и применяются с оговорками[138]. В последней своей монографии по истории России Манфред Хильдермайер в заключении с характерным названием «Отсталость под новым углом зрения: между трансфером и переплетением» предлагает оставить с некоторыми оговорками понятие «отсталости» как важную аналитическую категорию, без которой, по его убеждению, невозможно описать адекватно историю России[139]. Тем самым остаются основные понятия «догоняющего» и «догоняемого», без которых этот интеллектуальный конструкт не сможет работать. В этом смысле прослеживается единая историографическая традиция «отсталости» в контексте концепции модернизации, начиная с дореволюционной России и продолжая советской (когда место этого термина занимала «современность») и западной. Существует опасность того, что понятие «отсталости» будет закреплено множеством застывших стереотипов, от которых трудно будет избавиться, даже при условии массированной каталогизации и систематизации исторических кейсов[140].

Остается вопрос, создает ли ясность конструирование некоего громоздкого методологического здания на фундаменте понятия «отсталости», на которое завязывается целый ряд таких уточняющих терминов в систематическом «каталоге» М. Хильдермайера, как «рецепция», «ассимиляция», «абсорбция», «субституция», «продуктивная интеграция» (выбор/отсеивание), «индигенизация», «гибридизация», «перекрещивание» (сосуществование), и не лучше ли расчистить площадку для работы с предложенными немецким исследователем терминами,

---

[135] Beck U., Bonß W., Lau C. Theorie refel xiver Modernisierung… S. 11.

[136] Steiner B. Die Nebenfolgen in der Geschichte. Eine historische Soziologie refel xiver Modernisierung// (Historische Zeitschrift. Beihefte N. F. 65, eds. Andreas Fahrmeir und Lothar Gall). Berlin, München, Boston, 2015. S. 27–28.

[137] See: Resasade H. Zur Kritik der Modernisierungstheorien: Ein Versuch zur Beleuchtung ihres methodologischen Basissyndroms. Opladen, 1984; Rapp F., Ropohl G. Historische und systematische Übersicht // Hubig C. (Hrsg. u.a.). Machdenken über Technik: Die Klassiker der Technikphilosophie und neuere Entwicklungen. Berlin, 2013. S. 41–54; Steiner B. Nebenfolgen der Geschichte. Eine historische Soziologie refel xiver Modernisierung // Historische Zeitschrift. Beihefte N. F. 65. Berlin, München, Boston, 2014.

[138] Hildermeier M. Geschichte Russlands… S. 1318.

[139] Там же, с. 1315–1346.

[140] Там же, с. 1323.

уже нашедшими применение во многих областях исторической науки[141]. По сути, немецкий историк предлагает проделать ту же логическую операцию, что и Ш. Эйзенштадт с теорией модернизации (множественных модерностей), предлагая укрепить эпистемологический базис понятия отсталости с помощью дополнительных понятий.

Е. В. Тарле в своей работе к вопросу об отсталости екатерининской России обращает внимание на своего рода стигматизацию России признаком «отсталости» именно как аналитической категории, не позволяющей уже смотреть на социально–экономическое развитие России в иной парадигме[142]. Иными словами, необходимо различать аналитическую категорию «отсталости» от современного социокультурного концепта. С помощью аналитической категории «отсталости» возможно проанализировать представления, формировавшие мировоззрение современников XVIII–XX вв. и оказывавшие существенное влияние на принятие ими тех или иных решений, а значит и на развитие событий или ход истории. Но, так как реальность в представлениях людей и реальность историческая: обе являются предметом исследования историка, могут существенно различаться, необходимо разграничивать, используется ли понятие «отсталости» для описания представлений, как части реальности исторического прошлого, или как современный социокультурный концепт, служащий детерминирующим каркасом для структурирования и объяснения исторических событий. В зависимости от предпочтения этих двух вариантов зависит конкретное наполнение смыслом тех или иных событий[143].

Данное концептуальное решение схоже с тем, что предлагает М. Хильдермайер, т. е. отделить понятие отсталости от системного понятия колониалистской модернизации с признаками телеологичного линеарного движения. Но этого недостаточно, так как в руках историка остается сам социокультурный концепт понятия отсталости, диктующий свою логику интерпретации исторических событий. Симптоматично, что через тринадцать страниц своего повествования М. Хильдермайер сам возвращается к понятию теперь уже «социально–экономической модернизации», от которой он предложил очистить понятие отсталости, указывая на тривиальность констатации данного факта модернизации, как само собой разумеющегося. Но социально–экономическое развитие может легко мыслиться вне смыслового поля понятия модернизации. В противном случае, последнее ассимилирует любое обновление или изменение, вновь помещая исторические события в «испанский сапог» модернизации и отсталости. Учитывая неопределенность и альтернативность интенциональных векторов событийной реальности, решением проблемы понятия отсталости и его телеологичности теперь уже в «очищенном» виде, не является и его секторальное и темпоральное расчленение[144].

Проведем мысленный эксперимент, а именно, сделаем так, как в свое время сделали этнологи, применившие к европейцам методы изучения аборигенов, сделав прорыв в гуманитарных науках. Почему бы не повернуть термин «отсталости» вспять и не применить его ко всей европейской истории, если он настолько продуктивен, что от него никак нельзя отказаться? Тогда можно будет перестать глядеться в «зеркало Европы», в котором видят по большей части свои стереотипы, и начать писать аутентичную историю, не ограничиваясь лишь представлениями об отсталости, наличествующими у социальной группы «образованного общества», составлявшей в XIX в лучшем случае 2% российского населения[145].

---

[141] Hildermeier M. Geschichte Russlands… S. 1340–1346; см.: Нарский И. Рец. на: M. Hildermeier. Geschichte Russlands. Vom Mittelalter bis zur Oktoberrevolution. München: Verlag C.H. Beck o HG, 2013. 1504 S. // Российская история. 2015. № 2. С. 177.

[142] Тарле Е. В. Была ли екатерининская Россия отсталой страною? // Академик Евгений Викторович Тарле. Сочинения в двенадцати томах. Т. 4. М., 1958. С. 445.

[143] См.: Алфёров А. А. Несколько слов о том, что есть «Современность» // Пространство экономики. 2011. № 3. С. 81.

[144] Hildermeier M. Geschichte Russlands… S. 1323; см.: Алферов А. А. Несколько слов о том, что есть «Современность»… С. 82.

[145] См.: Алексеева Е. В., Редин Д. А., Рей М.–П. «Европеизация», «вестернизация»… С. 17.

Безусловно, аспект «отсталости» как проблемы, которую российские элиты пытались решить на протяжении нескольких столетий, может вполне рассматриваться в рамках проблемного подхода, но представляется сомнительной попытка сделать это понятие полезным концептом исторической науки. Не получится ли в конечном итоге так, что освобождая перегруженное понятие «отсталости» от негативных оценочных коннотаций исторических агентов социальности, для которых Запад представлял некий эталон, на который нужно было обязательно равняться, мы не сможем заняться рассмотрением собственно существенных вопросов российской истории, так как окажемся в «ловушке отсталости» или «ловушке модернизации»[146].

На наш взгляд, целесообразно пользоваться универсальными нейтральными понятиями, перечисленными выше, без «нейтральных» коннотаций «отсталости». Ведь эти понятия описывают характерные механизмы взаимодействия любых культур. В противном случае, необходимо рассматривать техническую отсталость в области машинного производства, к примеру, Германии, Австрии или Италии первой трети XIX века по сравнению с Великобританией.

В немецкой традиции слово «отсталый» (rückständig) в современном значении появилось сравнительно недавно. В 1900 г., одним из первых, кто применил это слово в немецком языке не в прежнем значении оставшегося долга, задержанной выплаты оклада или процентов, а в современном его значении «отсталости», оказался немецкий экономист Густав Шмоллер: «То, что раньше было *единым* и *общим* в экономической жизни семьи, общины, компании стало сегодня *отдельной* функцией двух или более [индивидов. – *А. К.*], и когда к этому разделению функций привыкают, там, где остался еще прежний порядок, он кажется неожиданно *отсталым*»[147]. Теперь это слово вместо нейтральной приобретает такую негативную коннотацию как «недоразвитый», устаревший[148].

Предлагаю начать с испанской реконкисты (VIII–XV вв.), ставшей катализатором формирования европейской культуры и предпосылкой эпохи европейского Возрождения – времени зарождения будущей «современной» Европы, и проанализируем степень отсталости европейских стран от арабского Востока. На протяжении нескольких столетий с арабского, древнееврейского и латыни переводятся важнейшие научные труды Древнего мира. Европа получает с Востока бумагу, астролябию, медицину, физику, философию, математику и астрономию, чтобы перечислить лишь часть того, что было заимствовано, с помощью которых она на протяжении последующих 500 лет покорит весь мир[149]. Кто бы мог подумать о таком немыслимом развитии событий тысячу лет назад? Лишь во время и после эпохи Возрождения пришло понимание единого европейского культурного пространства и концепция европейской цивилизации. Первый федеральный президент Западной Германии Теодор Хойс (1884–1959) лапидарно обозначил «три холма» как главные символы, на которых стоит европейская цивилизация: Агора, Капитолий и Голгофа, символизирующие греческую демократию, римское право и христианство трех конфессий: католической, православной и протестантской, возникшее в религиозном контексте иудаизма времен Второго храма. Три столпа, три святыни, на кото-

---

[146] Нарский И. Рец. на: M. Hildermeier. Geschichte Russlands… C. 177; Hildermeier M. Geschichte Russlands… S. 1315–1346; См. подробный анализ концепта «отсталости»: Каменский А. Б. К проблеме «вековой русской отсталости» // Quaestio Rossica. 2018. Т. VI. № 1. С. 185–206.

[147] «Was früher *allgemein* und *selbstverständlich* in der Wirtschaftsführung der Familie, der Gemeinde, einer Unternehmung *verbunden* war, ist nun eine *getrennte* Funktion von zweien oder mehreren, und wenn sich diese Scheidung eingelebt hat, so erscheint […] sie nun von diesem Standpunkte als etwas, dessen Verbindung, wo sie noch besteht, überrascht, als *rückständig* erscheint» (Schmoller G. Grundriß der Allgemeinen Volkswirtschaftslehre. Bd. 1. Leipzig, 1900. S. 326).

[148] Подобную пейоративную коннотацию можно нередко встретить и сегодня (см. Reith R. Bilder vom Handwerk – Handwerksgeschichte: Fragestellungen und Forschungsprobleme. In: Kockel T., Müller K. (Hrsg.). Geschichte des Handwerks. Handwerk im Geschichtsbild. Dokumentation des Workshops vom 16. September 2013. Duderstadt, 2014. S. 8–20).

[149] К примеру, изготовление бумаги начинается в XII в. в городах Иберийского полуострова (Хатива, недалеко от Валенсии), в Каталонии и Арагоне (Irsigler F. Überregionale Verfel chnungen der Papier: Migration und Technologietransfer vom 14. bis zum 17. Jahrhundert // Handwerk in Europa. Vom Spätmittelalter bis zur Frühen Neuzeit… S. 256–257).

рых стоит европейская культура и европейская цивилизация. Эти символы дополняются другими понятиями, составляющими основу европейской идеи: античный гуманизм, просвещение, либерализм, капитализм, коммунизм и социализм[150].

Доминирующее политическое и экономическое положение Западной Европы привело и к доминированию дискурсов развития стран, входящих в зону ее влияния. России, воспринимавшейся периферией на восточной окраине европейского субконтинента, выпала на протяжении последних трехсот лет непростая роль, доказать свое право на достойное место в «европейском доме». Модернизация России, проводившаяся под знаком заимствования европейских институтов и технологий, невольно привела к такому положению в историографии, когда в большинстве исторических исследований основное внимание концентрировалось на дисбалансе сил в двусторонних отношениях между Россией и ведущими европейскими странами, сводя сложность культурного обмена к широкому понятию «Европы»[151].

Это ни в коем случае не означает, что идеально–типический Запад или Европа не могут быть референтной величиной по отношению к России, но данное замечание не отменяет критических замечаний, высказанных ранее[152]. Главным аргументом не может быть лишь констатация декларированных, к примеру, Екатериной II в Наказе постулатов: «Россия есть Европейская держава» или «Петр I, вводя нравы и обычаи Европейские в Европейском народе». При ближайшем рассмотрении становиться очевидным, насколько данные заявления были далеки от российской действительности, от представлений и ожиданий подавляющего большинства людей, живших тогда в России[153]. Данные утверждения ввиду своей декларативности не могут служить окончательным доказательством того, какие россияне видели и чувствовали себя европейцами, насколько они идентифицировали себя с европейскими ценностями и что понимали под «европейскостью», которой в первой половине XVIII в. соответствовали слова «людскость», «политичность», «цивилизованность»[154].

Напрашивается вывод, что понятие «отсталости» в глобальном историческом контексте стало настолько относительным, что его применение редуцируется лишь до инструмента, с помощью которого Россия только и может быть «современной». Манипулятивный характер данного приема вызывает сомнения в его целесообразности. Подобное понимание «современности» или модерности корреспондирует с таковым не только у пропагандистов турбо–капитализма, но и с мейнстримом российского «прогрессивного» общества второй половины XIX в. О его ярком представителе П. В. Анненкове находим отзыв, типичный для большинства представителей «образованного» общества того времени: «В искреннем желании быть "с веком наравне", "не отстать", "ловить современность" Анненков жадно искал встреч с замечательными людьми своего времени, и в этом не было с его стороны ни лицемерия, ни расчета. Эту черту в Анненкове тонко подметил впоследствии Лев Толстой, который писал 21 октября (1 ноября) 1857 года Боткину и Тургеневу [с нескрываемой иронией. – *А. К.*]: "Анненков весел, здоров, все так же умен, уклончив и еще с большим жаром, чем прежде, ловит современность во всем, боясь отстать от нее. Действительно, плохо ему будет, ежели он отстанет от нее. Это одно, в непогрешимость чего он верует"»[155]. Быть современным любой ценой, не видя у себя под боком, в России идей, ставших сегодня мейнстримом в экономике? Та ли это современность, которой безусловно необходимо было следовать? В любом случае, понятие «отсталости» только в этом контексте и возможно – как один из критериев соответствия желаемой (евро-

---

[150] См.: Arens P., Brauburger S. Die Europasaga. München, 2017.

[151] См.: Čečović S., Roland H., Béghin L. (Eds.). Réception, transferts, images. Phénomènes de circulation littéraire entre la Belgique, la France et la Russie (1870–1940). Louvain–La–Neuve, 2018.

[152] См.: Каменский А. Б. К проблеме «вековой русской отсталости»… С. 196.

[153] ПСЗ–1. Т. 18. № 12949. С. 193.

[154] Алексеева Е. В., Редин Д. А., Рей М.–П. «Европеизация», «вестернизация»… С. 12.

[155] Анненков П. В. Литературные воспоминания / [Вступ. статья, подгот. текста и примеч. В. П. Дорофеева]. М., 1960. С. 8.

пейской) «современности», в непогрешимость которой верит до сих пор большинство россиян со времен петровских реформ. В этом контексте не только желательно, но и необходимо написать историю понятия «отсталости» в лучших традициях истории понятий, чтобы разрешить, наконец, данный когнитивный диссонанс[156].

Была ли экономическая полиморфность дореволюционной российской экономики, и ремесла в том числе, «проклятым» наследием феодализма и признаком «отсталости»? Или в ней заключалось разнообразие экономических возможностей, дававших альтернативные варианты развития не только к обществу массового потребления и массового производства, генерирующих такие хвосты отходов, с которыми не способны справиться все экосистемы Земли вместе взятые, но к более гибким производственным сетям с интегрированными малыми и средними предприятиями, сочетающими в себе современные технологии и уникальные компетенции ручного труда? Не пора ли поменять вектор развития экономики в сторону социально ориентированного предпринимательства, МСП, которые смогут стать именно тем драйвером «зеленого» роста и инструментом развития в рамках концепции устойчивого развития и зеленой экономики[157]?

В современной литературе считается опровергнутым тот факт, что цехи и их (относительная) монополия сдерживали промышленное развитие даже в такой классической стране капитализма как Англия[158]. Более того, цехи и гильдии зачастую способствовали развитию (крупной) промышленности как в домодерной, так и в модерной Европе, являясь важным (универсальным) инструментом профессиональной организации и повышения качества продукции также и в других регионах мира: в Китае, Турции, Египте, странах Средней Азии, Японии[159]. Иными словами, социальный капитал таких гибридных образований как цехи, помогал формировать человеческий капитал[160]. К этим выводам помогли прийти новые подходы в экономической, социальной, институциональной истории и истории труда[161].

Что было бы с промышленной революцией, если бы мастера не построили машин, благодаря которым она произошла? Петр Кропоткин точно подметил эту связь, когда писал о ситуации с квалифицированными мастерами в Англии, после упадка городов и ремесел в средневековой Европе: «Что сталось с брюггскими полотнами, с голландскими сукнами? Куда девались те кузнецы, которые умели так искусно обращаться с железом, что чуть ли не во всяком европейском городке из–под их рук выходили изящные украшения из этого неблаго-

---

[156] См: Махлин В. «Современность» в круге понимания. К семантике «Нового» в новое время // Вестник культурологии. 2013. № 4 (67). С. 127–130; Мальцев Я. В. Перманентная современность и её субъект как основа социальной матрицы // Социум и власть. 2015. № 5 (55). С. 7–12; Спиридонова В. И. Европейский феномен «новой современности» и Россия // Россия: тенденции и перспективы развития. 2017. № 12–2. С. 78–82.

[157] См.: Липина С. А., Агапова Е. В., Липина А. В. Развитие зеленой экономики… С. 126–132.

[158] Richardson G. Guilds, laws, and markets for manufactured merchandise in late–medieval England. In Explorations in Economic History. 2004. 41. P. 2; Два класса капиталистов и рабочих, описанные в «Манифесте Коммунистической партии» (1848) К. Маркса и Ф. Энгельса, были скорее проницательным прогнозом, чем описанием действительности. Британская перепись населения 1851 г. показала, «что сельскохозяйственные работники и домашние слуги составляли наиболее распространенные профессии; большинство же рабочих были заняты в традиционных производствах: в строительстве, портняжном деле, сапожном ремесле и неквалифицированном труде всех разновидностей» (Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество… С. 165).

[159] См.: The Return of the Guilds, Conference of the Global Economic History Network Utrecht, Utrecht University 5–7 October 2006. URL: http://www.cgeh.nl/return–guilds–programme (дата обращения: 25.05.2017); Lucassen J., Moor T. d., and Zanden J. L. V. The Return of the Guilds. Cambridge, Cambridge University Press, 2008; Они же. The Return of the Guilds: Towards a Global History of the Guilds in Pre–industrial Times. International Review of Social History 53 (2008). P. 5–18.

[160] Bert De Munck. How did guilds define human capital? «Social capital in the creation of human capital» in Antwerp guilds, 15th and 16th century // The Return of the Guilds…; Гибридный от ГИБРИД, м. [лат. hibrida] – организм, полученный в результате скрещивания; потомство, образованное вследствие гибридизации; «поколение» от скрещивания растений, принадлежащих к различным линиям (Егорова Т. В. Словарь иностранных слов современного русского языка. М., 2014. С. 159). В данном случае имеется ввиду «скрещивание» цеховой организации по образцу западноевропейской с ремесленными практиками, существовавшими в России до введения цехов.

[161] Lucassen J., Moor T. d., and Zanden J. L. v. The Return of the Guilds: Towards…P. 5–18, 8.

дарного металла? Куда девались токари, часовщики, те мастера, которые создали в средние века славу Нюрнберга своими точными инструментами? Вспомните хотя бы Джеймса Уатта: в конце XVIII в. он напрасно искал в продолжение тридцати лет людей, которые сумели бы выточить точные цилиндры для его паровой машины, его мировое изобретение в течение тридцати лет оставалось грубой моделью, за неимением мастеров, которые могли бы сделать по ней машину»[162].

В данной работе мы попытаемся изменить «оптику», с помощью которой рассматривается объект исследования, чтобы максимально приблизить его, а приблизив, получить более полную картину жизненного мира (цехового) ремесленника, во избежание искажения картины социальной и экономической жизни российского ремесла[163]. Авторский взгляд на российские цехи близок к выводам К. А. Пажитнова, Ф. Я. Полянского и А. И. Копанева, не отрицавших целесообразность введения цехов, но показывавших их своеобразие в России[164]. В работах этих авторов цехи рассматриваются в более длительной исторической перспективе с момента их введения до начала XX века, а значит, возрастает возможность адекватной оценки их развития на российской почве как важного самобытного социально–экономического института. Именно поэтому Пажитнов критиковал В. Лешкова и М. В. Довнар–Запольского за их попытку доказательства существования уже в Древней Руси организаций, подобных цеховым корпорациям ремесленников на Западе[165]. Иными словами, цехи были необходимым институтом развития промышленности, отсутствовавшим на российской почве, который поэтому был введен по образцу западноевропейских.

Принципиальный интерес для данного исследования представляют работы зарубежных коллег по истории ремесла. Отсчет современной историографии ремесла в Германии можно вести с 1950–х годов. Одним из первых авторов, поднявших историю ремесла на качественно новый уровень, является Вильгельм Вернет, позиционировавший ее как самостоятельную отрасль знаний исторической науки, вводя соответствующую терминологию и методику[166]. Карл Фридрих Вернет продолжил работу по методологическому и теоретическому обоснованию истории ремесла как самостоятельной отрасли в исторической науке и определил более четкие границы между крупной и ремесленной промышленностью[167]. Ф. Зак описал процессы интеграции и приспособления ремесла во время индустриализации, а Х. Клейнен – одну из его форм – побочную торговлю, помимо продуктов собственного производства[168]. В 1970–1980–е гг. появляется целая плеяда немецких историков, закрепившая позиции социальной истории немецкого ремесла: В. Абель, Е. Виссель, К. Х. Кауфхольд, Ф. Ленгер, Р. С. Элькар, И. Эмер, У.

---

[162] Кропоткин П. А. Государство, его роль в истории // Кропоткин П. А. Анархия, ее философия, ее идеал. М., 2004. С. 665; См. также: «[…] Джемс Уатт, изобретатель современной паровой машины, потратил около двадцати лет своей жизни, чтобы сделать свое изобретение практически полезным, так как он не мог найти в XVIII веке таких помощников, каких он с легкостью бы нашел в средневековой Флоренции, Нюрнберге или Брюгге, т. е. ремесленников, способных воплотить его изобретения в металле и придать им ту артистическую законченность и точность, которые необходимы для паровой машины» (Кропоткин П. А. Взаимопомощь как фактор эволюции… С. 226–227).

[163] Vgl.: Tuchtenhagen R. Osteuropäische Geschichte en panne // Osteuropa 5. 1999. S. 524.

[164] Копанев А. И. Ремесленники Петербурга в первой половине XIX в. // Ремесло и мануфактура в России, Финляндии и Прибалтике. Л., 1975. С. 78–89; Пажитнов К. А. Проблема ремесленных цехов…

[165] Пажитнов К. А. Организация ремесленной промышленности… С. 164.

[166] Wernet W. Kurzgefasste Geschichte des Handwerks in Deutschland. Dortmund, 1953; Он же. Handwerk im Widerstreit der Lehrmeinungen: das neuzeitliche Handwerksproblem in der sozialwissenschaftlichen Literatur (Forschungsberichte aus dem Handwerk. 3). Münster/W., 1960.

[167] Wernet K. F. Handwerksgeschichte als Forschungsgegenstand. Münster, 1961, 1963; Он же. Wettbewerbs– und Absatzverhältnisse des Handwerks in historischer Sicht Bd. 1: Nahrung, Getränke, Genußmittel. Berlin, 1967; Он же. Zur Abgrenzung von Handwerk und Industrie. Die wirtschaftlichen Zusammenhänge in ihrer Bedeutung von Abgrenzungsfragen (Forschungsberichte aus dem Handwerk, Bd. 11). Münster/W., 1965.

[168] Kleinen H. Die Einzelhandelstätigkeit des Handwerks. Wiesbaden, 1963; Sack F. Integration und Anpassung des Handwerks in der industriellen Gesellschaft. Dargestellt am Schreinerhandwerk in Deutschland. Wiesbaden, 1966.

Энгельгардт и др.[169] Начиная с 1990–х годов появляется ряд публикаций, задавших новый вектор в исследованиях[170]. Ремеслам булочников, портных и прочим были посвящены отдельные монографии[171]. Актуальными остаются исследования ремесла в контексте индустриализации Нового и Новейшего времени. Истории ремесла и цехов посвящены работы британских, бельгийских и нидерландских историков. Де Мунк и Соли отмечали в совместной статье, опубликованной в сборнике статей, вышедшем в под редакцией Б. д. Мунка, С. Л. Каплана и Г. Соли в 2007 г., что дополнительное конкурентное преимущество создавал гораздо более дешевый человеческий капитал в Западной Европе, чем в Азии[172].

Важной инновацией цеховых столяров–мебельщиков Антверпена в XVI – XVII в. де Мунк называет контроль качества, благодаря чему появляется сама категория качества как таковая, и аксиологический фактор. Ученый релятивирует такие понятия как исключительность, консерватизм и наследственность, бывшие традиционно основными негативными характеристиками цехов[173]. Основной же фундаментальный вопрос сборника статей, касающийся всего ремесла доиндустриального периода, ставит резюмируя в заключительном эссе С. Л. Каплан: «[…] если повсюду находятся доказательства, указывающие на умаление значения цехов во многих областях, включая ученичество, почему эти институты были так важны, а ремесленники настолько решительны в своем желании присоединиться к ним? Традиционная историография, основанная главным образом на нормативных источниках, таких как уставы цехов, принимала цехи как фундаментальную экономическую, социальную и политическую структуру организации труда домодерного типа, но в последнее время критически настроенные историки (такие как Майкл Соненшер, Филипп Минар, Стивен Каплан и [Джеймс Фарр]) указывают на то, что более широкий взгляд на ремесленный труд заставляет нас признать факт существования огромного поля трудовой деятельности, выходящей за рамки компетенций цехов»[174].

---

[169] Wissel E. Des alten Handwerks Recht und Gewohnheit. Bd. 1–2. Berlin, 1971, 1974; Abel W. (Hg.). Handwerksgeschichte in neuer Sicht. 2. Aufl. Göttingen, 1978. S. 1–25; Kaufhold K. H. Das Gewerbe in Preußen um 1800. Göttingen, 1978; Elkar R. S. Fragen und Probleme einer interdisziplinären Handwerksgeschichte // R. S. Elkar (Hg.). Deutsches Handwerk in Spätmittelalter und früher Neuzeit: Sozialgeschichte – Volkskunde – Literaturgeschichte. GBWSG, Hg. v. W. Abel. Bd. 9. Göttingen, 1983. S. 3–32; Engelhardt U. (Hg.). Handwerker in der Industrialisierung. Lage, Kultur und Politik vom späten 18. bis ins frühe 20. Jahrhundert. Stuttgart, 1984; Ehmer J. Ökonomischer und sozialer Strukturwandel im Wiener Handwerk – von der industriellen Revolution bis zur Hochindustrialisierung // U. Engelhardt (Hg.). Handwerker in der Industrialisierung. Stuttgart, 1984. S. 78–104; Lenger F. Polarisierung und Verlag: Schuhmacher, Schneider und Schreiner in Düsseldorf 1816–1861 // U. Engelhardt (Hg.). Handwerker in der Industrialisierung… S. 127–145; Ehmer J. Die Herkunft der Handwerker in überregionalen städtischen Zentren: Zürich, Wien, Zagreb zur Mitte des 19. Jahrhunderts // Handwerk in Mittel–und Osteuropa: Mobilität, Vermittlung und Wandel im Handwerk des 18. und 20. Jahrhunderts, München, 1987. S. 47–68; Lenger F. Sozialgeschichte der deutschen Handwerker seit 1800. Frankfurt a.M., 1988; Он же. Zur Sozialgeschichte des rheinischen Stadthandwerks im 19. Jahrhundert // Rheinische Vierteljahresblätter. 1988. Nr. 52. S. 171–189.

[170] См., напр.: Reininghaus S. W. Gewerbe in der frühen Neuzeit. München, 1990; Reith R. (Hrsg. u. Autor mehrerer Beiträge). Lexikon des alten Handwerks. Vom späten Mittelalter bis ins 20. Jahrhundert. München, 1990; Cerutti C. Mestieri e privilegi: nascita delle corporazioni a Torino, secoli XVII–XVIII. Turin, 1992; Ehmer J. Soziale Traditionen in Zeiten des Wandels. Arbeiter und Handwerker im 19. Jahrhundert. Frankfurt a.M.; New York, 1994; Haupt H.–G. Die Werkstatt // Haupt H.–G. Orte des Alltags. Miniaturen aus der europäischen Kulturgeschichte. München, 1994; Reininghaus W. (Hrsg.). Zunftlandschaften in Deutschland und den Niederlanden im Vergleich. Münster–Aschendorff, 2000.

[171] См.: Steffens S. Schneiderei, Konfektion, Heimarbeit. Aspekte des Zerfalls und der Umstrukturierung eines städtischen Handwerks in Belgien (19. bis Frühen 20. Jahrhundert // Tijdschrift Voor Sociale Geschiedenis 20 (1994), S. 428–60; Kaplan S. L. Le meilleur du monde. Les boulangers de Paris au XVIIIe siècle, Paris 1996; Götz I. Unternehmenskultur: die Arbeitswelt einer Grossbäckerei aus kulturwissenschaftlicher Sicht. 1997; Schulte to Bühne J. Das Bäckerhandwerk 1896 bis 1996 am Beispiel der Stadt Münster. Münster, 2000; Sprenger R. Die hohe Kunst der Herrenkleidermacher Tradition und Selbstverständnis eines Meisterhandwerks. Wien; Köln; Weimar, 2009.

[172] De Munck B. and Soly H. «Learning on the Shop Floor» in Historical Perspective // De Munck B., Kaplan S. L. and Soly H. (Eds.). Learning on the Shop Floor. Historical Perspectives on Apprenticeship. New York & Oxford, Berghahn Books, 2007. P. 9.

[173] См.: De Munck B. Construction and Reproduction: The Training and Skills of Antwerp Cabinetmakers in the Sixteenth and Seventeenth Centuries // De Munck B., Kaplan S. L. and Soly H. (Eds.). Learning on the Shop Floor… P. 85–110.

[174] «In a searching essay at the close of this volume, Kaplan poses the fundamental question that informs the contributions to this book on apprenticeship and, indeed, to all studies on craft work in the pre–industrial world: if evidence here and elsewhere continues

В 2000–е годы происходит окончательный концептуальный поворот в рассмотрении истории ремесла и цехового ремесла, в частности, когда преодолеваются хронологические рамки Средних веков и разрабатываются сюжеты Нового времени. В истории ремесла, как самодостаточного и уникального рода человеческой деятельности, не исчерпывающейся исключительно производственными и экономическими практиками, рассматривается не только производство как таковое, но также аспекты образа и качества жизни, социальных и культурных практик. Традиционная история институтов и права дополняется историей конкретно взятого человека, формами коммуникации и взаимодействия различных социальных: корпоративных и государственных, институтов, стратегиями мастеров, подмастерьев и учеников при достижении своих личных целей[175]. Это позволяет понять, что цехи служили не столько преградой в развитии промышленности, сколько трансмиссионным механизмом, позволявшим смягчать противоречия промышленного развития, решать социальные вопросы и сдерживать какое–то время напор крупного капиталистического производства XIX века, отметавшего, как ненужные, социальные нормы труда и общежития. В такой перспективе роль институций и «роль личности» в истории ремесленного сообщества уравновешиваются.

Цехи как новый институт в России могут позиционироваться с этой точки зрения как креативный институт, в рамках которого существуют инновативные производства, приобретшие сегодня новую актуальность в связи с концепциями развития «зеленой экономики»[176]. «Методологический индивидуализм» признает реально действующими участниками социального взаимодействия не группы или организации, а индивидов или агентов социальности. В результате сужения поля индивидуального выбора меняются поведенческие предпосылки, определяющиеся факторами ограниченной рациональности и оппортунистического поведения[177]. Этот тренд сегодня не случаен как с аксиологической: небольшие, локальные, традиционные предприятия, так и с экономической точки зрения, если принять во внимание тот факт, что согласно исследованию Керстин Демон, по результатам которого 21 октября 2010 г. в газете Financial Times Deutschland была опубликована статья под названием «Непримечательные звезды», 500 самых успешных малых и средних семейных предприятий Германии, не становящихся сознательно акционерными обществами, создают абсолютное большинство рабочих мест и более рентабельны по сравнению с «промышленными гигантами», зарегистрированными на фондовой бирже во Франкфурте на Майне[178].

---

to point to the growing irrelevance of guilds 'in many domains including apprenticeship', why did the institutions remain so important, and artisans so resolute in their desire to join them? Traditional historiography, based largely on normative sources like guild statutes, took guilds to be the fundamental economic, social, and political armature of pre–modern work, but recently revisionist historians (such as Michael Sonenscher, Philippe Minard, Kaplan, and myself) point out that a more inclusive and expansive field of vision on work forces us to come to grips with the vast amount of work activity that was occurring beyond the purview of the guilds. This volume engages with this debate, and focuses on what may be considered the quintessential institution within the guild structure: apprenticeship» (Kaplan S.L. Reconsidering Apprenticeship: Afterthoughts // De Munck B. at all. Learning on the Shop Floor… P. 215–216; см.: Farr J. R. Review of De Munck B., Kaplan S. L. and Soly H. (Eds.). Learning on the Shop Floor… // Economic History Review. 62. 1 (2009). P. 235–237).

[175] См.: Фуруботн Э. Г., Рихтер Р. Институты и экономическая теория: Достижения новой институциональной экономической теории / Пер. с англ. под ред. В. С. Катькало, Н. П. Дроздовой. СПб., 2005; Норт Д. Понимание процесса экономических изменений / пер. с англ. Кирилла Мартынова, Николая Эдельмана. М., 2010; North D. Structure and Change in Economic History. New York, 1981.

[176] См.: Блауг М. Коуз, Рональд Гарри // 100 великих экономистов после Кейнса = Great Economists since Keynes: An introduction to the lives & works of one hundred great economists of the past. СПб., 2009. С. 128–130; Остром Э. Постановка задачи исследования институтов // Экономическая политика. 2009. № 6. С. 89–110; Coase R. The Institutional Structure of Production // The American Economic Review. Vol. 82. Nr. 4. 1992. P. 713–719; Dekkers R. (R)Evolution: Organizations and the Dynamics of the Environment. Berlin, 2005; Ostrom E. Understanding institutional diversity. Princeton, 2005; Brears R. C. The Green Economy and the Water–Energy–Food Nexus. 1st edition. London, 2017.

[177] См.: Аузан А. Экономика всего. Как институты определяют нашу жизнь. М., 2014; Фуруботн Э. Г., Рихтер Р. Институты и экономическая теория…; Шаститко А. Е. Новая институциональная экономическая теория / 4–е перераб. и доп. изд. М., 2010.

[178] В 2010 г. таких предприятий в Германии насчитывалось около 3,3 млн. Они создавали 57% рабочих мест, их доля

Актуализация исторических знаний в современном контексте в сочетании с методологическим поворотом дает возможность искать альтернативные к традиционной истории модернизации пути. Таковым нам видится направление истории ремесла, изучающее малые формы успешного ремесленного предпринимательства, которые не должны заменяться автоматически массовым машинным производством, но, напротив, гармонично дополнять его. Методика, примененная вышеназванными авторами, позволяет переосмыслить и оценить по–новому историю развития малого и среднего ремесленного производства Санкт–Петербурга, и России в целом.

В 1985 г. немецкий историк Томас Штеффенс отмечал в своей диссертации о рабочих Петербурга начала XX в., что ремесленники, в том числе и цеховые, совершенно забыты историками: они находились, по его словам, «im toten Winkel»[179]. И это можно было сказать не только о петербургском ремесле. Представление о цеховом ремесле как об «экстравагантном, тираническом и обскурантистском», названном так испанским экономом Форундой в 1780–х годах, разделялось не только учеными мужами эпохи Просвещения, но и историками недалекого прошлого. Такой негативный взгляд был результатом понимания модернизации как замены традиционных «отживших» «старых» институтов «современными» новыми согласно модели поступательного развития от «традиционных» мелких форм хозяйствования к более «прогрессивным» индустриальным и поточным[180]. В экономической науке для доказательства такого постулата успешно применяется метод количественного анализа, основанный на моделях роста. Для описания (микро)истории ремесла такого инструментария недостаточно, так как верификация производится не только с помощью количественных индикаторов роста экономики, но и качественных – качества жизни и окружающей среды. Поэтому критериями оценки того или иного феномена ремесла являются как институт и структура, так и событийность и интерактивность, что позволяет решить проблему высокого уровня сложности в больших моделях. Игровые модели в анализе экономического поведения помогают, отчасти, понять сложность порой непредсказуемого поведения[181].

Рассматривая историю цехов в контексте взаимодействия традиций и инноваций, в особенности того факта, что культурно–антропологический метод стал активно применяться историками цехового ремесла в 1990–е годы, можно говорить о смене парадигмы, приведшей к пересмотру роли цехов в развитии ремесла не только в эпоху протоиндустриализации, но и позднее. Назовем только две публикации последних лет – сборник статей, вышедший под редакцией Гейнца–Герхарда Гаупта в 2002 г. с характерным названием «Конец цехов: сравнительный анализ института цехов в Европе» и книгу Р. Сеннета «Ремесло», увидевшую свет в 2007 г.[182] Они подводят символическую черту под развитием традиционной историографии, занимавшейся историей «институтов» и интересовавшейся в основном правовой стороной вопроса. Сеннет показывает в своей книге ценность ремесленного труда в контексте современной промышленной цивилизации и самоценность человека производящего (Homo faber). По его мнению, ремесленный труд может вернуть отчужденному в процессе крупного промышленного производства человеку радость и удовлетворение от труда и от произведений, возникших в результате его умений и навыков, его креативности[183].

от оборота всех предприятий страны составила 42% (Dämon K. Die heimlichen Stars // Institut für Mittelstandsforschung der Universität Mannheim. URL: http://www.ifm.uni–mannheim.de (дата обращения: 15.12.2016).

[179] «В мертвой зоне» (перевод автора. – *А. К.*); Steffens T. Die Arbeiter von Petersburg 1907 bis 1917. Soziale Lage, Organisation und spontaner Protest zwischen zwei Revolutionen, Freiburg, 1985. S. 45.

[180] Haupt H.–G. Neue Wege zur Geschichte der Zünfte in Europa // Haupt H.–G. (Hrsg.). Das Ende der Zünfte: ein europäischer Vergleich. Göttingen, 2002. S. 24.

[181] Thompson E. P. The Making of the English working class. New–York, 1966. P. 234–268.

[182] Haupt H.–G. Neue Wege zur Geschichte der Zünfte… S. 9–38; Sennett R. The Craftsman. New Haven, 2008.

[183] Sennett R. Handwerk. Berlin, 2008. S. 390.

Р. Сеннет предлагает уделить ремеслу более пристальное внимание как инструменту гармонизации человека и труда в разобщенном и социально холодном обществе: «Гордость за свой труд лежит в основе любой ремесленной деятельности, умений и знаний мастера, поскольку награду он получает за свое искусство и увлеченность»[184]. Такая работа наполняет мастера удовлетворением от сделанного и чувством собственного достоинства: сосредоточение, размышления, созерцание, интуиция, – вот элементы новой («старой», традиционной) трудовой и жизненной этики, которую обосновывает своим ма́стерским трудом Сеннет[185].

Кроме упомянутых авторов, работы К. Девидса, К. Лиз, Я. Лукассена, М. Прака, Г. Ричардсона, С. Черутти, С. Р. Эпштейна и др. в том же направлении позволяют посмотреть на цехи как институты сохранения корпоративных, социальных и профессиональных традиций, способствовавших социальной стабильности, становлению и развитию городов, принятию и развитию технологических инноваций[186]. Их эволюция в XIX – XX вв. в ремесленные палаты и союзы в Германии показала потенциал развития данного института, возникшего в Средневековье и пережившего в премодерных обществах процессы адаптации и трансформации. Основной упор в исследованиях делается не на институте как таковом, а на практиках исторических акторов и феномене «мастерства» как основе любого профессионализма. Цехи у этих авторов рассматриваются как институт, создавший предпосылки и условия для развития городов, капитализма и технологической революции позднего Средневековья и раннего Нового времени, а также эпохи индустриализации в XVIII – XIX вв. Отказ от однолинейной проекции западноевропейского общества и цехов на российский кейс делает возможным анализ российского общества имперского периода без таких искусственных понятий как «третье сословие» и «гражданское общество».

В 1981 г. Франклин Мендельс ввел в научный оборот термин «протоиндустриализации», отчасти объясняющий условия возникновения индустриализации задолго до ее появления[187]. Мендельс переместил центр внимания с целых стран на отдельные сельскохозяйственные регионы с развитым ремесленно–промышленным производством, что помогло переосмыслить их роль как более мелких единиц индустриализации. Применительно к России, Р. Л. Рудольф в 1980–е годы продемонстрировал в серии статей, что развивавшаяся в России протоиндустрия в виде кустарных промыслов не привела к ослаблению крепостной системы[188]. Сам Мендельс не абсолютизировал свою концепцию и говорил о том, что «протоиндустриализация» относится к региональному росту рыночно ориентированного сельского хозяйства и промыслов в XVII – XVIII веках на протяжении десятилетий, предшествовавших промышленной революции, а в России до второй половины XIX в. По его мнению, «протоиндустриализация никогда не представлялась "достаточной" причиной промышленной революции. При первом поверхностном знакомстве с экономической историей последней сразу же станет понятно, что было много регионов Европы, где ручное ткачество и другие крестьянские промыслы исчезли, так и не став основой для фабричной промышленности»[189]. Можно принять за рабочую концеп-

---

[184] Krempl S.–T. Paradoxien der Arbeit… S. 88.

[185] Krempl S.–T. Paradoxien der Arbeit… S. 88.

[186] Richardson G. Guilds, laws, and markets… P. 1–25; De Munck B., Kaplan S.L., Soly H. (Eds.). Learning on the Shop Floor…; De Munck B. Technologies of Learning. Apprenticeship in Antwerp from the 15th century to the end of the ancien régime. Turnhout, 2007; Epstein S. R., Prak M. (eds.). Guilds, Innovation and the European Economy, 1400–1800. Cambridge, 2008; Lucassen J., Moor T .d., and Zanden J. L. V. The Return of the Guilds…; Prak M., Lis C., Lucassen J., Soly H. (ed.). Craft guilds in the early modern Low Countries…; Epstein S. R. Technology, Skills and the Pre–modern Economy in the East and the West: Essays Dedicated to the Memory of S. R. Epstein. Brill, 2013; Davids K., De Munck B. Innovation and Creativity in Late Medieval //Late Medieval and Early Modern European Cities. Aldershot, 2014. P. 1–33.

[187] См.: Kriedte P., Medick H., Schlumbohm J. Industrialization before Industrialization. Cambridge, 1981.

[188] Review: Grant J. A. // Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History 3.3 (2002) 533–536 URL: https://muse.jhu.edu/article/18754/summary (дата обращения: 21.10.2017).

[189] «Proto–Industrialization». Franklin Mendels, reply by Lawrence Stone // The New York Review of Books. October 25, 1984

цию Клауса Гествы о том, что примерно с середины XVII в. – до конца 1860–х годов в России длился период протоиндустриализации, когда создаются условия для последующего промышленной революции в последней трети XIX в.[190].

Ремесло может рассматриваться как уравновешивающая альтернатива излишнему технократизму, индустриализации и стандартизации, безусловно имеющим свои сильные стороны. Ввиду когнитивной и терминологической специфики теории модернизации, ремесло в ее рамках не может быть рассмотрено как полноценная экономическая деятельность в прошлом (цеховое и городское ремесло, промыслы), настоящем (инновативное малое производство) и будущем в рамках стратегического прогнозирования ГСВМП (small manufacturing network) на основе положительного исторического опыта. Противоположным направлением в исторической науке является история ремесла, не как традиционного института экономической и промышленной деятельности рудиментарного характера, а как элемента современного производства, где ремесленный мастер или специалист играет роль самодостаточного производителя материальных и идеальных ценностей[191]. Данный прием не является «осовремениванием» ремесла, но служит получению иной перспективы («оптики») и контекста для переосмысления движения ремесла от «примитивной ручной работы» к высокотехнологичному узкоспециализированному производству. Ремесленник эволюционировал в ходе промышленной революции так же, как мануфактуры, заводы и фабрики, только с иным результатом.

Принципиально важными в данном случае являются размышления Сеннета о ремесле как универсальном виде человеческой деятельности, являющейся базисной составляющей любой человеческой культуры, ее существенным признаком с тех пор, как философы открыли такие понятия как «удовольствие», «игра» и «культура»[192]. Сеннет расширяет понятие ремесленничества или мастерства и говорит о ремеслах по деревообработке так же, как и о военной муштре или солнечных батареях в контексте профессионализма: «"Ремесленничество" гораздо более широкое понятие, обозначающее не только квалифицированный ручной труд. Оно распространяется и на компьютерного программиста, и на врача, и на музыканта»[193]. Ученый радикально расширяет область «ремесленничества», обращаясь к стремлению человека, и в особенности ремесленника, делать качественную работу[194]. Действительно, можно сказать, что ремесло – делать что–то руками, является антропологическим признаком, где тонкая связь между руками и головой рождает «интеллигентные руки», а навыки ремесленного мастера являются незаменимыми в любой творческой профессии.

По поводу ценности ремесленного труда, в свете современной промышленной цивилизации, Сеннет говорит, что «"ремесленничество" олицетворяет образ жизни, который с виду

ISSUE. URL: http://www.nybooks.com/articles/1984/10/25/proto–industrialization/ (дата обращения: 20.10.2017).

[190] Gestwa K. Proto–Industrialisierung in Russland: Wirtschaft, Herrschaft und Kultur in Ivanovo und Pavlovo 1741–1932. Göttingen, 1999. S. 579; И. В. Побережников рассматривает протоиндустриализацию как особую, переходную, стадию модернизации (Побережников И. В. Протоиндустриализация как субпроцесс…). Мы считаем, что протоиндустриализация, это не только переходный процесс, но и развилка, с которой пути ремесла и крупной промышленности расходятся ввиду их дифференциации и превращения мануфактурного типа промышленности, где ремесло и крупные машины сосуществуют, в современные фабрику и завод.

[191] Егоров В. Г., Чистова С. М. Городское ремесленное производство… С. 222.

[192] Sennett R. The Craftsman… P. 6, 8–9.

[193] Там же, с. 9.

[194] Там же, с. 20; У Д. Э. Харитонович находим описание этического фактора в работе западноевропейского ремесленника, укрепившегося в России с введением цехов в 1721/1722 г.: «Мастер роднился не только с собратьями по цеху, но и с производимыми изделиями. Они не были безликим товаром, но как бы частью его самого. В изделиях отпечатывается личность мастера во всей его целостности, со всеми его жизненными качествами. Так что плохой человек как бы не мог сделать хорошую вещь. Высокие моральные требования к мастеру становятся необходимыми и для его производственной деятельности. И наоборот, ремесленный трактат, содержащий указания о том, как сделать прекрасные вещи, становится как бы трактатом педагогическим, повествующим о том, как стать прекрасным человеком» (Харитонович Д. Э . Ремесло: Цехи и миф // Город в средневековой цивилизации Западной Европы: в 4–х томах / Отв. ред. А. А. Сванидзе. М., 1999. Т. 2. Жизнь города и деятельность горожан. С. 118–124).

ослабевает с появлением индустриального общества, но это всего лишь заблуждение. Ремесленничество являет собой прочный человеческий импульс, основанный на желании делать работу хорошо, ради нее самой. […]; качество воспитания улучшается, когда оно практикуется как квалифицированное ремесло (мастерство. – А. К.), равно как и гражданское общество. Во всех этих областях мастерство фокусируется на объективных стандартах, на самой сути. Тем не менее, социальные и экономические условия часто препятствуют проявлению дисциплины и самоотдачи ремесленника: школы не всегда могут быть инструментами для хорошей работы, а требования на рабочих местах не всегда могут стать по–настоящему адекватными стремлению к качественной работе. И, хотя ремесленничество может вознаградить человека чувством гордости за выполненную работу, эта награда не так легко достижима»[195].

Мануальная активность рассматривается Сеннетом не в отрыве, а в сочетании с интеллектуальной деятельностью и эмоциональной сферой, благодаря чему повышается ее значимость. Вполне логично, что ученый обозначает человека, обладающего такими способностями, универсальным понятием «Homo faber»[196], объединяющим в себе как человека креативного (Homo creativicus), так и человека экономического (Homo economicus)[197]. Ремесленник фокусирует свое внимание на объективных стандартах, на самой вещи, в отличие от рабочего, занятого определенной операцией (операциями). Поэтому неправомерно говорить о «конце истории» ремесла с началом индустриальной революции: «Ремесленничество просто остается недопонятым, […] если оно приравнивается лишь к ручному мастерству некоего плотника. Немцы используют слово *Handwerk,* французы слово *artisanal*, чтобы обозначить работу ремесленника. Английский язык может быть более инклюзивным, как в случае с термином *государственное ремесло*. Антон Чехов применил русское слово *мастерство* в равной степени как к своему ремеслу врача, так и писателя. Я хочу, во–первых, рассмотреть все такие конкретные практики, как, например, в мастерских (рабочие пространства), где я смогу исследовать чувства и идеи. Во–вторых, изучить то, что происходит, когда руки и голова, техника и наука, искусство и ремесло разделены. Я покажу, как в этом случае страдает голова; как в прямом, так и в переносном смысле»[198].

Многие историки XIX и XX вв. решили, что ремесло вместе с цехами, как антипрогрессивный институт, приговорено исчезнуть с исторической сцены и перестали обращать на них пристальное внимание, обходясь общими замечаниями об их несвоевременности[199]. Но именно цехи были институтом, где существовали основы демократических практик, которые, выходя за пределы цехов, способствовали активному участию ремесленников в жизни городов и их самоуправлении[200]. Как нам видится, причина трудности возродить сегодня традиции

---

[195] Sennett R. The Craftsman… P. 9: «"Craftsmanship" may suggest a way of life that waned with the advent of industrial society—but this is misleading. Craftsmanship names an enduring, basic human impulse, the desire to do a job well for its own sake. Craftsmanship cuts a far wider swath than skilled manual labor; it serves the computer programmer, the doctor, and the artist; parenting improves when it is practiced as a skilled craft, as does citizenship. In all these domains, craftsmanship focuses on objective standards, on the thing in itself. Social and economic conditions, however, often stand in the way of the craftsman's discipline and commitment: schools may fail to provide the tools to do good work, and workplaces may not truly value the aspiration for quality. And though craftsmanship can reward an individual with a sense of pride in work, this reward is not simple».

[196] Там же. Сеннет делает также различие между понятиями homo faber и animal laborans, ставя первого на более высокую ступень: "Whereas Animal laborans is fixated in the question 'How?' Homo faber asks 'Why?'".

[197] Мокир Дж. Рычаг богатства: Технологическая креативность и экономический прогресс / пер. с англ. Н. Эдельмана ; науч. ред. Т. Дробышевская, А. Смирнов. М., 2014. С. 277.

[198] Sennett R. The Craftsman… P. 20: «Craftsmanship is poorly understood, […] when it is equated only with manual skill of the carpenter's sort. German employs the word *Handwerk,* French the word *artisanal* to evoke the craftsman's labors. English can be more inclusive, as in the term *statecraft;* Anton Chekhov applied the Russian word *mastersvo* equally to his craft as a doctor and as a writer. I want first to treat all such concrete practices as like laboratories in which sentiments and ideas can be investigated. A second aim of this study is to explore what happens when hand and head, technique and science, art and craft are separated. I will show how the head then suffers; both understanding and expression are impaired».

[199] Haupt H.–G. Neue Wege… S. 9.

[200] Там же, с. 10.

общественного самоуправления XIX – начала XX вв. лежат именно в уничтожении городского, в том числе и корпоративного, самоуправления в российских городах и особенно в Санкт–Петербурге.

Обращаясь к политической антропологии, можно сказать вместе с Жоржем Баландье, что традиционные структуры и институты целесообразно рассматривать не как препятствия на пути в Новое время, которые должны были уйти вместе с Ancien Régimes. Понять их роль во влиянии на формы социальной жизни сегодня – значит уравновесить соотношение традиции и инновации[201]. Традиция, говорит Баландье, может быть использована в целях реставрации, или она может получить новую функцию в изменившемся контексте, вести к акциям сопротивления или к оправданию современности[202]. Важно понять, почему многие русские мастера поддерживали цеховую форму организации ремесла во второй половине XIX в., когда многие «прогрессивные» деятели списали ее как отживший институт. Потому что цехи превратились в социальный институт или корпорацию, где профессионалы своего дела нашли, выражаясь образно, свой социальный дом.

Можно выделить одну из ярких черт Петербурга, наложивших особый отпечаток на большинство его жителей, в том числе и на ремесленников, – это исключительно многообразное культурное пространство, бывшее, в какой–то степени, отражением Западной Европы и являющееся одной из главных его ценностей. Как правило, из числа иностранных ремесленников на протяжении почти всего XIX века, особенно в первой его половине, рекрутировалось значительное число представителей ремесленной элиты, что говорит об их долгом доминировании над российскими коллегами[203].

В смешении и противостоянии идентичностей жителей Петербурга рождалась идентичность петербуржца, которую можно реконструировать с помощью понятия *остранения* В. Б. Шкловского, помогающего добиться эффекта нового видения ремесла и ремесленника[204]. Данный прием автор применил в отношении «маленького человека» Акакия Акакиевича Башмачкина – героя повести Н. В. Гоголя «Шинель», в одной из своих статей[205]. Это понятие актуализируется и конкретизируется в историческом контексте с помощью термина *«феномен Башмачкина»* (или *«эффект титулярного советника»*), введенного уральскими историками Еленой Алексеевой, Дмитрием Рединым и их французской коллегой Мари–Пьер Рей[206]. Попробуем расширить его методологические границы с помощью теории Шкловского: «В 1916 году, – писал он, – появилась теория "остранения". В ней я стремился обобщить способ обновления восприятия и показа явлений»[207]. Ученый так определил «приём остранения»: «не приближение значения к нашему пониманию, а создание особого восприятия предмета, создание "ви́дения" его, а не "узнавания"»[208]. На примере Л. Н. Толстого, Шкловский объясняет, что «прием остранения […] не называет вещь ее именем, а описывает ее, как в первый раз виденную, а случай – как в первый раз происшедший, при чем он употребляет в описании вещи не

---

[201] Balandier G. Anthropologie politique. Paris 1984. Zitat: Haupt H.–G. Neue Wege… S. 10.

[202] Там же.

[203] Интервью с Кристиной Конде де Берольдинген // DE Magazin Deutschland, Ru 2/2013. URL: https://www.deutschland.de/ru/topic/politika/germania–evropa/kultura–sozdaet–identicnost–i–cto–v–nastoasee–vrema–nuznee–vsego (дата обращения: 06.07.2017).

[204] Шкловский В. Б. Искусство как прием // Он же. О теории прозы. М., 1929. С. 13–23; См.: Калинин И. Вернуть: вещи, платье, мебель, жену и страх войны. Виктор Шкловский между революционным бытом и теорией остранения // Wiener Slawistischer Almanach, Sonderband 62 (2005), S. 351–386; Он же. Виктор Шкловский. Фигуры и жанры теоретического воображения // НЛО. № 128 (4/2014). С. 1–28.

[205] Келлер А. В. Петербургский портной – законодатель мод первой половины XIX века // Россия XXI. № 1. 2015. С. 102–104; См.: Шкловский В. Б. Избранное. В 2–х т. Т. 2. М., 1983. С. 11–15.

[206] См.: Алексеева Е. В., Редин Д. А., Рей М.–П. «Европеизация», «вестернизация»… С. 15.

[207] Шкловский В. Б. Избранное. В 2–х т. Т. 2. Тетива. М., 1983. С. 6.

[208] Шкловский В. Б. О теории прозы… С. 18.

те названия ее частей, которые приняты, а называет их так, как называются соответственные части в других вещах»[209]. А вот другая формулировка: «Обновление значения [происходит] через перестановку признаков. Разгадывая, мы располагаем признаками и радуемся тому, что раньше мы не знали смысла отдельности. Собранная вещь является вещью узнанной. Загадка является предлогом к наслаждению узнавания. Но в загадке обычно есть две разгадки. Первая – прямая, но неверная. Вторая – истинная»[210].

Чтобы получить феномен Башмачкина в нашем случае, нет необходимости переноситься в провинциальный город N–ск, в котором титулярный советник из Петербурга становится представителем местной элиты[211]. Возможно сменить контекст в ходе мысленного эксперимента, не покидая петербургской обстановки с жестокосердными коллегами – рядовыми канцеляристами, получающими удовольствие от злой забавы: сыпать клочки рваной бумаги на голову несчастного безобидного Башмачкина. Достаточно представить последнего в роли самозабвенного художника, всецело поглощенного своим делом, и он превращается из забитого копииста в непревзойденного мастера искусства каллиграфии: «Вряд ли где можно было найти человека, который так жил бы в своей должности. Мало сказать: он служил ревностно, – нет, он служил с любовью. Там, в этом переписыванье, ему виделся какой–то свой разнообразный и приятный мир. Наслаждение выражалось на лице его; некоторые буквы у него были фавориты, до которых если он добирался, то был сам не свой: и подсмеивался, и подмигивал, и помогал губами, так что в лице его, казалось, можно было прочесть всякую букву, которую выводило перо его»[212].

Он тот человек, письмом которого будут восхищаться поколения будущих историков, открывающих документы далекой эпохи и немеющих от красоты, созданной рукой бедного канцеляриста. Одержимый красотой письма, мастер не замечает вокруг себя низких забав жестокосердных коллег, одержимый лишь одним – придать изгибу заглавной буквы то совершенство линии, которая укажет на его замысел по созданию совершенного государственного шрифта, достойного столицы великой империи – Северной Пальмиры, который вобрал бы в себя и величие российской европейской столицы, и изгиб ножки красавицы на сцене Александринского театра, и красоту ажурных оград в свете белых ночей, и легкость крыл ангела на шпиле Петропавловского собора.

Применение приема остранения позволяет обращаться и к литературным героям–ремесленникам и неремесленникам, пользующимся ремесленными практиками, образы которых описаны в рассказах и повестях Н. В. Гоголя, Н. С. Лескова, М. Е. Салтыкова–Щедрина и многих других авторов. По нашему твердому убеждению, в художественных текстах наряду с вымыслом присутствует художественная правда, показывающая выпукло типологические черты времени, человека, социальной группы, которые можно спроецировать на исследуемый материал в целях его верификации. Таким образом, открываются новые интерпретационные перспективы, образы героев начинают играть невиданными до сих пор гранями, позволяющими получить новые смыслы и новое видение прошедших эпох, далеких героев, становящихся более близкими и понятными. Происходит герменевтический поворот. Образ св. Акакия (др.–греч. Ἀκάκιος – *«не делающий зла, кроткий, неплохой»*) – мученика христианской церкви в Сирии, прекрасно накладывается на образ Башмачкина, тоже мученика, только канцелярской службы, терпящего унижение ради красоты, которой он служит. Гоголь дает ему это имя в квадрате, указывая на величие в ничтожестве: и последние станут первыми, сказано в Библии. Искусство герменевтики встречается здесь с искусством каллиграфии, рождая свет,

[209] Там же, с. 14.

[210] Шкловский В. Б. Избранное… С. 54.

[211] Алексеева Е. В., Редин Д. А., Рей М.–П. «Европеизация», «вестернизация»… С. 15.

[212] Гоголь Н. В. Полное собрание сочинений / [гл. ред. чл.–кор. АН СССР Н. Л. Мещеряков]; АН СССР, Ин–т литературы (Пушкин. дом). Т. 3. Повести / [ред. В.Л. Комарович]. М., 1938. С. 144.

преображающий историческую реальность в историческую правду (принимая в расчет в том числе и фиктивность самого Башмачкина, как литературного героя). Герменевтический круг замкнулся, создав новый смысл.

То же самое происходит с забытым ремесленным мастером, в котором начинает проглядывать не примитивный ремесленник: сапожник, подбивающий прохудившиеся сапоги, портной, латающий старые панталоны – но великий мастер, шьющий блестящий фрак для поэта Пушкина или для петербургского денди и философа Чаадаева, получающим благодаря ему достойное облачение, чтобы оказаться не голыми королями, но титанами мысли и искусства. Ремесленник– художник сообщает драгоценному содержанию достойную форму, чтобы его, именно таким русским европейцем, увидел Рим, Дрезден и Париж[213]. В этом смысле глубоко символична картина итальянского художника Алессандро Феи (1543–1592) «Мастерская ювелирного мастера XVI века» (Флоренция, палаццо Векьо Студиоло), изображающая мастера, держащего в руках корону, должную украсить голову очередного властителя судеб.

Именно поэтому мы обращаемся в теоретическом переосмыслении истории ремесла к философии истории и к понятию *Homo faber* (Человек творящий), имеющему непосредственное отношение к творческой деятельности, к появлению ремесла и техники. Это понятие может быть также использовано как когерентное к Deus faber («Бог творящий»), архетипом которого является бог–кузнец Гефест. Закономерно, что, находясь в европейской философской традиции, берущей свое начало в Древней Греции, американский философ и социолог Р. Сеннет обращается к одному из первых ремесленников–небожителей Гефесту, чье мастерство было воспето в гимне Гомера. Это позволяет реконструировать европейскую традицию в интерпретации труда ремесленника, нашедшего свое распространение в большинстве европейских культур как особой культурной ценности до ее инфляции в эпоху индустриализации и модерна:

> «Муза, Гефеста воспой, знаменитого разумом хитрым!
> Вместе с Афиною он светлоокою славным ремеслам
> Смертных людей обучил. Словно дикие звери,
> В прежнее время они обитали в горах по пещерам.
> Ныне ж без многих трудов, обученные всяким искусствам
> Мастером славным Гефестом, в течение целого года
> Время проводят в жилищах своих, ни о чем не заботясь.
> Милостив будь, о Гефест! Подай добродетель и счастье!»[214].

Не только Гефест обладает качествами мастера, но и сам создатель – демиург, которому подчиняются боги богов[215]. В трактате Платона в форме диалога «Тимей», астроном и пифагореец Тимей утверждает, что на космос необходимо смотреть как на продукт демиурга или мастера (греч. dēmiourgos), созерцающего вечный первообраз (парадейгма) всего сущего[216]. Иными словами, создатель космоса созерцает образ идеальной вещи, которую он хочет воплотить, так же, как и ремесленник перед тем, как ее создать. То же самое относиться к политику, стремящемуся выстроить отношения в социуме с помощью образа идеального общества. Демиург создает и организует физический мир, чтобы привести его в соответствие с вечным

---

[213] Пушкин А. С. Собрание сочинений: В 10 т. / Под общ. ред. Д. Д. Благого и др. Т. 2. М., 1959. С. 177.

[214] Античные гимны [Сборник] / Сост. и общ. ред. [и вступ. ст., с. 5–55], А. А. Тахо–Годи. М., 1988. С. 126; В мифологии Древней Греции и в Древнего Рима имеется бог–кузнец: Гефест или Вулкан (также гончар, ткач). Аристотель, напротив, употреблял слово демиург в традиционном значении ремесленника или мастера.

[215] «Боги богов! Я – ваш демиург и отец всех вещей»; Творец, это «делатель» вообще (ποιέω – «делаю») и равнозначен демиургу («ремесленнику», «мастеру», «строителю»). Его функции распространяются на сферы труда, ремесла, поэзии, искусства, науки и др. (Платон. Собр. соч. в 4–х томах. Т. 3. М., 1994. С. 443, 611).

[216] Платон. Собр. соч. в 4–х томах. Т. 3… С. 5.

идеалом. Продолжая эту мысль можно сказать, что космос нуждается в мастере–ремесленнике, производящем красивые вещи.

Принятое в антропологии противопоставление Homo faber и Homo ludens («Человек играющий») предлагается нами снять с помощью построения взаимодополняющей, а не взаимоисключающей модели двух этих понятий[217]. Экспериментирование и работа с материалом и идеями, с одной стороны, и игра, с другой, являются составными частями одного феномена – творческой деятельности ремесленника.

Следующей разновидностью биноминальной номенклатуры, которую необходимо рассмотреть, является понятие Homo economicus. Оно описывает человека как эгоистического индивида, заинтересованного исключительно в своей материальной выгоде[218]. Самюэль Боулз подвергает критике такой ограниченный взгляд на человека как субъекта экономической деятельности, свойственный концепции А. Смита[219]. Ученый показывает, что материальные стимулы, лежащие в его основе, могут иметь вопреки ожиданиям совершенно противоположный эффект, и что «одни только стимулы не могут служить основой для хорошего управления»[220].

Последним в этом ряду является термин, используемый П. Слотердайком, *Homo technologicus* (Человек технологичный), имеющий непосредственное отношение к ремеслу. Философ следует традиции хайдеггерианского понимания проблемы техники, когда говорит о том, что ему не избежать существования вне по–става (das Gestell), так как он находится внутри его парадигмы[221]. Став человеком, человек занялся добывающе–производящим раскрытием сокрытого с помощью ремесла: изготовлением артефактов, естественным образом оказавшись внутри по–става, а значит и в неразрывной связи с техникой, перед которой он не должен терять своей супер–позиции демиурга. Свойственная мысли Слотердайка продуктивность сообщает и другие смыслы, сопряженные с тематикой ремесла. Перефразируя К. Маркса, Слотердайк высказал актуальную мысль: «До этого мир пытались по–разному изменить, теперь его необходимо сохранить»[222]. Смысл слова «изменить» изменился принципиально.

В своем трактате «Простец об уме» (лат. Idiota de mente), составленном в 1450 г., Николай Кузанский привел в пример ложкаря, образ ложки у которого находится в голове. Ложкарь, подобно создателю мира, может представить себе образ ложки и произвести ее. Таким образом, он может не только воспроизводить природу (physis), но и производить новое подобно богу из себя. Человек больше не является осужденным свыше на вечный тяжелый труд. Следовательно, становясь ремесленником, человек освобождается от проклятия: «в поте лица твоего будешь есть хлеб, доколе не возвратишься в землю, из которой ты взят, ибо прах ты и в прах возвратишься», он становится соработником бога[223]. Мастер становится креатором (creator; creatur), который может не только работать, но и создавать, творить, а значит становиться в процессе эпигенезиса идентичным себе.

---

[217] См.: Хёйзинга Й. Человек играющий. Опыт определения игрового элемента культуры. Составление, предисловие и перевод Д. В. Сильвестрова, комментарий и указатель Д. Э. Харитоновича. СПб., 2011.

[218] В данном случае латинская биноминальная номенклатура не используется для обозначения какого–либо особого биологического вида человека, но является историко–философской концепцией; Роберт Фрэнк показывает, что быть эгоистом не всегда правильно, а поступки с позиции альтруизма в некоторых случаях лучше помогают добиться материального успеха, чем голый эгоизм (Фрэнк Р. Страсти в нашем разуме. Стратегическая роль эмоций / Пер. Инна Кушнарева. М., 2017).

[219] Боулз С. Моральная экономика. Почему хорошие стимулы не заменят хороших граждан. Перевод с англ. Даниила Шестакова. М., 2017. С. 20–29.

[220] Там же, с. 22.

[221] По–став (das Gestell) – техническое или пред–объективное мышление является пред–ставляющим мышлением в том смысле, что это мышление по–ставляет перед собой сущее как объект и воспринимает его во временном модусе настоящего как наличное. Человек *ставит* природу перед собой как ресурс с помощью техники и технологий. Всеобщность технических средств и есть по–став, составной частью которого являются ремесленные практики и технологии.

[222] Sloterdijk P. Innovationen – Katalysator für einen gesellschaftlichen Paradigmenwechsel. URL: https://www.youtube.com/watch?v=bvzNq1dhiVU (дата обращения: 25.04.2019).

[223] Ветхий завет. Бытие. Гл. 3. Пс. 127, 2 Еккл 12, 7. 19.

Слотердайк предлагает выход из положения, устраняя противоестественное противопоставление человека и техники, подобно Ж.–Ж. Руссо, с помощью новых понятий. Так называемой *аллотехнической* концепции отчуждения себя через технику, он противопоставляет *гомеотехническую*, которую мы можем интерпретировать как систему, в которой техника гармонично интегрирована в мир мирного сосуществования человека и природы, где потребительское отношение к последней заменяется ее защитой, в более широком смысле – сохранением окружающей среды. Частью этой стратегии является смена парадигмы, в которой работа, производимая человеком, не экстернализируется экстенсивно в окружающий мир, как это наиболее ярко проявляется во время индустриальной революции, но, наоборот, интегрируется в универсальном внутреннем пространстве[224].

П. Слотердайк, в отличие от Руссо, призывает не возвращаться к природе, но продолжать свой путь вперед к технике: «Природа, в противоположность убеждениям Руссо, не является в техническом смысле матерью рода человеческого, функция которой заключается лишь в вынашивании, пестовании, прокормлении. Напротив, природа в существенных своих чертах является некоей производственной мощностью, которую мы можем назвать фабрикой или огромной мануфактурой, производящей различные жизненные формы, пространством неожиданностей, в котором возникают биологические виды. До появления млекопитающих, рептилии, птицы, насекомые и прочие биологические виды не осмеливались пойти путем матернизации и откладывали яйца во внешнее гнездо или иное наружное приспособление, но ни в коем случае не в материнский организм»[225].

Природу Слотердайк называет мастерской. В ней присутствует целый ансамбль биотехник, которые в свою очередь создают что–то вроде материнства, а сам жизненный процесс является неким интегральным машиностроением, создающим материнские машины или биологические, жизненные системы, признаком которых является то, что они предоставляют свое тело в виде убежища в распоряжение собственного потомства. Используя понятия гомеопатии Самуэля Ганемана, а также понятие аллопатии, Слотердайк предлагает на их основе новые термины – позитивно заряженную *гомеотехнику* (Homöotechnik) и *аллотехнику* (Allotechnik), т. е. технику, отчужденную от природы (kontranaturale Technologie), к которой можно причислить все техническое развитие до сегодняшнего дня, кроме нанотехнологий, открывающих возможность развития гомеотехники. Принципиальное различие аллотехники от гомеотехники заключается в том, что она не подражает природе, но вторгается в нее как чуждый элемент, продуцирующий контрпродуктивные технические эффекты, заключающиеся среди прочего в уничтожении природы и окружающей среды. Слотердайк продолжает: «Это та технология, которая захватывает, подчиняет, отчуждает, разрушает, использует, грабит, в то время как гомеотехническое развитие техники […] предполагает новую фазу эволюции, во время которой господство человека над природой приходит к своему концу. Это время, когда возникает новая форма сосуществования *симпатической коабитации* (sympathetischer Kohabitation) человека и природных структур, которую можно определить как *биореализм*, функционирующий с помощью *биомимесиса*»[226].

Слотердайк исходит из того, что «древняя человекообразная обезьяна превратилась в модерного человека в искусственном инкубаторе, созданном с помощью примитивных технологий, под воздействием которого он сам попал в захватывающую динамику самосовершенствования, результатом которой является сегодняшняя морфология современного человека

[224] Sloterdijk P. Innovationen…

[225] Sloterdijk P. Der Mensch als homo technologicus. URL: https://www.youtube.com/watch?reload=9&v=–mVZbx0y6DA (обращение: 03.03.2019).

[226] Там же.

(Homo sapiens)»[227]. Философ перечисляет техники, с помощью которых человек стал человеком, и которые имеют непосредственное отношение к возникновению ремесла.

Первая техника – *метание* или *бросание*, позволившее создать дистанцию к опасному окружающему миру – изначальная техника, позволившая древнему человеку создать первую сферу, в которой он существовал: «Метание является, вероятно, первым фундаментальным антропологическим жестом, с помощью которого первый человек мог швырнуть поднятый с земли камень в сторону возможных преследователей. Как "метатель" первый человек становится охотником. Став таковым, он создает вокруг себя мир, отличный от всего живого на Земле»[228].

Следующий человеческий жест – *ударять*, в котором камень также играет решающую роль. Появление этой техники позволяет говорить о первых ремесленниках каменного века: «Каменный век является не только временем происхождения первого человека, он, человек, в каком–то смысле, происходит от камня, так как именно камень является орудием, сделавшим из него человека. […] С помощью камня можно обработать другой камень или материал, сделать отверстие в целом объекте и узнать, что находится внутри. Без этого опыта человек не смог бы выработать отношения к внешнему объекту, так как именно данная способность позволяет ему испытывать опьянение от успеха, позволяющего делать манипуляции над материей, которая может "исчезнуть"»[229].

Третьим жестом, позволившим древнему человеку получить прототехническую компетенцию, является *резать*. Изобретение ножа Слотердайк называет, вероятно, решающей технической инновацией, на чем основывается все, что касается так называемой аналитической интеллигентности: «Первоначальный анализ производится как анализ материи. Он происходит при делении более мягкого тела на точные равномерные части, которые невозможно получить при ударе плоским камнем. Благодаря этой операции возникает связь между идеей разделения и идеей порции, способствующие появлению аналитической интеллигентности. Все, что мы называем анализом, является продолжением манипуляций с ножом на символическом уровне»[230].

Именно поэтому, как считает Слотердайк, «искусство изготовления острых клинков – эта трансформирующая компетенция, было в истории человечества всегда окутано тайной и мифами, а мир кузнецов был священно–прóклятым пространством, в котором люди полагали увидеть возможным происхождение добра и зла. Не является случайным совпадением появление в древнегреческой мифологии полубога, героя культуры Прометея, принесшего людям огонь, имевшего интимное отношение к миру кузнецов с помощью технологии огня. Негативный максимум от манипуляции природой достигается древним человеком в процессе сожжения объектов, переходящих в совершенно иное качественное состояние. Они превращают объект в пепел, карбонизируют его, варят, придумывают первую алхимию, они знают, что огонь, обработка огнем является самой радикальной метаморфозой любой субстанции. Это тот негативный максимум от общения с природой, который еще более радикально вторгается в структуру данных вещей, чем ударять и резать. Позитивный максимум приспособления к природе заключается в том, что природу можно обмануть, подражая живым существам или придумывая хитроумные уловки. Не случайно, Гомер дал своему герою Одиссею прозвище *хитроумного*, напоминающего нам, что механика происходит из хитрости»[231]. В древнерусском языке также синонимами *хитрого* являются *умный*, *умелый*, *искусный*. Одиссей у Гомера называется

---

[227] Там же.

[228] Sloterdijk P. Der Mensch als homo technologicus. URL: https://www.youtube.com/watch?reload=9&v=–mVZbx0y6DA (обращение: 03.03.2019)

[229] Там же.

[230] Там же.

[231] Там же.

Polimechanos, т. е. владеющий множеством *механик* или *хитростей*. Отголоски этой традиции присутствовали в итальянском языке еще в XVIII в., когда слово *machina* обозначало то же самое, что у Гомера *mechane*, например, в опере Дж. Россини «Севильский цирюльник», т. е. *хитрости* (курсив наш. – А. К.). Все вышеназванное возникло благодаря той специализации, которая у Homo sapiens прописана соматически в теле, а именно благодаря эволюции человеческой руки: «Тот, кто не хочет говорить о руке, не может говорить о технике. Рука является высочайшим творением эволюции, вписавшей таким образом технику в человеческое тело» [232].

Слотердайк делает важный вывод, отсылающий нас к ремесленным техникам и практикам: «Тот, кто хочет понять человеческую руку, должен составить энциклопедию бросания, ударения, резания, вязания, тканья, прядения, плетения, связывания и всего того, что означает какое–либо действие рукой, так как тогда невозможно понять, что такое пальцы руки. Функция большого пальца человеческой руки отсутствует у обезьяны. Именно для того, чтобы понять, что рука есть рука, мы должны начать с предыстории о технике. Именно поэтому, человека изначально можно понять только как homo tehnologicus и только в том контексте, что человек создал себя сам в своем собственном техническом инкубаторе» или теплице, – «Только так можно понять, как человек стал человеком и почему он стал и останется навсегда техническим существом»[233].

Расширяя это понятие, можно говорить не только о техническом инкубаторе, но и социальном, создаваемом телесностью мужчин и женщин, детей и матерей. Пребывание в инкубаторе изменило физиологию человека. Это единственно возможное объяснение того, почему у нас нет шерстяного покрова, а также указание на то, что человек изначально живет в мире протезов и протетической ситуации. Они создаются с помощью материальных инструментов: оружия и орудий труда, – продолжений человеческой руки, и социальных техник. Дома и одежда, системы отопления и охлаждения являются продолжениями или расширениями человеческой кожи и относятся к климатическим манипуляциям. К расширениям ноги относятся все транспортные техники. Самые современные технологии могут быть поняты только как внешние проявления человеческого мозга: центральной вычислительной машины, которая подключает дополнительные мощности внешних электронно–вычислительных машин (ЭВМ) для решения задач повышенной сложности. Таким образом, человек получает не только усиление своих возможностей с помощью «протезов» или протетических систем, но и облегчение, с помощью которого он может позволить себе пользоваться плодами цивилизации и культуры. Это означает ничто иное, как укрепление и стабилизацию границ человеческой инкубационной системы.

Слотердайк утверждает – мы живем в своего рода тотальном протезе, что заставляет нас принять на себя «атмосферную» или глобальную ответственность за все свои действия. Но, кому же не заняться производством этого тотального протеза – защитной оболочки человечества, как не *мастеру* своего дела, творящему в парадигме эко–технологий или, выражаясь языком Слотердайка, эко–протезов. И это не столько призыв моральный, сколько осознанная или не осознанная насущная потребность каждого человека: если мы почувствуем, что нам не хватает чистого воздуха, это сигнал нарушения нашей глобальной иммунной системы[234].

Обращение к текстам Петера Слотердайка оказывается в отношении ремесла крайне продуктивным. В своей книге с характерным названием: «Ты должен изменить свою жизнь», философ тематизирует тему упражнения в образе человека–акробата, синонимом которого является понятие Homo artista. Под упражнением понимается любая операция, ведущая к

[232] Там же.

[233] Там же.

[234] Sloterdijk P. Der Mensch als homo technologicus. URL: https://www.youtube.com/watch?reload=9&v=–mVZbx0y6DA (обращение: 03.03.2019).

сохранению или повышению квалификации актора при производстве повторной операции независимо от того, заявлена последняя как упражнение или нет. Попытка замены философом понятия Homo faber понятием Homo artista в нашем случае не является принципиальной, так как качества последнего приписываются нами понятию Homo faber в его более широкой трактовке, как мастера своего дела, будь то ремесло, наука или искусство. Попытка у–становить некую универсальную глобальную систему «ко–иммунизма» может быть помыслена лишь условно, как категорический императив упражнения в положительных привычках для нашего всеобщего выживания на основах солидарности, чему учит философия антропотехники[235].

Такие термины как поликультурность, трансграничность, социокультурный подход, социальные страты, горизонтальная и вертикальная мобильность определяют вектор данного исследования. Говоря о терминологии ремесла в имперский период, нельзя не сказать о важной роли Петербурга, как о месте, где трансфер знаний и технологий происходил наиболее интенсивно. По аналогии с трилогией Фернана Броделя, посвященной Средиземному морю и средиземноморскому миру[236], уместна параллель с Балтийским морем. На протяжении многих столетий mare balticum представляло из себя *трансграничное пространство*, через которое проходило огромное количество связей между Центральной, Восточной, Северной и Западной Европой: экономических, культурных, семейных. Пограничное положение Петербурга как города–порта с его маритимной экономикой (см. International Maritime Economic History Association), в отличие от материковой экономики Москвы, являющейся средоточием центрального экономического района России, определяло в значительной степени его экономические связи и особое место как внутри Российской империи, так и за ее пределами. Петербург был не менее тесно, во всяком случае до строительства железных дорог, связан с европейскими портами, в том числе с Любеком на северном побережье Германии, чем с центральной Россией. Для примера, доставка груза морем из Любека в Петербург (ок. 1400 км) длилась примерно неделю. Столько же, сколько по Московско–Петербургскому тракту в 1746 г., протяженность которого составляла на тот момент 778 км[237]. Не забудем, что главные торговые центры Северо–Западной Руси – Новгород и Псков – на протяжении долгого времени были втянуты в сферу экономической активности одной из крупнейших торговых корпораций Средневековья и Раннего Нового времени – Ганзейского союза (нем. die Hanse, Deutsche Hanse). В него входили торговые города северной Германии, побережья Балтийского моря и прилегающих к нему территорий[238].

Трансграничная история позволяет сравнивать схожие социально–экономические феномены в различных культурах и обществах, в данном случае российской и западноевропейской. Трансграничность предполагает иной горизонт событий, помогающий видеть в культуре не герметично закрытый сосуд, а как нечто постоянно меняющееся, относительно открытое и динамичное (особенно с конца XVII в.), но имеющее в своей основе «статичную» традицию. Эта система, содержащая мобильные и статичные элементы, сочетала в себе интенсификацию соревновательного принципа, способствовала сравнению своего с чужим, что является одним из древнейших механизмов развития культур, культурной практикой, присущей в той или иной степени любой культуре. Поэтому понятие «оригинала», на который надо равняться, есть всего лишь иллюзия. На самом деле, существуют бесконечные ряды модификаций.

---

[235] См: Sloterdijk P. Du mußt Dein Leben ändern: über Anthropotechnik. Frankfurt a.M., 2009.

[236] Бродель Ф. Средиземное море и средиземноморский мир в эпоху Филиппа II : [в 3 ч.]; [пер. с фр. М. А. Юсима; послесл. А. Я. Гуревича, М. А. Юсима]. М., 2002.

[237] История железнодорожного транспорта России: [В 2 т. / Под общ. ред. Е. Я. Красковского, М. М. Уздина; Предисл. Г. М. Фадеева] Т. 1: 1836–1917 / [С. В. Амелин, Ф. К. Бернгард, Г. И. Богданов и др.]. 1994. С. 12.

[238] Симонян Р., Кочегарова Т. Новый Ганзейский союз – оптимальный формат сотрудничества России и Евросоюза // Власть. № 12. 2009. С. 22–23.

Мы не считаем целесообразным доказывать «единство основных закономерностей развития городов России и Запада» ввиду тенденциозности европоцентристской модели развития, так же, как и не станем доказывать принципиальное отличие генезиса русского и западноевропейского города[239]. А потому не будем утверждать, что в русском городе XIX в. складывается гражданское общество и, что русский город становится колыбелью капитализма. Предположим, ничего этого не было. Но остается вопрос: если ремесленники русского города не соответствовали характеристике, данной В. В. Стоклицкой–Терешкович западноевропейским ремесленникам – «творцам города», то какую роль они играли тогда в формировании российского городского пространства в XVIII – XIX веках[240]? Рындзюнский справедливо полагал, что русский дореформенный город не отвечал новым общественно–экономическим потребностям, т. е. мобилизации денежных средств и кредитованию промышленников, а также не обеспечивал «предоставление убежища и первоначального обзаведения освободившимся от деревенских связей крестьянам, переходившим на положение мелких промышленников или рабочих, а также способствование им в получении гражданских прав»[241]. И все же, как писал сам ученый, «мелкое товарное производство по количеству заведений (но не по объему производства) преобладало повсюду, даже в больших городах, что было обычным явлением в эпоху развитого капитализма во всех странах»[242].

Действительно, если измерять долю ремесленной продукции в валовом продукте, то с индустриализацией объемы ремесленного производства по отношению к продукции крупной промышленности стремительно сокращались. Тем не менее, Рындзюнский приводит в пример страны с развитой капиталистической индустрией, чтобы показать схожую типологию развития капитализма, а значит и ремесленного производства, в Западной Европе и в России. На самом деле, применяя более дифференцированный и тонкий социальный анализ, можно прийти к выводу о возможности сосуществования, а не замене одного способа производства другим, так как они выполняют разные функции. Преодоление историографической традиции и изменение фокусировки на природу ремесла, помогает преодолеть эффект «растворения» и «растаскивания» ремесленников по классам и сословиям, в результате чего ремесло как *объект* исследования не исчезает, а сохраняется. Фокусируя внимание на цеховом ремесле как профессиональном ядре ремесленничества и важном институте городского ремесла, с одной стороны, не теряются из виду и «периферийные» области ремесла в городе и на селе, с другой.

Исходя из этого, сложность объекта заключается не в наличии причинно–следственных связей, а в темпоральности системы, распределенной во времени. В данном контексте цехи фигурируют не как «средневековый институт», а как российская нововременная новация, заключавшая в себе возможность и потенцию для институционального развития ремесла как профессии. Авторы статьи о механизмах адаптации западных нововведений в России имперского периода Е. В. Алексеева, Д. А. Редин и М.–П. Рей написали о своей солидарности «с теми исследователями, которые считают традицию неотъемлемым элементом любой социальной структуры, отмечают способность традиций и новаций к сосуществованию и находят в традиционном инновационный потенциал»[243]. Говоря о предпосылках адаптации западный нововведений, авторы справедливо полагают, что «к началу XVIII в. объективные (Северная война) и субъективные (пристрастия монарха и наличие вестернизированного элемента в рядах высшей интеллектуальной и политической элиты, появившегося в предыдущий период) обстоятельства интенсифицировали, радикализировали и сделали целенаправленной потребность в

---

[239] См.: Рындзюнский П. Г. Городское гражданство дореформенной России. М., 1958. С. 12.

[240] Стоклицкая–Терешкович В. В. Немецкий подмастерье XIV–XV веков. М., 1933; Она же. Основные проблемы истории средневекового города X–XV веков. М., 1960.

[241] Рындзюнский П. Г. Городское гражданство… С. 458.

[242] Рындзюнский П. Г. Утверждение капитализма в России, 1850–1880 гг. М., 1978. С. 46.

[243] Алексеева Е. В., Редин Д. А., Рей М.–П. «Европеизация», «вестернизация»… С. 14.

широком спектре западных инноваций. Постепенно стал проявлять себя процесс восприятия политических, управленческих, экономических, культурных и бытовых инноваций. Именно инноваций, хотя некоторые новшества […] обладали отложенным эффектом и не приводили, на первых порах, к качественному изменению жизни даже на узких направлениях»[244].

Цехи как инновационный институт являлись составной частью «модернизационн[ого] процесс[а] в его конкретно–историческом проявлении» как «процесс[а] исторического перехода (транзита), общую динамику которого задает сложная система взаимоотношений между традициями и инновациями, реализуемая через механизмы социокультурной диффузии» [245]. Цеховые мастера являлись представителями «элиты низших порядков», служащими «медиаторами, проводниками, инструментами адаптации новшеств в неэлитных слоях общества. […] Постепенно, в течение XVIII столетия, вестернизация охватывала все более широкие круги элит разного иерархического статуса»[246].

Появившись в своей упрощенной форме, цеховая система со временем усложняется, как любая жизненная система или институт, развивающийся по траектории усложнения. Введение цехов как значимое событие фиксирует момент осознания дефицита определенных профессиональных техник и понимания того, что необходимо сделать для преодоления этого дефицита. Акту у–становления следуют десятилетия становления, т. е. вырабатывания соответствующих жизненных, социальных и производственных практик. Причем, заложенная в институте цехов некая сложность, может проявиться только в темпоральной последовательности, т. е. распределённой во времени сложности. В данном случае темпоральная сложность реализовалась в пространственную. Первоначальная темпоральная сложность цехов не могла быть реализована сразу, но с течением времени появляется новый институт. Формально, моментом трансформации цехов в институт, можно назвать 1785 г., ставший катализатором произошедшего качественного изменения в сознании цеховых мастеров. В этом году, вместе с реформой цехов, происходит исключение временноцеховых мастеров из цехов, что позволяет интерпретировать положение вечноцеховых мастеров как осознавших себя одним корпорацией–сословием.

Согласно выводу, сделанному уральским философом С. А. Азаренко, «в современной философии наблюдается сдвиг в области социальной онтологии», когда «человек стал представляться в качестве телесного, социального и коммуникативного агента социального действия, порождающего пространство и время своего бытия»[247]. Такие понятия в рамках социальной феноменологии и фундаментальной онтологии как «телесность», «местность» и «совместность» определяют сегодня топологическую направленность в гуманитарных науках о человеке и обществе. Соответственно, задача историка может заключаться в выработке процессуального понимания исторической личности в социально–онтологическом контексте как «социально–телесного существа, которое имеет место в производимом им пространстве–времени»[248].

Теоретическая модель топологической антропологии С. А. Азаренко представляется нам подходящей по интенции для разработки истории ремесла, обозначающей модус существования человека в некоей *топологеме*, являющейся теоретическим расширением понятия темпоральности. Основополагающими понятиями топологической антропологии являются понятия множественных телесностей, практик и коммуникаций. Телесности разворачиваются в местности и сов–местности, практики реализуются на производстве, в семье и в политике, коммуникации – в со–общении и при–общении: «Понимая "сущее" в качестве осмысленного мира, мы

[244] Там же, с. 13.

[245] Алексеева Е. В., Редин Д. А., Рей М.–П. «Европеизация», «вестернизация»… С. 13–14.

[246] Там же, с. 15.

[247] Азаренко С. А. Топологии сообщества… С. 99.

[248] Там же.

способны открыть его действительное пространство–время как процесс совмещения и размещения, складывания и раскладывания различных элементов социальности, где окажется важным вклад каждого человека в отдельности. Заключая, мы хотели бы заметить, что результаты хода истории свидетельствуют о том, что история имеет место и что это место заключено в поле антропологического измерения, в точке нахождения самого человека»[249].

Названный подход выходит за рамки объективистского и натуралистического толкования социально–экономических процессов. «Пространственно шевелящееся бытие» организует все не только вокруг нас, но и вокруг исторических персонажей: «Вещи, которые окружают нас, это не просто объекты с какими–то свойствами, а подручные средства. Под–ручность предполагает то, что находится под рукой нашего тела, то, что мы можем проективно использовать. Это значит распоряжаться будущими состояниями вещи. Быть для человека – это значит временить. Человек, по М. Хайдеггеру, "сам простирает и длит время, сам себя временит". Происходит этот процесс посредством события (Ereignis) и совместности (Mitsein). Со–бытие необходимо понимать как непременное стремление человека к с–бытию, с–быванию, о–существлению во времени»[250].

В таком случае, время становится открытым и вариабельным, а поле социальности означает процесс опространствливания и овременения. Аналогично М. Фуко, Азаренко трактует «тело» человека как перманентно находящееся «на переходе от одного "места" социальности к другому. […] Различие мест осуществляется через сов–мещение и раз–мещение тел благодаря социальным практикам и техникам, являя собой процесс становления времени пространством. Последний зависит от социально–исторических условий бытия совместности, где время может принимать то циклический, то направленный линейный или нелинейный характер. Таким образом, говоря о социально–исторической действительности, необходимо видеть в ней пространство и время совмещения и размещения определенных тел и производство определенных мест при этом. Именно набор социальных практик и техник опосредует порождение социального пространства и времени и предопределяет поведение и рефлексию агентов социальности»[251]. Согласно данному подходу, история понимается как открытый событийный поток, а смысл истории постоянно воспроизводится во взаимодействии людей: «Люди определяемы смыслом совместных действий, не сводимых к следованию правилам. Взаимодействие понимается не по конечным состояниям, а из него самого, то есть из того "между", которое воплощено в телесностях. Это "между" и конституирует со–смысл, порождая область досознательного. Люди действуют в предзаданном осмысленном поле социальности. Общество, говоря языком Хайдеггера, действительно об–речено на смысл, оно всегда уже оказывается охваченным "речью" своей культурной традиции, или, другими словами, совокупностью социальных практик и техник, которые определяют поведение людей»[252].

Компаративный подход является в данном исследовании важным методом для лучшего понимания механизмов взаимодействия ремесленной управы и цехов с цеховыми ремесленниками, с одной стороны, и с правительственными органами и городскими властями, с другой, в более широком контексте – позиционирование цехового ремесла Петербурга в европейском и мировом контексте[253]. Имеющийся опыт в европейской историографии может помочь в этом.

---

[249] Азаренко С. А. Топологии сообщества… С. 71, 109.

[250] Там же, с. 101.

[251] Азаренко С. А. Топологии сообщества… С. 103.

[252] Там же, с. 108.

[253] См., напр.: Prak M., Lis C., Lucassen J., Soly H. (ed.). Craft guilds in the early modern Low Countries…; Немецкий историк ремесла Гейнц–Герхард Гаупт пишет про цеховое ремесло в различных регионах Европы: «Конец "старого режима" в городе совпадает с концом цехового порядка. Монополия производства и сбыта товаров была заменена на промышленную свободу, привилегированное положение городских мастеров – на права для всех его жителей, а регулируемые цеховым правом отношения мастера с подмастерьями – на право заключения свободного договора. Эти изменения в европейских обществах произошли в разные моменты XVIII – XIX вв. На пути к гражданскому обществу цехи воспринимались как препятствия для

Сегодня установлены не только разделяющие, но и общие признаки цехового ремесла в Европе, включая Россию, вплоть до Османской империи, в которой цехи существовали с XIV по XVIII в. после проникновения Порты на Балканы[254]. Причем, для петербургского ремесла общими с ремеслом в Германии являются некоторые черты развития во время индустриализации. В. Фишер отметил, что рост ремесла первоначально обеспечивают такие массовые ремесла, не имеющие узкой специализации, как ткачи, обувщики, портные, булочники, мясники и каменщики, в то время как с развитием индустриализации наряду с последними рост обеспечивают и специализированные ремесла[255].

Продуктивным является также сравнение динамики числа ремесленников, и цеховых, в отдельности, в Петербурге с динамикой промышленной революции не только в России, но и в Германии 1840–х гг. Если посмотреть число занятых среди ремесленников Петербурга, то заметим, что их кривая роста примерно совпадает с началом промышленной революции в Германии[256]. Анализируя частотность употребления слова мастерская, мануфактура и фабрика в немецком языке, можно увидеть корреляцию развития ремесла и крупной промышленности в Германии. Если на эти данные наложить рост численности ремесленников Санкт–Петербурга на протяжении двух веков, получим примерное совпадение кривых роста, что говорит о глубокой интегрированности российской столицы в общеевропейский рынок и чутком реагировании ремесленной промышленности на взлеты и падения его экономической конъюнктуры (см. диагр. 1). Если сравнить диаграммы 1, 2 и 3, отображающие рост численности цеховых ремесленников Петербурга и среднестатистическую частотность употребления слов «ремесленная мастерская» и «ремесло» в немецком языке, то прослеживается схожая кривая, что позволяет позиционировать язык в качестве маркера или, выражаясь более образно, камертона бытия, помогающего преодолевать культурные и государственные границы, языковые барьеры для обозначения тенденций развития ремесла в Западной Европе и Петербурге.

капиталистического развития, как неподвижная, закрытая система. […] Если посмотреть с иной точки зрения, то придется признать факт продолжающегося в XIX в. влияния идеи цехов и цеховых институтов. Все это принуждает нас видеть в цехах институт со многими модификациями, отличительной особенностью которого является статика, а не динамика, институт, который способен приспосабливаться к изменяющимся условиям, а не застывшее реликтовое образование прошлого. […] Сегодня внимание акцентируется прежде всего на значении цехов для тех или иных возникающих или изменяющихся профессиональных групп. Исходной точкой для исследований является не институт и его место среди других [государственных. – *А. К.*] институтов, но отдельные мастера и их интересы, для которых цех являлся инструментом в рамках определенной стратегии. Ревизионизм Стива Каплана, Симоны Черутти, Йозефа Эмера и Филилппа Минара заключается именно в том, что они предложили рассматривать цехи, исходя из стратегий их членов, с помощью которых они достигают свои экономические и политические цели. Но гораздо больше методический вызов заключается для новых исследований цехов в том, чтобы найти доказательства того, как и почему при меняющихся правовых, экономических и политических аспектах отдельные мастера, подмастерья или купцы продолжали держаться за цеховую организацию, как выглядела внутренняя жизнь цехов и как они представляли интересы мастеров (Haupt H.–G. Neue Wege zur Geschichte der Zünfte in Europa… S. 9–13).

[254] Рыбаков Б. А. Ремесло древней Руси… С. 740–741; Kluge A. Die Zünfte… S. 460–464; См. также: Lucassen J., Moor T. d., and Zanden J. L. v. The Return of the Guilds… 2008; Faroqhi S. Migrationen in staatlicher Regie: Osmanische Handwerker des 16. und 17. Jahrhunderts beim Ortswechsel nach Istanbul // Handwerk in Europa. Vom Spätmittelalter bis zur Frühen Neuzeit… C. 277–296.

[255] Fischer W. Wirtschaft und Gesellschaft im Zeitalter der Industrialisierung. Aufsätze – Studien – Vorträge. Göttingen, 1972. S. 334.

[256] Hahn H.–W. Die Industrielle Revolution in Deutschland. München, 2005; Он же. Zwischen Fortschritt und Krisen: die vierziger Jahre des 19. Jahrhunderts als Durchbruchsphase der deutschen Industrialisierung. München, 1995. C. 28–30; Pierenkemper T. Gewerbe und Industrie… S. 60, 64–66.

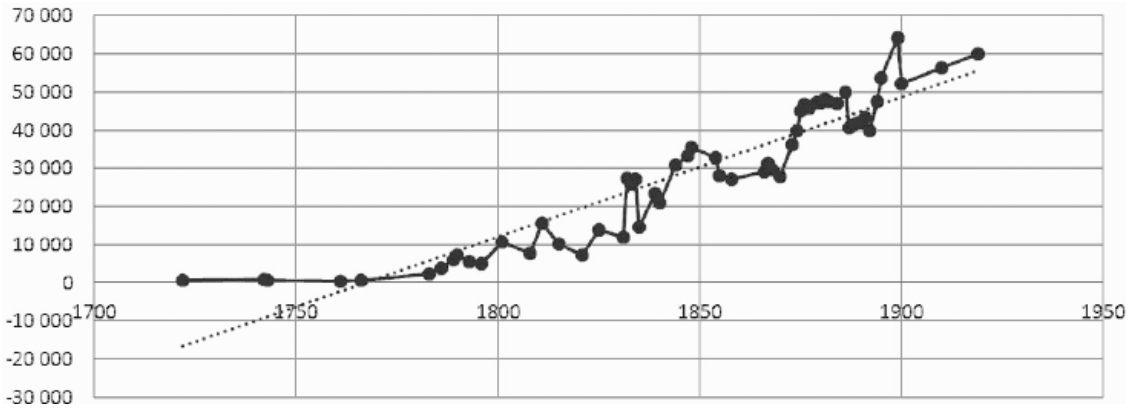

Диаграмма 1: Рост российских цехов Петербурга, 1722–1919 гг.[257]

Линии роста числа ремесленников в российских цехах с 1722 по 1919 гг. и среднестатистической частотности употребления словосочетания «ремесленная мастерская» в немецком языке на 1 млн. токенов за указанный период времени совпадают в основной своей тенденции динамики и роста.

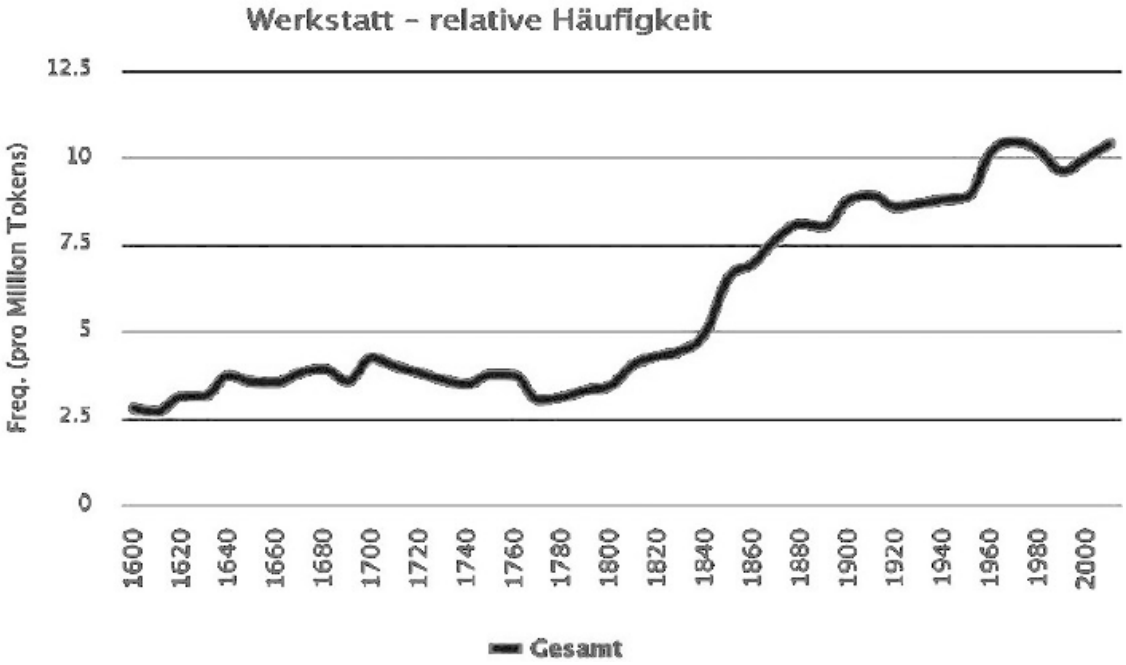

Диаграмма 2: Среднестатистическая частотность употребления слова «Werkstatt» (ремесленная мастерская) в немецком языке на 1 млн. токенов, 1600–2000 гг.[258]

Если «Капитал» К. Маркса, а вслед за ним и работа В. И. Ленина «О развитии капитализма в России» (1899) закрыли тему ремесла для истории развития промышленности[259], то

[257] Keller A. Die Handwerker in St. Petersburg… S. 479–480, 482–484. Werkstatt. URL: https://www.dwds.de/r/plot?q=Werkstatt (дата обращения: 10.02.2017)).

[258] *Die Werkstatt – das Werk продукт, завод; die Statt (die Stätte) – место (работы) (*DWDS.

[259] См. критику позиции К. Маркса Луи Альтюссером: Althusser L., Balibar E. Das Kapital lesen. Bd. 1. Reinbek, 1972. S. 31–32 (Berger M. Arbeit, Selbstbewusstsein und Selbstbestimmung bei Hegel. Zum Wechselverhältnis von Theorie und Praxis. Sonderband. Berlin, 2012. S. 31–32); Альтюссер меняет перспективу и говорит не об экономических категориях в Капитале, а рассматривает его с точки зрения методики и способа презентации проблем. Маркс сосредотачивает основное свое внимание на средствах производства, капитале и логике исторического процесса, выключая человека как действующего и рефлексирующего субъекта из него. Следовательно, намерения, взгляды и поступки субъекта, которые последний полагает вырабатывать

статья Г. А. Белковского о ремесле 1899 года дает новое понимание места ремесла в экономике страны, иной горизонт событий, а значит, и новые перспективы его развития и изучения[260].

Согласно Белковскому, «ремеслом называется такая система производства в области обрабатывающей промышленности, когда производитель создает меновые ценности обыкновенно по заказу и на ограниченный местный рынок, при участии лиц, принадлежащих к одинаковому с ним общественному классу»[261]. Автор различает в ремесле две «системы производства»: «домашнюю или кустарную» и «фабричную», и признает, что «в действительной жизни» существует «ряд промежуточных систем производства, не укладывающихся в определенную схему. Производство может сохранять свой ремесленный характер при работе на чужой стороне или на дому не по заказу, а на запас, с применением машин (моторов разного рода)». И далее автор приходит к выводу, что невозможно «точно разграничить существующие системы производства» из–за чисто механического приема определения «в зависимости от числа занимаемых ими рабочих»[262].

Согласно экономическим представлениям XIX – XX вв., ремесло должно было остаться, выражаясь фигурально, «на обочине научно–технического прогресса» и уйти в прошлое. Ремесленнику, ассоциировавшемуся с примитивными орудиями труда, малой производительностью и ориентацией на традицию, не было места в промышленной революции, а значит, и в будущем. Но это была лишь проекция европейских правительств, руководствовавшихся идеей «промышленной свободы» и отменивших цехи посредством декрета[263]. В опровержение такого негативного отношения к ремеслу приведем цитату известного немецкого историка античности Германа Дильса: «Кто знаком с историей техники, знает, что без предыдущей фантастической умственной работы и интуитивных опытов древних художников и ремесленников мы не достигли бы тех высот в индустриальной и технической культуре, которыми так гордится современный мир»[264]. Эту же мысль повторила М. Э. Гизе: «Становление такой могущественной отрасли человеческого творчества, как техника, многим обязано не только науке, но и развитию непосредственно самих ремесленных инструментов […] и навыков работы с ними»[265].

На самом деле: цеховое ремесло, как и ремесленная промышленность в целом, не проигрывало во всех отраслях производства крупной промышленности, но где–то даже успешно выдерживало конкуренцию[266]. Более того, именно ввиду понимания важности профессиональ-

---

и производить самостоятельно, на самом деле не играют роли, но являются результатом, продиктованным механизмами процесса. Человек становится заложником предполагаемых исторического процесса и закономерностей в концепции Маркса. Тот же методологический ход в своей критике народников–экономистов совершает и В. И. Ленин. В. П. Воронцов и Н. Ф. Даниельсон были противниками такого концептуального подхода, стараясь вернуть человека в экономику как главного экономического субъекта, гуманизировать экономическую теорию Маркса. В том числе и методом масштабирования, аргументируя в «человеческих» масштабах. В этом смысле Г.–Г. Гаупт говорит о гармонизации отношений между личностью и институтами (Haupt H.–G. Neue Wege zur Geschichte der Zünfte in Europa…; Воронцов В. П. Очерки кустарной промышленности в России…; Он же. Судьбы капитализма в России…; Он же. Судьба капиталистической России…; Даниельсон Н. Ф. (Николай–он). Апология власти денег как признак времени…; Он же. Очерки нашего пореформенного общественного хозяйства…).

[260] См., напр.: Водянова И. Н. Новая ремесленная экономика / New Artisan Economy // Общество и экономика. 2009 (11–12). С. 210–217; Она же. Новая ремесленная экономика как вид малого предпринимательства // Проблемы современной экономики. 2010. № 2. С. 206–209.

[261] Белковский Г. А. Ремесло // Энциклопедический словарь. 1899 Т. 26А. Изд. Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. СПб., 1899. С. 557–558.

[262] Там же; В России эта граница определялась 16 рабочими, что было взято за стандарт и в советской историографической традиции. Данная техничность определения ремесленной мастерской и крупного промышленного предприятия таит в себе опасность телеологичности, т. е. желания показать неизбежность укрупнения и вытеснения ремесленных мастерских. На самом деле здесь нет никакой закономерности, оформляющейся в сценарии грядущего будущего.

[263] Epstein S. R. Craft Guilds, Apprenticeship, and Technological Change…

[264] Diels H. Antike Technik. 2. Aufl. Leipzig, 1920. S. VI; Zit.: Schneider H. Von Hugo Blümner bis Franz Maria Feldhaus: Die Forschung der antiken Technik zwischen 1874 und 1938 // König W. Schneider H. (Hrsg.). Die technikhistorische Forschung in Deutschland… S. 89–90.

[265] Гизе М. Э. Очерки истории художественного конструирования… С. 45.

[266] Вольфрам Фишер привел в 1972 г. убедительный факт, свидетельствующий о витальности ремесла в Германии. Все

ного образования в ремесленной мастерской, а не только фундаментальной консервативности русского правительства, цехи как сословно–профессиональная организация просуществовали до 1917 года, а в Петрограде неформально уже как профессиональная организация до 1919 года[267].

Развитие ремесла не прекращалось с промышленной революцией, но претерпевало значительную модернизацию, с сохранением базисных основ ремесленного производства: мастер как производитель, руководитель и владелец в одном лице, малые формы производства с уникальной штучной продукцией и небольшими сериями, высокая специализация[268]. Переосмысливая традицию ремесленного труда в прошлом и настоящем, ученые всего мира подчеркивают его важность особенно сегодня. Монотонной работе в рабочем цеху на заводе противопоставляется творческий ремесленный труд, предлагающий оптимальную трудовую социализацию подрастающего поколения. Еще Г. В. Ф. Гегель писал о сущности такой работы как инструментальной обработке материала, дающей ей характер основательного, осмысленного и целеполагаемого труда. В данном смысле это может соответствовать ремесленному идеалу и полному удовлетворению сделанным, способном предотвратить опасность отчуждения человека[269].

Ремесло и модернизация – не взаимоисключающие понятия, но суть стороны одного процесса бесконечных изменений и попыток их гармонизации. На помощь идее о необходимости развития ремесла приходит концепция побочных последствий, существующая внутри теории модернизации. Загрязнение окружающей среды, границы роста, конечность ресурсов, общество потребления, рассматриваемые ранее как побочные последствия модернизации и индустриализации, выходят на первый план и становятся центральными, от разрешения которых во многом зависит успех будущего развития[270].

Таким образом, во второй модернизации происходит актуализация исторического опыта городского ремесла. Наряду с ремесленным мастером и ремесленной мастерской, появились малые и средние предприятия и новые профессии, имеющие генетическую связь с ремесленным мастером. Они являются, как правило, более ресурсосберегающими, экологичными и социально нейтральными, т. е. наиболее близкими к масштабам и принципам модернизированной ремесленной мастерской, еще недавно сданной в утиль истории как переживший себя архаизм. Рассматривая историю городского ремесла в данной перспективе, получаем принципиально новое видение и понимание того, что у ремесла есть не только история, нуждающаяся в новом прочтении, но и большое будущее, в контексте парадигмы устойчивого развития и «зеленой экономики»[271].

основные ремесла не только сохранились, но в большинстве своем в абсолютных и относительных числах выросли (по отношению к населению, а иногда даже и к крупной промышленности). К примеру, плотность ремесленников по отношению к населению с начала XIX в. до начала 1970–х гг. удвоилась. В то время как в 1800 г. четыре ремесленника приходятся на 100 человек, в 1972 г. их уже восемь (Fischer W. Wirtschaft und Gesellschaft… S. 396).

[267] Пажитнов К. А. Проблема ремесленных цехов… С. 173.

[268] Краткий пример того, к каким последствиям вело улучшение орудий труда среди обувщиков Каталании в XV в.: «If a shoemaker comes along with new tools and makes 70 shoes in a day where others make 20 . . . that would be the ruin of 100 or 200 shoemakers» (Cochrane J. H. Guilds // The Grumpy Economist. John Cochrane's blog. 17.11.2014. URL: http://johnhcochrane.blogspot.ru/2014/11/guilds.html? m=1 (дата обращения: 25.05.2017)).

[269] Krempl S.–T. Paradoxien der Arbeit oder: Sinn und Zweck des Subjekts im Kapitalismus. Bielefeld, 2011. 339 S. S. 88; See: Berger M. Arbeit, Selbstbewusstsein… S. 15, 31.

[270] Об опасностях для общества, которое живет в режиме непрекращающейся интенсивной модернизации, напоминает Э. Шумахер в главе «Техника с человеческим лицом»: «Как ни странно, техника, хотя и является произведением человека, развивается, как правило, согласно своим собственным законам и принципам, которые очень сильно отличаются от законов и принципов человеческой природы или живой природы в целом. Природа, скажем так, всегда знает, где и когда остановиться. […] Техника не знает самоограничивающего принципа, например, когда дело касается размера, скорости или насилия» (Шумахер Э. Малое прекрасно. Экономика, в которой люди имеют значение. Перевод с англ. Даниила Аронсона. М., 2012. С. 183–184).

[271] См.: Ostrom E. A general framework for analyzing sustainability of social–ecological systems // Science 325 (5939), pp. 419–422.

Если история мыслится как процесс, который имеет логическое начало и конец, то в этом случае она не является одним и тем же навсегда заданным и предопределенным процессом. Это путь или тропинка со множеством развилок, свернуть на которые зависит от выбора агентов социальности или их сообществ, а также от многих «внешних» причин. Цеховое ремесло и кустарно–промышленные кластеры в России имели по своей форме и содержанию отличия от западноевропейских и носили в этом смысле гибридный характер, шли гибридными путями развития[272]. Именно российские ремесленники нуждались в институте цехов, крайне актуальном для российских условий, дающем ремесленно–промышленному производству четкую организацию и стандарты качества. Цеховое ремесло как исторический феномен предлагает возможность концептуального поворота от негативного модернизационного дискурса к позитивному прагматичному.

Необходимо сказать, что в данной работе речь идет не только о городском ремесле как таковом в его классическом понимании со строгим отделением от «сельского» или «кустарного». Поэтому экскурсы в иные области ремесленной деятельности как в географическом, так и в социальном ракурсах считаем допустимыми. Множество разновидностей ремесленников мы классифицируем, прежде всего, с точки зрения уровня ремесленного труда в зависимости от их квалификации, места, времени и социального положения, которые могли быть очень разными как на селе, так и в городе. В связи с этим, классификация И. М. Кулишера, разделявшего ремесленников на две категории: городских ремесленников и крестьянских кустарей[273], видится нам излишне схематичной. Часто области их хозяйственной деятельности пересекались и дополняли друг друга[274]. Кустари могли уходить на заработки в город, цеховые мастера могли нанимать их на работу в зависимости от получения крупного подряда и сезона, бывшие кустари могли становиться городскими мастерами.

Еще один вопрос касается не только различий городского и сельского или кустарного ремесла, но и того, какие предприятия относятся к ремесленным мастерским, а какие к заводам и фабрикам. В XIX в. за основу была принята формальная граница с числом в 16 занятых рабочих, включая мастера, подмастерьев и учеников. Это не мешало существованию заводов и фабрик с еще меньшим числом занятых, как и ремесленных мастерских с несколькими десятками сотрудников, что затрудняет определение количественной границы, отличающей ремесленную мастерскую от крупного предприятия. Поэтому в каждом отдельном случае необходимо рассматривать конкретное предприятие по нескольким параметрам социальной и профессиональной принадлежности владельца ремесленной мастерской, объему ремесленных практик, занимался ли мастер сам ремеслом или его функции переместились в область управления и менеджмента. К последним могли относиться купцы, также открывавшие ремесленные мастерские, нанимая при этом ремесленных мастеров для организации на них ремесленного производства. В таком случае, купец не играл и не мог играть роль ремесленного мастера, а само предприятие не числилось среди ремесленных, так как подчинялось не ремесленной управе, а Департаменту мануфактур и внутренней торговли, позже переименованному в Департамент торговли и мануфактур министерства финансов.

Объединяющим принципом для всех этих мастерских: в городе или на селе, были ремесленные практики, т. е. ручной труд, как основополагающий принцип, с применением инстру-

---

[272] См. о «гибридности» путей развития России и Китая в контексте теории модернизации: Терборн Й. Мир: Руководство для начинающих / пер. с англ. Е. М. Горбуновой, Л. Г. Титаренко; под науч. Ред. С. М. Гавриленко; Нац. исслед. Ун–т «Высшая школа экономики». М., 2015. С. 98–105.

[273] За образец можно взять понятие «кустарных крестьянских неземледельческих промыслов», являющихся отдельным предметом исследования у Е. М. Дориной (Дорина Е. М. Трансформация хозяйственного строя кустарей Московской губернии в контексте модернизации экономики России второй половины XIX – начала XX столетий // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. Выпуск 2 (82). 2010. С. 224–229).

[274] Кулишер И. М. Очерк истории… С. 135, 141, 156.

ментов, незначительной механизации, а позднее и небольших двигателей. Поэтому понятия «ремесла» и «кустарной промышленности» можно включить в общее понятие «мелкой промышленности». В более широком значении, понятие ремесла включает в себя ремесленников, технологии и институты, причем, граница между ремесленным продуктом и высокохудожественным произведением: художественное литье, ковка, изделия из дерева, ткани, кожи, и т. д., зачастую трудно различима. Кроме того, ремесла могли сильно отличаться по части необходимой технической подготовки ремесленника. Изготовление сложных механических и научных инструментов, часов или машин требовало гораздо больше вложений средств, времени и сил в образование специалистов, нежели, к примеру, в ложечном ремесле или при плетении корзин.

Ввиду своей высокой социальной гетерогенности, слой городских ремесленников объединял в себе самых разных представителей городского ремесла. С одной стороны, это состояние вечно–и временноцеховых мастеров, являвшееся после 1785 года частью сословия мещан, позже – сословие цеховых ремесленников. С другой, множество промежуточных состояний ремесленников из иностранцев, мещан, солдат, дворовых, помещичьих, государственных и монастырских крестьян, не состоявших в цехах. Было тому причиной российское ремесленное законодательство, чрезвычайно гетерогенное по своей топологии, или сам российский социум, но существовала на взгляд рационально мыслящего человека парадоксальная ситуация, когда наряду с видимой размытостью социальных границ возникала устойчивая идентификация себя как социального актора именно *цехового сословия*. Будучи формально мещанами, крестьянами, купцами, почетными гражданами, поселянами – все эти социальные группы не только смогли объединиться, но и недвусмысленно прописали в уставе клуба Одесских Цеховых ремесленников, что фактически «клуб состоит из членов: почетных, действительных и учредителей, принадлежащих по своей специальности к цеховым ремесленникам», хотя формально все они являлись представителями других социальных групп. Социальная принадлежность членов клуба, среди которых имелось 16 мещан, 5 крестьян, 3 купца, 1 почетный гражданин и 1 поселянин, накладывалась на профессию, которая идентифицировалась со «специальностью цехового ремесленника»[275]. Аналогичная ситуация сложилась и в Петербурге, и в других городах Российской империи.

На этом примере хорошо видно, что *ремесленный труд* и *ремесленные практики* (система обучения, профессиональные иерархия, навыки, технологии), имея универсальный антропологический характер и высокий интегративный потенциал, могли переноситься и применяться не только в ремесленной мастерской или кустарной избе, но и на предприятиях мануфактурного типа, а также на заводах и фабриках в виде «микровкраплений» отдельных ремесленных практик в заводских цехах или мастерских. В связи с этим, ремесло Петербурга мыслится как трансграничный феномен, открытая система взаимодействия различных форм не только ремесленного труда, но и труда вообще, как креативного вида деятельности. Поэтому, большое значение в исследовании уделяется связям петербургского ремесла с регионами кустарной промышленности, «городского» и «сельского», цехового, нецехового и кустарного ремесла, что обусловливало его чрезвычайную гибкость в реагировании на кризисные ситуации.

Надо отметить, что в большинстве работ советских авторов рассматривалось в основном средневековое ремесло, так как для более позднего времени его исследование считалось не столь «актуальным», что было связано с господствующей моделью стадиального развития общества[276]. Согласно ей, ремесленники как социально–экономический феномен относились

---

[275] Устав клуба Одесских Цеховых ремесленников. Одесса, [1910]. С. 5, 19; В Одессе, как и в Киеве, имелось особое ремесленное управление. Одесская ремесленная управа была учреждена 6 июля 1797 г. (Орлов А. Исторический очерк Одессы с 1794 по 1803 год. Одесса, 1885. С. 68–69).

[276] Арциховский А. В. Новгородские ремесла в XVI веке // Новгородский исторический сборник. 1939. № 6. С. 3–15; Бахрушин С. В. Москва как ремесленный и торговый центр в XVI веке // Очерки по истории ремесла, торговли и городов русского централизованного государства XVI – начала XVII веков, научные труды, т. 1. М., 1952. С. 107–142; Бахрушин С. В.

к феодальной стадии развития. Со всё большим вступлением в права капитализма, ремесло, согласно приведенной выше схеме, теряло свое значение и позиционировалось как исключительно архаичная переходная форма, обреченная на вытеснение[277].

Соответственно, в рамках проблемы индустриализации России XIX – XX вв., занимавшей внимание многих историков, ремесло имело маргинальный характер. Авторы пытались выяснить, с какого времени можно говорить об индустриализации в России и какие особенности она имела. Можно полностью согласиться с выводами, сделанными в этих исследованиях, опуская при этом их классовый подход и фокусирование на проблемах генезиса капитализма, для которого ремесло, согласно теоретико–идеологическим установкам, не имело большого значения.

Прежде всего, указывалось на тот факт, что подавляющее большинство рабочих на крупных предприятиях рекрутировалось из среды крепостных крестьян. Отмечалось, что во второй половине XIX в. российская экономика в большой степени зависела от политики государства, получая от последнего как заказы, так и значительные субсидии для их выполнения. Многообразные ограничения российским правительством частного предпринимательства и высокое налогообложение оказывали сдерживающее влияние на рост частной инициативы в экономике и промышленности. Это проявлялось в постоянной нехватке капитала, вследствие чего было тяжело конкурировать с промышленно развитыми странами Западной Европы.

Ввиду такой исследовательской перспективы на развитие (крупной) промышленности, высокоразвитое и узкоспециализированное цеховое ремесло Петербурга в эпоху индустриализации имело мало шансов привлечь к себе внимание специалистов. О каком ремесле могла идти речь, если даже крупные российские предприятия с трудом выдерживали конкуренцию их западных коллег, поставлявших более дешевую и более качественную продукцию? На самом деле, ремесленники Петербурга оказались, с началом индустриализации во второй половине XIX в., в схожем с европейскими ремесленниками положении. Крупные предприятия в некоторых отраслях промышленности полностью вытеснили ремесленников и ремесленные мастерские из их традиционных ниш производства. Благодаря этому, создавалось впечатление, что у ремесла нет развития, а значит, и будущего, отсутствует инновационный потенциал. Со временем стало ясно, что это далеко не так, и что ремесленники, в отдельных отраслях, не только смогли устоять в конкуренции с крупной промышленностью, но и освоить новые области производства.

Очерки по истории ремесла, торговли и городов русского централизованного государства XVI – начала XVII веков. Т. 2. М., 1954; Данилова Л. В. Мелкая промышленность…; Орехов А. М. Товарное производство и наемный труд в промышленности по переработке животного сырья в Нижнем Новгороде XVII в. // Русское государство в XVII в. М.: 1961. С. 75–109; Пронштейн А. П. Великий Новгород в XVI веке. Харьков, 1957; Сербина К. Н. Очерки из социально–экономической истории русского города. Тихвинский посад в XVI – XVIII веках. М.–Л., 1951; Сербина К. Н. Ремесло и мануфактура в России в XVI–XVII веках… С. 20–31; Шунков В. И. Ремесло в Пскове и Новгороде… С. 102–117; Устюгов Н. В. Ремесло и мелкое товарное производство…

[277] Их описание даже в научной литературе нередко уподобляется описанию купечества в пьесах А. Н. Островского. Альфред Рибер отметил в 1982 г., что в то время во многих исторических исследованиях московские купцы в основном представлены бесчестными и отсталыми деспотами, какими изображал их в своих пьесах писатель. См.: Rieber A. Merchants and Entrepreneurs in Imperial Russia. Chapel Hill (N. C.), 1982. P. 133–178; Ruckmann J. The Moscow Business Elite: A Social History of the Moscow Merchants, 1855–1905. De Kalb, 1984; Вульгаризация истории ремесла историками–марксистами не оставляет в стороне и цехи. П. И. Маслов, говоря о развитии ремесла в Западной Европе в XIV веке, производит ремесленных подмастерьев учеников в «рабочий класс»: «Из подмастерьев и учеников создается городской рабочий класс…». Здесь присутствуют такие новые обороты как «масса рабочих ремесленников», «ведется классовая борьба мастеров против подмастерьев» (Маслов П. П. История хозяйственнаго быта Западной Европы и России. 2–е изд. Омск, 1920. С. 106); То же самое можно сказать про работу И. М. Кулишера, которая так и называется «Промышленность и рабочий класс в западной Европе в XVI–XVIII столетии», а в главе второй обсуждается «Образование в средние века постоянного рабочего класса подмастерьев». Погоня за поиском все новых «доказательств» о возникновении «рабочего класса» в раннем Новом времени привела к подмене понятий, когда вместо объекта исследования остается лишь идеологическая, а потому тенденциозная, подоплека (Кулишер И. М. Промышленность и рабочий класс в западной Европе в XVI–XVIII столетии. 2–е изд., пересм. и доп. Петроград, 1922. С. 13–22).

Именно в данном контексте выводы П. Г. Рындзюнского помогают по–иному взглянуть на неоднородность и отсутствие шаблонности в экономическом развитии ремесла: «Работа промышленников по заказу купца в большинстве случаев не означала, что их заведения становились частью рассредоточенной мануфактуры. […] данная экономическая система не выходила за пределы стадии мелкого товарного производства. […] Переходные формы продолжали существовать в течение многих десятилетий и сделались как бы нормальным состоянием для большей части городской промышленности» (конца XVIII – начала XIX вв. – А. К.)[278]. Ремесленные занятия, имевшие наибольшее распространение в области удовлетворения повседневных нужд горожан и окрестного населения, «в большей части прочно сохраняли свою неизменную экономическую форму»[279]. Для большей убедительности Рындзюнский подытожил, что «достаточно убедительными данными, говорящими о такой эволюции цехового ремесла (в сторону «работы на дому в системе складывающейся мануфактуры, либо превращения ремесла в мелкотоварное производство». – А. К.), мы не располагаем ни по одному городу»[280].

Современные исследования позволяют дать более дифференцированный ответ на вопрос, как развивалось и в каких условиях существовало ремесло в период индустриализации и все более доминирующего крупного промышленного производства[281], в том числе горнозаводского хозяйства Урала. Уральские историки С. В. Голикова, Н. А. Миненко и И. В. Побережников предварили свою коллективную монографию выводом о том, «[…] что в отечественной историографии промышленность и аграрная среда рассматривались преимущественно как две обособленные друг от друга сферы», хотя, по их мнению, горнозаводская промышленность непосредственно влияла на хозяйственный уклад деревни и изменение в хозяйственной ориентации аграрного окружения[282]. Это способствовало появлению многих (художественных) промыслов, ставших неотъемлемой частью традиционной русской культуры[283]. В свете работы названных авторов задача данного исследования по рассмотрению обозначенных областей ремесленного труда – от городской мастерской цехового мастера до мастерской в избе кустаря – в их динамичной и органичной связи с другими формами промышленности значительно облегчается[284].

До сих пор довлеет еще зачастую максималистский ригоризм В. И. Ленина, видевшего лишь «романтические предрассудки» в попытках народнических теоретиков осмыслить потенциал ремесла и «народных промыслов»[285]. Данная совершенно «естественная» логика в рамках неумолимого капиталистического развития становится более уязвимой, если поставить ее в сегодняшний пост–капиталистический дискурс, когда активно обсуждается движение кооперации и новые формы организации производства, вне механизмов крупного капитала и финансовых рынков[286]. В этом свете не только желательно, но и необходимо учитывать теоретическое наследие российской экономической мысли, выработанное такими экономистами–народни-

---

[278] Рындзюнский П. Г. Городское гражданство… С. 28–29.

[279] Там же, с. 29.

[280] Там же.

[281] Егоров В. Г. Социальная структура городского ремесла второй половины XIX начала XX вв. в отечественном обществоведении // Вопросы истории и культурологии: Научные труды. М., 2008. Вып. 343. С. 3–18; Он же. Социальный состав ремесленного населения России во второй половине XIX в. // ВИ. 2011. № 1. С. 28–39.

[282] Голикова С. В., Миненко Н. А., Побережников И. В. Горнозаводские центры и аграрная среда в России. Взаимодействия и противоречия. XVIII – первая половина XIX века. М.: 2000. С. 5.

[283] См.: Павловский Б. В. Касли. Свердловск, 1957; Он же. Крепостные художники Худояровы. Свердловск, 1963; Он же. Художественный металл Урала XVIII–XIX веков. Свердловск, 1982.

[284] Голикова С. В., Миненко Н. А., Побережников И. В. Горнозаводские центры и аграрная среда… С. 84–103; См.: Гуськова Т. К. Эволюция горнозаводского хозяйства Урала во второй половине XIX – начале XX вв. // Вопросы истории капиталистической России. Проблема многоукладности. Сб. статей / Отв. ред. В. В. Адамов. Свердловск, 1972. С. 257–267.

[285] Ленин В. И. Полное собрание сочинений. Т. 3. Развитие капитализма в России… 1979. С. 26.

[286] См.: Егоров В. Г. Отечественная кооперация…

ками или близкими к ним по убеждениям общественными деятелями, как В. В. Берви–Флеровский, В. П. Воронцов, Н. Ф. Даниельсон, П. А. Кропоткин, В. С. Пругавин, а также легальный марксист М. И. Туган–Барановский, взгляды которого эволюционировали в сторону социальной экономики[287]. В такой ретроспективе можно говорить о нереализованных социально–экономических потенциалах несбывшейся России[288].

Современные историки В. Г. Егоров и О. С. Зозуля, адаптировавшие в своем научном творчестве часть данного наследия, говорят уже в совсем ином ключе о ремесленной промышленности: «Творческая составляющая содержания труда мелкого промышленного производителя докапиталистической эпохи, являющаяся его первозданным природным качеством, обусловила высокий адаптивный потенциал средневековой формы хозяйственной организации в современной реальности. Универсальные навыки рукоделия оказались востребованы в развитых экономиках. Например, труд костромского портного, работавшего непосредственно на потребителя, в 1880–х гг. приносил доход в 2,5 раза больше, чем мелкому товаропроизводителю, "работающе[му] деревянную посуду"; в 2,3 раза больше производителей валенок, работающих на рынок, в 2,5 раза больше мастеров, изготавливающих для продажи телеги, колеса, сани и т. д.»[289]. При этом, политизированную «средневековую форму», характерную для стадиальной схемы развития, можно без всякого вреда для смысла высказывания опустить.

Егоров и Зозуля отходят от традиционной историографической линии и говорят о кустарных промыслах как о перспективной отрасли народного хозяйства: «Однако в смысле социального потенциала и трансформации в рыночную организацию, ремесленное производство обладало значительно большими возможностями. Так, 61 из 88 товарных отраслей кустарной промышленности Нижегородской губернии, функционировавших в 1870–1880 – е гг., уходили корнями в традиционное ремесло»[290]. Симплификация В. И. Лениным и марксистскими историками исторической ситуации и интерпретация ее с исключительных позиций марксизма приводила к искажению специфики многоукладности российской экономики и альтернативных перспектив ее развития, упрощению более сложной и противоречивой реальности. Ведь взгляды народников по оценке Ленина всего лишь «затушёвыва[ли] полное преобладание низших и худших форм капитализма в пресловутой "кустарной промышленности"»[291].

Сошлемся еще раз на статью Егорова и Зозули, указывающих на неоднородность промышленного развития и архаичность уже не самих ремесленников, а тех теоретиков, которые

---

[287] Берви–Флеровский В. В. Избранные экономические произведения в 2–х томах. Т. 1. М., 1958; Флеровский В. (В. В. Берви–Флеровский). Положение рабочего класса…; Воронцов В. П. Артельные начинания русского общества. СПб., 1895; Он же. Артель в кустарном промысле. СПб., 1895; Он же. Очерки кустарной промышленности в России…; Он же. Судьба капиталистической России. Экономические очерки России // Экономика и капитализм. М., 2008. С. 725–916; Он же. Судьбы капитализма в России… С. 417–481; Даниельсон Н. Ф. (Николай–он). Апология власти денег как признак времени // Русское богатство. 1895. № 1. Отд. 2. С. 155–185; Он же. Очерки нашего пореформенного общественного хозяйства. [Санкт–Петербург], 1880; Кропоткин П. А. Поля, фабрики и мастерские. Промышленность, соединенная с земледелием, и умственный труд с ручным. Петербург–Москва, 1921; Он же. Взаимопомощь как фактор эволюции… 2007; Он же. Этика: Избранные труды. М., 1991; Пругавин В. С. Промыслы Владимирской губернии…; Он же. Сельская община, кустарные промыслы и земледельческое хозяйство Юрьевского уезда Владимирской губернии. М., 1884; Туган–Барановский М. И. К лучшему будущему. Сборник социально–философских произведений. М., 1996; Он же. Социальная теория распределения // Социальная теория распределения / С. И. Солнцев, М. И. Туган–Барановский, А. Д. Билимович: под ред. М. Г. Покидченко, Е. Н. Калмычковой. М., 2009. С. 297–374; Он же. Социальные основы кооперации…; См. также: Очерк деятельности министерства государственных имуществ по развитию и улучшению кустарной промышленности в 1888–1890 гг. СПб., 1890.

[288] Артель и артельный человек / Сост., введение В. В. Аверьянова… С. 9; см.: Русская артель. Сост., авт. предисловия, отв. ред. О. А. Платонов. М., 2013.

[289] Труды Комиссии по исследованию кустарной промышленности в России. Вып. XIII. СПб. 1885. С. 1–432; Вып. XIV. СПб. 1885. С. 4367–4598; Вып. XV. СПб. 1886. С. 4759–4875. Цит. по: Егоров В. Г., Зозуля О. А. Трансформация кустарных промыслов России во второй половине XIX в.// ВИ. № 6. Июнь 2015. С. 89.

[290] Труды Комиссии по исследованию кустарной промышленности в России. Вып.VL. СПб. 1880. С. 1–432; Нижегородский сборник Т.VII. Н. Новгород, 1890; То же. Т. X. Н. Новгород, 1890; Цит. по: Егоров В. Г., Зозуля О. А. Трансформация кустарных промыслов… С. 88–89.

[291] Егоров В. Г., Зозуля О. А. Трансформация кустарных промыслов… С. 90.

повторяли раз и навсегда заученную догму об отмирании ремесла: «Ремесленники, работавшие на заказ потребителя, испытывали влияние новых условий только в части необходимости адаптировать свое предприятие к влияниям "моды" и запросам сельских обывателей. При этом, докапиталистический "рудимент" традиционного хозяйства не подавал явных признаков деградации и не воспроизводил, согласно теоретической схеме Булгакова, домашнюю организацию крупной промышленности. Товарный сегмент промысла, в свою очередь, структурировался на две группы, объединявших кустарные хозяйства, отличающиеся направлением социальной перспективы»[292]. Именно движение кооперации и самоорганизация на локальном и региональном уровне давало им такую перспективу. Так, в Нижегородской губернии «в различные формы кооперации в 1870–1880–е гг. в модернизирующихся отраслях было вовлечено 90,4% кустарей»[293]. Авторы справедливо замечают, что «результаты развития кустарной промышленности к началу XX в. показали в основном правильность выбранных направлений государственной политики содействия неземледельческим занятиям крестьян», в чем неоценимую помощь оказывали «земства, хорошо ориентирующиеся в нуждах крестьянского хозяйства». Они «верно определяли свою стратегию в развитии крестьянской промышленности»[294].

Понятие *многоукладности* используется здесь как историографический термин, применявшийся в рамках теории социально–экономических формаций, разработанной К. Марксом и Ф. Энгельсом, и в связи с абсолютизацией формационного подхода при попытке объяснить сосуществование в российской экономике «феодальных» и «капиталистических» форм производства, предполагавшим, согласно российской историографической традиции, первобытнообщинную, рабовладельческую, феодальную, капиталистическую и коммунистическую формации[295]. С целью избегания нежелательных с марксистским учением коннотаций, предлагаем заменить понятие «многоукладности» нейтральным понятием *полиморфизма*[296], т. е. многообразия производственных форм. В этой связи, необходимо сказать о работах советских историков так называемого «нового направления» на рубеже 1960 ¯1970–х гг., которое не смогло лечь в основу анализа ремесла в рамках новой историографической традиции по ряду причин[297].

Поводом для «закрытия» данного исследовательского направления послужил «рецидив» народнических взглядов с новым толкованием понятия «многоукладности», от которого напрямую зависело исследование истории ремесла[298]. Ведь «примитивные формы и остатки докапиталистических укладов, […] на основе старокапиталистических и докапиталистических

---

[292] Там же, с. 91.

[293] Егоров В. Г., Зозуля О. А. Трансформация кустарных промыслов… С. 28–29.

[294] Там же, с. 96; см.: Орлов А. Содействие земства кустарной промышленности // Известия Московской губернской земской управы. Вып 1–2. М., 1912.

[295] См.: Егоров В. Г. Отечественная кооперация… С. 5.

[296] Полиморфизм – наличие в пределах одного и того же вида животных или растений сильно отличающихся друг от друга особей (биол.) (Егорова Т. В. Словарь иностранных слов… С. 519). В данном случае имеется ввиду существование множества разновидностей и форм организации ремесленного труда, позволявшего ему приспосабливаться к различным социально–экономическим условиям; см.: Побережников И. В. Проблема полиморфизма в современных теориях социального развития // Социально–экономическое и политическое развитие Урала в XIX–XX вв.: К 90–летию со дня рождения В. В. Адамова: Сб. науч. ст. Екатеринбург, 2004. (Вопр. истории Урала. Вып. 18). С. 126–136.

[297] Прежде всего потому, что при более глубоком исследовании феномена «многоукладности» неизбежен был вывод о том, что при данном экономическом развитии «социалистическая революция» не была необходимой, а значит ставились под вопрос «закономерность и неотвратимость» Октябрьской революции как таковой; см.: Поликарпов В. В. Цусима советской историографии // В. В. Поликарпов. От Цусимы к февралю… С. 19, 21, 34, 106, 110. См.: Адамов В. В. Об оригинальном строе и некоторых особенностях развития горнозаводской промышленности Урала // Вопросы истории капиталистической России: Проблема многоукладности. Свердловск, 1972. С. 225–256; Голикова С. В., Миненко Н. А., Побережников И. В. Интеграция аграрного окружения в заводское производство (Урал, Западная Сибирь XVIII – первой половины XIX в.). Екатеринбург, 1995; Голикова С. В., Миненко Н. А., Побережников И. В. Горнозаводские центры и аграрная среда в России…; Социально–экономическое и политическое развитие Урала в XIX–XX вв.: К 90–летию со дня рождения В. В. Адамова: Сб. науч. ст. Екатеринбург, 2004. (Вопр. истории Урала. Вып. 18).

[298] Поликарпов В. В. От Цусимы к февралю… С. 22.

отношений» могли рассматриваться не иначе как изживший себя архаизм[299]. К примеру, Ю. Н. Нетесин и В. И. Бовыкин критиковали приверженцев так называемого нового направления или «новонаправленцев», как их тогда называли[300]: «Историки в последнее время (т. е. ок. 1969 г. – А. К.) чрезмерно увлеклись изучением отсталых, неразвитых или пережиточных укладов в ущерб истории монополистического капитализма». В. В. Адамов заверил их, что их опасения напрасны, т. к. «изучение отсталых и переходных структур на настоящей стадии развития науки является ключом к познанию высших форм капитализма», изучение которого происходило «в полном отрыве от тех процессов, которые шли в основной толще экономики страны»[301]. Важность «нового направления» для изучения истории ремесла становится понятной, поскольку оно сближалось с дореволюционной историографией и «денационализаторской» школой» 1920–х гг. Диспут 1928 – 1929 гг. на конференции Общества историков–марксистов по вопросу о «наслоении хозяйственно–различных, исторически–преемственных типов», соответствующих понятию полиморфизма, наглядно показал это[302].

Предполагаемое изменение фокусировки, направленной на изучение ремесла в рамках капитализма, но вне его парадигмы, позволяет посмотреть на ремесло не как на «пережиток» «традиционализма, инерции и отсталости» по выражению Дэвида Сондерса, а как на альтернативную экономическую форму организации производства[303]. Поэтому приходится говорить не о вытеснении фабрикой и заводом ремесла, а об их сосуществовании, что и является полиморфизмом, роль которого в экономике страны нуждается в дальнейшем переосмыслении: «[…] никаких других теоретических открытий [многоукладности. – А. К.], столь же широко раздвигающих горизонт, позволяющих логически упорядочить, систематизировать столь сложную историческую реальность, как общественное развитие России начала XX в., – никаких других столь же тонких и эффективных инструментов историки не получали и на Западе»[304]. Именно научные школы по истории экономики М. И. Туган–Барановского и И. М. Кулишера, а спустя примерно три десятка лет – В. В. Адамова на Урале, позволили творчески переосмыслить народнические взгляды на ремесленную и кустарную промышленность в рамках полиморфизма, как на важный ресурс российской экономики[305]. Не случайно, один из учеников Туган–

---

[299] Там же, с. 84. См.: Келлер А. В. «Средневековый институт» или инновация в духе Петровских реформ? Цехи в России и корпоративное самоуправление ремесленников на примере Санкт–Петербурга с начала XVIII до начала XX века // Россия XXI. 2014. № 5. С. 74–95.

[300] См.: Андреев И. Л. Мастер цеха историков: Николай Иванович Павленко // Преподавание истории и обществознания в школе, 2002. № 3. С. 48–51; «Дело» «новонаправленцев», отодвинувших период генезиса капитализма в России на конец XVIII в., что делало возможным поставить под вопрос «закономерность» социалистической революции в России в 1917 г., имело далеко идущие последствия для многих видных историков. Среди самых громких отставок были: снятие с должности директора Института истории СССР АН СССР в 1974 г. П. В. Волобуева и заведующего сектором источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин в том же институте Н. И. Павленко в 1975 г.

[301] Поликарпов В. В. От Цусимы к февралю… С. 88–89, 112.

[302] Там же, с. 85–86.

[303] Там же, с. 90, 112–113; Saunders D. Russia in the age of reaction and reform, 1801–1881. London/New York 1992. P. 127, 136–137.

[304] Поликарпов В. В. От Цусимы к февралю… С. 113; см.: Haumann H. Kapitalismus im zaristischen Staat 1906–1917: Organizationsformen, Machtverhältnisse und Leistungsbilanz im Industrialisierungsprozeß. Hain, 1980. S. 65–69, 143–144; Ders., Unternehmer in der Industrialisierung Rußlands und Deutschlands. Zum Problem des Zusammenhangs von Herkunft und politischer Orientierung // Scripta Mercaturae. 20. 1986. S. 157, 159; Hildermeier M. Bürgertum und Stadt… S. 17, 47–51, 234–246; Keller A. Die Handwerker… S. 66–68.

[305] См.: Бугаева С. Я. Вклад В. В. Адамова в концепцию «нового направления» в исторической науке // Известия Уральского государственного университета. Сер. 2, Гуманитарные науки. 2010. N 3 (79). С. 263–265; Побережников И. В. Проблема полиморфизма…; Дальнейшее развитие концепции многоукладности в рамках теории модернизации привело к появлению новых терминов. И. В. Побережников предлагает использовать понятие *анклавно–конгломеративного типа развития*, введенное А. Д. Богатуровым и А. В. Виноградовым (Побережников И. В. Протоиндустриализация как субпроцесс… С. 16–17; см.: Богатуров А. Д., Виноградов А. В. Модель равноположенного развития: варианты «сберегающего» обновления // Полис. 1999. № 4. С. 60–69; Они же. Анклавно–конгломератный тип развития. Опыт транссистемной теории // Восток–Запад–Россия. М., 2002. С. 109–128).

Барановского, видный экономист Н. Д. Кондратьев, автор Новой экономической политики в СССР, репрессированный в 1930 г., был уроженцем города Вичуга, образованного в 1925 г. на месте 19 рабочих посёлков, пяти промышленных зон, одного села и пяти деревень, т. е. традиционного кустарно–промышленного района, основное население которого составляли ремесленники, промышленники, кустари и торговцы. До революции Вичугская волость была частью более крупной традиционной кустарно–промышленной кластерной структуры с текстильным, дерево–и металлообрабатывающими производствами, изготовлением одежды, находившейся в Кинешемском уезде Костромской губернии[306].

О том, что роль кустарных крестьянских неземледельческих промыслов и городского ремесла во время индустриализации конца XIX в. нельзя недооценивать, говорит тот факт, что «в ряде отраслей мелкая промышленность в начале XX в. по сумме производства превосходила крупную»[307]. Выяснить степень интегрированности ремесла в процесс индустриализации, значит понять, какие производственные, технические и профессиональные качества и навыки существовали до этого и как они повлияли на успех или неуспех развития той или иной отрасли крупной промышленности. Важно увидеть, каким был механизм заимствований и трансформаций в ремесле и как ремесленные мастерские становились основой для появления крупных производств, как это можно видеть на примере портновского ремесла и ремесел в металлообрабатывающей, кондитерской, хлебобулочной, других отраслях производства.

Для дальнейшего изучения полиморфной социальной реальности при переходе от традиционного к современному обществу И. В. Побережников предлагает модель парциальной (или частичной) модернизации[308]. В связи с этим возникает ряд вопросов: должно ли сохранение таких «патриархальных» институтов как ремесло говорить о том, что этот переход от традиционного к современному обществу еще не состоялся? Значит ли это, что история ремесла должна рассматриваться лишь в контексте понятий «разложения», «дифференциации», «укрупнения», «поглощения» и «разорения»[309]?

Проблема социально–экономической полиморфности ремесла рассматривается как один из видов жизненного многообразия и как специфическая форма экономического взаимодействия, отличная от гомогенизированной и унифицированной экономики любого вида[310]. В ходе реконцептуализации понятия «многоукладность» оно наполняется новым значением. Его

---

[306] См.: Балашов Л. М. Кинешма прежде и теперь. Историко–краеведческий очерк. Кинешма, 1999. С. 24–29, 39–50.

[307] Кашаева Ю. А. Основные направления изучения кустарных промыслов Пермской губернии конца XIX – начала XX вв. в дореволюционной и советской историографии // Урал индустриальный. Бакунинские чтения: материалы VI Всерос. науч. конф., 7 апр. 2004 г.: [в 2 т.]. Т. 2 / Урал. гос. техн. ун–т [и др.]; [редкол.: В. В. Запарий (гл. ред.) и др.]. Екатеринбург, 2004. Т. 1. С. 79; Опыт российских модернизаций XVIII–XX века / Ред. В. В Алексеев. М., 2000. С. 60.

[308] Побережников И. В. Проблема полиморфизма… С. 128, 131; См. также: Побережников И. В. Теория модернизации: основные этапы эволюции // ПИР. Вып. 4: Европейское пограничье. Екатеринбург, 2001. С. 217–245; Он же. Переход от традиционного к индустриальному обществу: теоретико–методологические проблемы модернизации. М. 2006; Он же. Акторы российской имперской модернизации: проблемы и перспективы исследования // Уральский исторический вестник. 2015. 4 (49). С. 16–25; Он же. Протоиндустриализация как субпроцесс… С. 15–16; Цивилизации / Институт всеобщей истории РАН. М., 1992. Вып. 10: Модернизация и цивилизационные вызовы XXI века / отв. ред. А. О. Чубарьян; [сост. О. В. Воробьева]. 2015.

[309] См.: Побережников И. В. Модернизация: теоретические и методологические проблемы // Экономическая история. Обозрение / Под ред. Л. И. Бородкина. Вып. 7. М., 2001. С. 163–169; Он же. Парадигма модернизации в историческом исследовании // Урал в модернизационной динамике России XX века. Екатеринбург, 2015. С. 197–214; Рындзюнский П. Г. Мелкая промышленность… С. 66.

[310] Сычев Н. В. Диалектика многоукладной экономики. М., 1999; Он же. Многоукладная экономика: (Полит.–экон. исслед.). М., 1999; Многоукладная аграрная экономика и российская деревня (середина 80–х – 90–е годы XX столетия) / Е. С. Строев, С. А. Никольский, В. И. Кирюшин и др.; Под ред. Е. С. Строева. М., 2001; Курцев И. В. Основные положения системы ведения хозяйств при малых формах предпринимательства // Достижения науки и техники АПК. №10. 2007. С. 15–20; Коновалова М. Е. Технологическая многоукладность и ее роль в структурной сбалансированности экономики России // Вестник Саратовского государственного социально–экономического университета. 2008. № 5 (24). С. 9–11; Калугина З. И., Фадеева О. П. Новая парадигма сельского развития // Мир России. Социология. Этнология. 2009. Т. XVIII, № 2. С. 34–49; Фадеева О. П. Сельские сообщества и хозяйственные уклады: от выживания к развитию / под ред. З. И. Калугиной. Новосибирск, 2015.

«старые» смыслы «отсталости» и «несвоевременности» заменяются новыми: экономико– культурного многообразия, социальной справедливости, нового качества жизни, «зеленой экономики»[311]. Все они являются составными частями концепции *устойчивого развития*[312].

Новый взгляд на историю ремесла помогает лучше понять возможности и потенциалы принципов ремесленного труда сегодня и его применения в будущем. Концепция полиморфности рассматривается нами как в социально–экономической, так и в культурной плоскости, которой придается не менее важная роль, «а значение экономики, напротив, сильнее релятивируется, благодаря чему и "предпосылки" действий, и механизм действий предстают в более дифференцированном виде. Исторические соотношения сил выглядят в такой перспективе более сложными и одновременно более хрупкими, нежели при системном подходе»[313].

Признаком экономико–культурного многообразия является экономически неоднородная среда. Согласно Е. К. Карпуниной, понятие многоукладности описывает «функционирование сложной хозяйственной системы, действующей в экономически неоднородной среде»[314]. Исследовательница отмечает, что «одним из главных признаков экономического строя России является его *многоукладность,* которая обусловлена широким многообразием условий хозяйствования»[315]. Под «укладом» Карпунина понимает систему экономических отношений, т. е. «комплексные характеристики определенных социально–экономических взаимосвязей, характеризующих, а иногда и объединяющих, определенные социальные группы населения по какому–либо одному или нескольким экономическим признакам»[316]. Важным является вывод, сделанный Н. В. Сычевым еще в 1999 г.: «Многоукладность как важнейший атрибут историко–экономического процесса обусловливает необходимость синхронного развития всех типов укладов и соответствующих им форм, благодаря чему достигается макроэкономическая стабильность». И далее: «Становление социально–ориентированной многоукладной экономики современного типа невозможно без опоры на достижения НТР и развития мирохозяйственных связей»[317]. Именно эти связи подразумеваются в концепции *small manufacturing networks*, развиваемой в данном исследовании. Также необходимо сказать о микровкраплениях ремесленных практик на крупном производстве в виде отдельных цехов, где может производится декоративно–художественная продукция в штучном или мелкосерийном виде. Это объясняется тем, что как на крупном (крупносерийном), так и в ремесленном (мелкосерийном) производстве, возможны именно им присущие определенные трудовые и технологические практики, трудно переносимые в другие условия.

Занимаясь историей ремесленных практик в России, невозможно оставить без внимания два важных момента в развитии исторической науки, повлиявших на рецепцию истории ремесла: историзм и теорию модернизации. Возникнув в середине XIX и в середине XX века, они органично дополнили друг друга, обосновывая взгляд на ремесло как на отжив-

---

[311] См.: Green Economy Policies, Practices and Initiatives. Green economy in the context of sustainable development and poverty eradication. URL: https://sustainabledevelopment.un.org/ partnerships/greeneconomy; См.: Grober U. Die Entdeckung der Nachhaltigkeit. München, 2010; Klemisch H., Rauhut I. Wissenslandkarte – Berufsbildung für nachhaltiges Wirtschaften im Handwerk. Schrift zur nachhaltigen Unternehmensentwicklung. München und Mehring, 2009. Nachhaltiges Wirtschaften – Stand der Transformation zu einer Green Economy / Walz R., Gotsch M., Gandenberger C., Peters A., Bodenhiemer M., Günther E. Karlsruhe: Fraunhofer ISI, 2017. 28 S.

[312] См.: Вайсман Я. И., Рудакова Л. В. Стратегия устойчивого развития: учеб. пособие. Пермь: Изд–во Перм. гос. техн. ун–та, 2008; Jörissen J., Kopfmüller J., Brandl V., Paetau M. Ein integratives Konzept nachhaltiger Entwicklung. Forschungszentrum Karlsruhe GmbH. Karlsruhe, 1999.

[313] Дингес М. Историческая антропология и социальная история: через теорию «стиля жизни» к «культурной истории повседневности» // Одиссей. Человек в истории. История в сослагательном наклонении? М., 2000. С. 99–100.

[314] Карпунина Е. К. Развитие многоукладности как ориентир современной экономической политики России // Социально–экономические явления и процессы, 3–4 (25–26). 2011. С. 142.

[315] Там же.

[316] Там же.

[317] Сычев Н.В. Диалектика многоукладной экономики… С. 287; НТР – научно–техническое развитие.

ший институт, который неизбежно должен был быть заменен крупным промышленным производством. Переосмысливая термин *модернизации*, придется разобраться, почему, выражаясь образно, одна большая швейная или обувная фабрика явились в представлениях реформаторов целесообразнее, чем тысяча портных или сапожников, и почему сегодня стало гораздо сложнее сшить костюм или туфли по персональной мерке. Ответ на причины такого видения, когда ремесленная («мелкотоварная») форма хозяйствования рассматривается по отношению к крупному производству как более отсталая, кроется в представлениях ученых, описывающих историко–экономические феномены в духе историзма. Это предполагает, говоря словами В. Ойкена, «что хозяйствующий человек ведет себя в каждую эпоху по–разному. Считается, что наиболее отчетливо историческая изменчивость хозяйствующего человека проявляется в том, что раньше он действовал согласно "принципу удовлетворения потребностей", а вот в эпоху капитализма действует уже на основе "принципа максимизации дохода". Противопоставление этих двух принципов и смена одного из них другим и составляет основной предмет доминирующего учения о хозяйственном духе»[318]. И далее ученый говорит принципиально важную вещь для данного исследования: «Однако капитализм приходящ – посткапиталистические [..] хозяйственные системы снова приведут к победе принципа удовлетворения потребностей», что является сегодня для всех современных обществ в контексте устойчивого развития первоочередной задачей[319].

150 лет спустя видны плоды этого развития и они неутешительны. Крупная капиталистическая индустрия превратилась в огромную машину по производству массовой продукции, бóльшая часть которой через сравнительно короткое время оказывается на мусорной свалке. Крупная промышленность, пользующаяся идеологией «научно–технического прогресса» и новой индустриальной революции, оказалась пожирателем жизненного пространства человека, уничтожающим живую природу вокруг него, отравляющим питьевую воду и воздух, заполняющим потребительскую корзину суррогатами. В данном контексте хочется спросить использовало ли человечество данный ему шанс быть модерным[320]. Проблема выбора, перед которой был поставлен человек на протяжении последних 150 лет, если прислушаться к Бруно Латуру и Бенжамину Штайнеру, так и не была решена. Человечество так и не смогло стать модерным, а значит найти гармоничное решение по интеграции традиционных ремесленных и культурных практик в современное индустриальное общество гиперпотребления. Как результат последнего, все чаще возникают гиперкризисы, ставящие под вопрос существование всего человечества[321].

Конечно, было бы недопустимым преувеличением обвинить индустриальную революцию и технический прогресс во всех бедах сегодняшнего дня. Без них многое, что сегодня считается само собой разумеющимся: высокий жизненный стандарт и комфорт, ставшие неотъемлемым атрибутом индустриальных и постиндустриальных обществ, было бы невозможно. Благодаря им решены важнейшие вопросы жизнеобеспечения человечества, добычи полезных ископаемых, производства электроэнергии и многого другого. Мы обращаем внимание на то, что без

---

[318] Ойкен В. Основы… С. 260–261; Ойкен не соглашался с Зомбартом, настаивавшим на различии в целеполагании и установках хозяйствующих субъектов различных эпох и экономических порядков. Согласно такому взгляду, Зомбарт скептически относился к шансам на будущее для «ремесленного» экономического порядка.

[319] Там же, с. 261; Не будем называть эту посткапиталистическую хозяйственную систему социалистической. Она будет попросту *другой*; А. Пенти еще в 1917 г., аналогично П. Кропоткину, «призывал к возврату к децентрализованному, состоящему из небольших ремесленнических мастерских обществу», которое он называл «постиндустриальным государством». Д. Белл понимал под этим термином общество, перешедшее от стадии товарного производства к стадии сервиса. Д. Рисман применял понятие «постиндустриальный» в противоположность «посткапиталистическому» (Penty A. Old Worlds for New: A Study in the Post–Industrial State. L., 1917; Riesman D. Leisure and Work in Post–Industrial Society // Larrabee E., Meyersohn R. (Eds.). Mass Leisure. Glencoe (Ill.), 1958; см.: Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество… С. 49).

[320] По аналогии с Эзрой Паундом, обратившимся в 1922 г. к А. К. Хендерсон с требовательным вызовом: «I give you your chance to be modern» (См.: Latham S., Rogers G. Modernism. Evolution of an Idea. London, 2015).

[321] Steiner B. Nebenfolgen der Geschichte… S. 29.

ремесла, ремесленного продукта и ремесленного труда любая культура, фундаментом которой является ремесло, стала бы невозможна. Поэтому ремесло, с одной стороны, и модернизация или индустриализация, с другой, являются понятиями, дополняющими друг друга. В этом смысле, история конкретного ремесленника может дать «лучшее понимание тех обстоятельств и мотивов, которые определяют поступки действующих лиц: их многослойность и противоречивость рассматриваются как "культура", направляющая человеческую деятельность» [322].

Сэйбель и Зайтлин, пользуясь термином *промышленных районов*, имеют ввиду именно кооперацию малых и средних предприятий, сочетающих высокотехнологичное ремесленное производство и уникальные компетенции ремесленного мастера, а не промышленные районы в классическом понимании старопромышленных районов: таких как Нижняя Силезия, Урал, Донбасс, Рур, для которых характерны добывающие и отрасли тяжелой промышленности [323]. Это районы, пик развития которых пришелся на конец XIX – первую половину XX века, связанны с высокими экологическими рисками и тяжелыми последствиями для окружающей среды [324]. Пример традиционных ремесленно–промышленных сообществ, организованных в индустриальные округа (дистрикты), можно найти в Италии: Terza Italia (Третья Италия), представляющие собой не только экономический, но и социокультурный феномен в более широком контексте [325].

В России политика по стимулированию кустарного и ремесленного производства во второй половине XIX – начале XX в. проводилась с помощью земств как органов местного самоуправления, организацией курсов профессионального образования [326], промышленных и кустарных выставок [327]. К 1912 году в общественности, среди ученых–экономистов и хозяйственников–практиков, появилось понимание того, «что успешность мероприятий земства по развитию кустарных промыслов зависит от единства трех направлений: улучшение техники производства, увеличение размеров кредита и организация постоянного сбыта» [328]. Вследствие этого «пореформенный период был отмечен бурным ростом протоиндустриальной промыш-

---

[322] Дингес М. Историческая антропология и социальная история… С. 96.

[323] Группа «старопромышленных районов […] 2–го цикла, – угольно– или руднометаллургические, так называемого бассейнового типа с высокой заводской концентрацией» (Приваловская Г.А. Территориальная структура хозяйства староосвоенных районов. М., 1995. С. 79).

[324] См.: Reith R. Vom Umgang mit Rohstoffen in historischer Perspektive. Rohstoffe und ihre Kosten als ökonomische und ökologische Determinanten der Technikentwicklung // Johann Beckmann–Journal 7, 1993, H. 1/2, S. 87–99.

[325] Верняев И. И. Промысловые кластеры как локальные этнографические группы: Хозяйство, социум, культур и идентичность (Европейская Россия, середина XIX– первая треть XX в.) // Вестник СПбГУ. Сер. 2. 2011. Вып. 1. С. 48–49.

[326] См., напр.: Карташова М. В. Реализация государственной политики по техническому образованию крестьян–кустарей в Российской империи в конце XIX – начале XX века // Экономическая история. №2 (37), 2017. С. 71–82; Носань Т. М. Просвещение Карелии: обучение традиционным ремеслам в конце XIX начале XX века // Человек и образование. 2009. № 3. С. 230–234; Панина Н. В. Становление и развитие профессионально–технического образования в губерниях Верхнего Поволжья во второй половине XIX – начале XX веков: дис. … канд. ист. наук. Ярославль, 2016; Щавинская Л. Б. Обучение строительному ремеслу в Томской губернии во второй половине XIX начале XX в. // Вестн. Том. гос. ун–та. Культурология и искусствоведение. 2013. № 4. С. 257–262; М. В. Карташова классифицирует группы профессионально–образовательных учреждений, существовавших в Российской империи в 1888–1917 гг. на селе по четырем видам: «Первый вид – частные учебные школы–мастерские. Второй вид – земские мастерские, финансируемые губернскими и уездными земствами. Третий вид – школы и мастерские различных обществ и местных кустарных комитетов неземских областей. Четвертый вид – инструкторские школы земледельческого ведомства, им открытые и существовавшие на государственный счет. Все эти учебные заведения в общем и целом составляли единую профессиональную образовательную сеть, направленную, главным образом, на повышение технического уровня кустарного производства в империи. Кустарные мастерские, находившиеся в ведении земледельческого ведомства, земств, общественных организаций, были разных типов: учебно–показательные, производственные, смешанные…» (Карташова М. В. Реализация государственной политики… С. 73).

[327] Верняев И. И. Промысловые кластеры… С. 50; см.: Dushkova N. A., Grigorova V. A. The state policy of stimulating handicraft production in the second half of the XIX century: expirience oft he past fort he development of modern entrepreneurship, Klio, 4 (112) (2016), 50–55.

[328] Кашаева Ю. А. Пермское земство и развитие кустарных промыслов 1880–х – 1914 годах // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. 2010. № 3. С. 104; Панина Н. В. Становление и развитие профессионально–технического… С. 119–157.

ленности – кустарных промыслов», составлявших не столько конкуренцию, сколько готовивших кадры для ремесленников Петербурга[329].

Характеризуя развитие кустарной промышленности в России, М. И. Туган–Барановский отмечал: «В России кустарная промышленность имеет широкое развитие в деревне, особенно в центральном районе, преимущественно там, где земледелие по тем или иным причинам не удовлетворяет потребностям населения, малоземелье является одним из важных условий возникновения кустарной промышленности… Но не нужно преувеличивать значение этой связи: совершенно неправильно мнение тех, кто видит в кустарной промышленности промысел только подсобный при земледелии, ибо сплошь и рядом, наоборот, земледелие является подсобным занятием для кустаря»[330].

С 1990–х гг. происходит переосмысление важной экономической роли мелкой крестьянской промышленности, с одной стороны, благодаря фундаментальным разработкам этой темы предыдущих десятилетий, с другой, новым методологическим подходам[331]. Как отмечает М. В. Карташова, «в последние годы появляется масса статей, диссертаций и монографий, посвященных изучению кустарных промыслов в Российской империи»[332]. Мы придерживаемся классификации кустарных промыслов, предложенной этим автором и включающей в себя 6 групп: деревообработку, металлообработку, обработку волокна, обработку кожи, обработку минералов, прочие (смешанные) промыслы: «Эта классификация позволяет охватить все промыслы, не усложнять структуру и в то же время она не противоречит Статистической классификации видов экономической деятельности в Европейском экономическом сообществе (редакция 2) – Statistical classifci ation of economic activities in the European Community (NACE Rev. 2)»[333].

Кустарная промышленность в пореформенные десятилетия, как и городское ремесло, показывала способность развиваться, помимо или вне парадигмы крупного индустриального капитализма, и генерировать из своей среды самодостаточные субструктуры. Здесь можно говорить о двух типах мелкого и крупного предпринимательства, связанных с различными социально–экономическими и технологическими практиками, взаимодополняющими друг друга[334]. Именно этот практический опыт в сочетании с народническими концепциями развития народного хозяйства, когда поддерживаются и мобилизуются малые формы предпринимательства, привел к повышению объемов правительственного кустарно–промышленного финансирования. М. В. Карташова пришла к выводу, что «[…] основным фактором, влияющим на объемы правительственного кустарно–промышленного финансирования, являлись объемы региональных вложений в кустарно–промышленную политику. […] превалирующая часть финансовой помощи шла на восточно–европейские земские губернии и на Урал», – в те районы, где существовала неблагоприятная экономическая ситуация в связи с упадком сель-

---

[329] См.: Готрелл П. Значение Великих реформ в истории экономики России // Великие реформы в России. 1856–1874. М., 1992. С. 119–120; Побережников И. В. Протоиндустриализация как субпроцесс… С. 33; Тарновский К. Н. Мелкая промышленность…

[330] Туган–Барановский М. И. Основы политической экономии. М. 1998. С. 178.

[331] См., напр.: Архипова Л. М. Мелкая крестьянская промышленность центрально–черноземного района России в начале XX века. М., 1995; Водарский Я. Е., Истомина Э. Г. Сельские кустарные промыслы Европейской России на рубеже XIX–XX столетий. М., 2004; Зозуля О. А. Земские инициативы в контексте политики государства по повышению эффективности функционирования кустарной промышленности (на примере Московской и Нижегородской губерний) // Известия ПГУ им. В. Г. Белинского. 2012. № 27. С. 658–663.

[332] Карташова М. В. Структура кустарных промыслов в российской империи // Austrian Journal of Humanities and Social Sciences. 2016. №1–2. С. 16.

[333] Там же, с. 17.

[334] М. Гутман подтверждает, что в исследованиях, посвященных начальному периоду промышленного роста Центральной и Западной Европы отмечены многие стороны развития, характерные для Центральной России: значение сельского хозяйства, постепенное нарастание темпов развития, устойчивость ремесленных промыслов и взаимосвязь мелкого и фабричного производства (Gutman M. Toward the Modern Economy: Early Industry in Europe. 1500–1800. New York, 1988; Goodman J., Honeyman K. Gainful Pursuits: The Making of Industrial Europe. 1600–1914. London, 1988).

ского хозяйства и фабрично–заводской промышленности с целью поднятия благосостояния населения[335]. Отметим, что при этом наблюдается тренд концептуального разворота в сторону применения данного опыта в развитии современного предпринимательства в рамках государственно–частного партнерства (ГЧП)[336].

Говоря современным языком, посредством микрокредитов ремесленники и кустари должны были избавиться от излишней зависимости от скупщиков и кредиторов. Потребительский и кооперативный кредит получил сегодня вторую жизнь благодаря системе микро–кредитов экономиста из Бангладеш Мухаммада Юнуса. Его успех вполне сопоставим с аналогичной российской историей успеха последней четверти XIX – начала XX века[337]. Схожие эффекты описал П. Гестрелл в своей статье об экономическом и социальном развитии России в начале XX в. По его мнению, увеличение числа торговых и кредитных кооперативов (не в последнюю очередь среди кустарных промысловиков и ремесленников. – А. К.), свидетельствовало о растущем процветании и динамизме российской экономики последнего периода монархии[338]. Новым словом в исследовании темы крестьянских промыслов, промысловых кластеров, торгово–промысловых сел или «незаметной промышленности» стали работы петербургского историка И. И. Верняева[339].

В контексте сказанного, вполне понятен призыв Л. Б. Алимовой к уходу «от одностороннего подхода изучения только стратегически важных отраслей промышленности, поскольку это не позволяет увидеть всей сложности процессов и явлений, происходивших в период генезиса капитализма, индустриализации и модернизации экономики. Вышесказанное в полной мере относится к производству роскоши, возникшему в условиях рыночных отношений, но по целому ряду показателей, находившемуся вне законов рынка»[340]. Можно лишь присоединиться к данному пожеланию, и попытаться дополнить большое количество работ, «посвященных изучению имущественного уровня, структур потребления, бытовой материальной культуры различных слоев российского общества, словом, всего того, что относится к проблемному полю истории повседневности и входит в сферу историко–антропологического интереса»[341].

---

[335] См.: Карташова М. В. «Межбюджетные трансферты» в правительственной кустарно–промышленной политике российской империи в начале XX в. (с использованием ГИС и статистического анализа) // Историческая информатика. Информационные технологии и математические методы в исторических исследованиях и образовании. 2013. № 4. С. 75–76.

[336] См.: Душкова Н. А., Григорова В. А. Государственная политика стимулирования кустарного производства во второй половине XIX в.: опыт прошлого для развития современного предпринимательства // Клио. № 4 (112). 2016. С. 50–55.

[337] Юнус разработал концепцию микрокредитования, создав Grameen Bank и став в 1983 году его генеральным директором. За успешный социальный и коммерческий проект ученый и предприниматель получил в 2006 году Нобелевскую премию мира (см.: Юнус М., Жоли А. Создавая мир без бедности. Социальный бизнес и будущее капитализма = Vers un monde sans pauvrete / Пер. И. Савельева. М.: Альпина Паблишерз, 2010).

[338] Гестрелл П. Экономическое и социальное развитие России в начале XX в. // Реформы или революция? Россия, 1861–1917… С. 183–184.

[339] Верняев И. И. «Незаметная промышленность»: крестьянские производящие промыслы России в теоретических концепциях и эмпирических исследованиях конца XVIII – начала XX в. Ч. I // Вестник СПбГУ. Серия 2. История. 2014. №2. С. 75–98; Он же. «Незаметная промышленность»: крестьянские производящие промыслы России в теоретических концепциях и эмпирических исследованиях конца XVIII – начала XX в. Ч. II // Вестник СПбГУ. Серия 2. История. 2014. № 4. С. 113–132; Он же. Промысловые кластеры как локальные этнографические группы… С. 47–84; Он же. Реформа 1861 г. в торгово–промысловом селе Павлово Нижегородской губернии. Часть 1–я // Вестник СПбГУ. Серия 2. История. 2012. № 3. С. 16–41; Он же. Реформа 1861 г. в торгово–промысловом селе: село Павлово Нижегородской губернии. Часть 2–я // Вестник СПбГУ. Серия 2. История. 2012. № 4. С. 3–30.

[340] Алимова Л. Б. Художественная промышленность России…

[341] Редин Д. А. Государственное управление на Урале в эпоху петровских реформ (Западные уезды Сибирской губернии в 1711–1727 гг.): автореф. дис. … докт. ист. наук. Екатеринбург, 2007. С. 30.

Глава II. К истории понятий ремесла

2.1. Ремесло как художество, наука и искусство

В свете затяжного глобального финансового кризиса и поиска новых инструментов и мотиваторов экономического развития понятно пробуждение повышенного интереса российской и международной научной общественности к истории ремесла, с целью переосмыслить данный социально–экономический и культурно–антропологический феномен. При этом историческая наука находится по отношению к смежным научным дисциплинам в более выгодном положении, так как имеет возможность проведения аналогий и анализа исторических феноменов в их временной и пространственной динамике.

Так, специалисты в области истории профессионального образования А. В. Моисеев и А. В. Ефанов справедливо отметили в совместной статье 2014 г. по историко–педагогическому наследию отечественного ремесленного образования: «[…] анализ категории "ремесленная деятельность" показал, что данное понятие теоретически не разработано, нормативно не закреплено и семантически противоречиво. Его деформация в общественном сознании обусловлена, в первую очередь, технологическим развитием общества, в экономике которого доминирующее положение занимает поточное, конвейерное производство, девальвацией культуры потребления товара, а также противоречивой сущностью самой ремесленной деятельности, её внутренней неоднородностью»[342].

Аналогичную мысль высказал экономист Д. Е. Гаврилов в 2012 г.: «"Девальвация" категорий ремесла, ремесленничества, кустарничества есть процесс, обусловленный развитием технологий, совершенствованием механизмов экономической жизни и противоречивой сущностью ремесленной деятельности»[343]. Исследователь приходит к выводу «о противоречивости изложенных в словарях значений». Гаврилов отметил, что «технологии ремесленного производства признаются исключительно или по преимуществу ручными, хотя этимологический анализ слова «ремесло» говорит о возможности применения в ремесленной деятельности машин и механизмов, [..] ремесленная деятельность в одном из значений рассматривается как шаблонная работа, а ремесленный труд признается нетворческим, что вызывает отторжение категории ремесла, ремесленничества и кустарничества в общественном и научном сознании […]»[344]. Исследователь делает вывод о том, что «сегодня требуется преодолеть сложившийся стереотип понимания ремесленничества, как предтечи крупного товарного производства, использующего ручной труд и примитивные технологии»[345].

Проследим предысторию бытования понятия «ремесло»[346]. В данном случае, анализируя исторические источники, возможно освещение еще одной грани публичных и непубличных коммуникативных практик для понимания трансфера, трансформации и адаптации смыслов

---

[342] Ефанов А. В., Моисеев А. В. Исследование историко–педагогического наследия отечественного ремесленного образования (онтологический, аксиологический и функциональный аспекты) // Инициативы XXI века. 2014. № 4. С. 80.

[343] Гаврилов Д. Е. Теоретические основы развития ремесленной деятельности // Теория и практика общественного развития. 2012. № 3. С. 311.

[344] Там же, с. 312.

[345] Там же, с. 313.

[346] См. о теории «истории понятий» (Begriffsgeschichte): Тимофеев Д. В. Европейские идеи в социально–политическом лексиконе образованного российского подданного первой четверти XIX в. Челябинск, 2011. С. 8–15; Busse D. Historische Semantik. Stuttgart, 1987. S. 35–66; Koselleck R. Begriffsgeschichten: Studien zur Semantik und Pragmatik der politischen und sozialen Sprache. Mit zwei Beitr. von Ulrike Spree und Willibald Steinmetz sowie einem Nachw. zu Einl.–Fragmenten Reinhart Kosellecks von Carsten Dutt. Frankfurt a.M., 2006; Brunner O, Conze W., Koselleck R. (Hrsg.). Geschichtliche Grundbegriffe: Historisches Lexikon zur politisch–sozialen Sprache in Deutschland. 8 Bände in 9. Stuttgart, 1972–1997.

в российском социокультурном пространстве. Ремесло рассматривается не только как сугубо городское в территориальных рамках Петербурга, но и как ремесленные практики в городе, на селе, в горнозаводском поселке, взаимодействующие посредством своих носителей– ремесленников – агентов социальности ремесла, встречающихся в Петербурге, как центре притяжения ремесленников из самых отдаленных уголков империи. Формально, структуру данной работы можно представить в виде малой и большой окружностей, которым соответствуют городская территория Петербурга и прочее обширное пространство, как на Западе, так и на Востоке, с которыми город связан огромным количеством связей, множащихся, подобно фракталу. Данная структура не противоречит, как может показаться на первый взгляд, тому, что основная часть работы посвящена петербургскому ремеслу. С методологической точки зрения целесообразно преодоление формального деления ремесла на «городское» и «сельское», чтобы показать всю сложную диалектику его развития.

Г.–Г. Гадамер определил один из существенных вопросов философии, постулировав задачу осознания соотношения слова и понятия. Немецкий философ предложил проанализировать практику применения слова в устной и письменной речи, а также понятия в научной мысли, обусловленную уже сложившимся словоупотреблением[347]. Такая постановка вопроса особенно актуальна для истории терминологии ремесла, разработка которой должна открыть новые перспективы не только в изучении последнего, но и в появлении нового событийного горизонта будущего, в котором ремесло, как особый социально–экономический порядок, альтернативный экономике крупной капиталистической индустрии, может играть роль дополнительного инструмента развития от ресурсо–ориентированной индустриальной экономики к посткапиталистической «зеленой экономике» будущего.

Рассмотрим сначала историю понятия «ремесло» в русском языке, для понимания взаимосвязи «ремесла и художества», выявления смысловых акцентов и практик их применения на протяжении предыдущего периода и самого Нового времени[348]. Человек, занимающийся ремеслами в XI – XVII вв. – «ремесленикъ» или «ремесленникъ» (прил. ремесленый и ремесленный), т. е. мастер (мастеровой, мастерство) какого–либо ремесла или мастер в каком–либо деле, искусник[349]. Синонимами ремесла (искусство, умение; дело, занятие) и ремесленника являются «художник» и «художество», которые, в свою очередь, совпадают со значением «искусства» (практический навык, умение, знание, опыт; искусный – умелый) в древнерусском языке[350]. В XVIII в. искусство является именно художеством, употребляющимся в контексте понятий ремесло, рукоделие, художник и мастеровой[351]. Этим объясняется долгое соседство в Академии наук, а позже и в Академии художеств – ремесел и «высоких искусств»[352].

---

[347] Гадамер Г.–Г. Актуальность прекрасного. М., 1991. С. 30–31.

[348] См.: Тимофеев Д. В. Методология «истории понятий»: от теории к практике исследований истории общественной мысли России первой четверти XIX века // Новое прошлое. 2016. № 4. С. 157; Примечательной в названном контексте является работа Хорошкевич А. Л. Ремесло Пскова по немецко–русскому словарю начала XVII в. // Города феодальной России. Сборник статей памяти Н. В. Устюгова. М., 1966. С. 207–215.

[349] Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 22 (Раскидатися–Рященко) / Ин–т рус. яз. им. В. В. Виноградова. М., 1997. С. 142–143.

[350] См. об этимологии терминов из текстильного производства, обработки дерева, ремесел, связанных с применением огня: гончарное и кузнечное ремесла: Трубачев О. Н. Ремесленная терминология в славянских языках // Он же. Труды по этимологии. Слово. История. Культура. Т. 3. М., 2008. С. 389–799.

[351] Виноградов В. В. Семнадцатитомный академический словарь современного русского литературного языка и его значение для советского языкознания // Вопросы языкознания. 1966. № 6. С. 13–14; Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 6 (Зипунъ–Иянуарий). М., 1979. С. 64–66; Там же. Вып. 9. М., 1982. С. 36–39.

[352] В средневековых университетах «изначально каждая дисциплина называлась одновременно искусством (практический навык) и наукой (теоретическая система); например, астрология была прикладным искусством, а астрономия – теоретической системой». Характерно, что в примечании Д. Вуттон делает дополнение: «Помимо этих гуманитарных искусств [грамматика, риторика, логика, математика и др. – *А. К.*], которыми владели образованные люди, существовали и другие искусства, связанные с физическим трудом (ремесла): например, ювелирное дело и специальность каменщика» (Вуттон Д. Изобретение науки… С. 29).

М. Э. Гизе отмечала связь ремесленного произведения с художественным образом: «Постоянно изменяющаяся во времени и подвижная в пространстве динамическая система "человек – орудие труда – среда – продукт труда" и есть та поэтическая основа сложного по своей структуре художественного образа, которая присуща большинству средств производства, созданных в условиях ремесленного труда. Их художественно–образная выразительность пропорциональна прежде всего мере отражения в них того динамического по своему существу процесса, ради выполнения которого они и были созданы. Чем непосредственнее, теснее связь человека и орудия труда, которое в буквальном смысле слова продолжает его руку, облегчает его физические усилия, опосредованно отражает его сноровку, ловкость и мастерство, тем большее значение в создании художественного образа приобретает характеристика пластической формы данного средства производства»[353].

У В. Н. Татищева часто встречается определение ремесла как «рукоделия»[354]. В записке «О рукоделиах и ремеслах» характерен образ Левиафана, к которому обращается Татищев, чтобы описать с его помощью экономическое тело с антропо-физиологическими признаками и роль в нем ремесла с позиций меркантилизма:: «Всем искусным в гражданстве известно, что всякой области богатство, сила и честь происходит единственно от прилежности народа к рукоделиам и добраго состояния купечества […]; уподобя [Далее зачеркнуто: ремесла] рукоделиа желудку, которой трудится приятую писчу изнурить туком, во все жилы разделить, а купечество, яко сердце тот тук, мешая с текучею к нему от всех членов кровию, паки чрез аттерии во все тело разделяет, оные в бодрости и добром состоянии содержит, тако рукоделии сырые те припасы переделывают, а купцы, всюду развозя, требуюсчим продают и, на избытки оных меняя, всех доволствуют [Далее зачеркнуто: Другое видимо]. И оное, явно нам показуя, уверяет, где рукоделиа и купечество в добром состоянии, тамо все жители земские, крестьяне и пр., богати и доволни»[355].

Смысловая созвучность русского ремесла с аналогичными словами, как в славянских языках, так и в языках Центральной и Западной Европы, вплоть до латыни, не случайна[356]. Древнерусское «руко–делие» перекликается с английским (handi–craft, craft) и немецким (das Hand–werk) языками[357]. Само «ремесло» восходит в современном произношении к XVII в.[358]. Слово «искусник» опосредованно указывает на семантическую связь ремесла с искусством и «художеством», хотя В. В. Виноградов указывал на то, что этимологическое толкование слова «искусство» не соответствует его семантической истории в древнерусском языке и появляется в русском литературном языке не раньше второй половины XVII в., поэтому скорее это западноевропеизм на древнеславянской основе[359]. Нововременная смысловая нагрузка искусства предполагает не только художество или ремесло отдельно взятого «искусного» мастера

---

[353] Гизе М. Э. Очерки истории художественного конструирования… С. 43.

[354] Экономические записки В. Н. Татищева // Исторический архив. Т. VII. М.–Л., 1951 г. С. 401, 408, 410–414, 417, 419.

[355] Там же, с. 410. В словаре В. И. Даля ремесло рассматривается как «рукодельное мастерство»: Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4–х т. Т. 3. М., 2003. С. 404.

[356] Англосаксонское «remain» (чинить, восстанавливать), болгарское «рeмество», древнепольское «rzemeslnik» (ремесленник), древнелитовское «remesas» (ремесленник), древнепрусское «romestue» (топор, рубить топором), украинское «ремесло» и «рeмество», чешское «remeslo » (Гаврилов Д. Е. Теоретические основы… С. 311).

[357] Присутствует прямое структурное сходство этих слов с древнегреческим χειρουργημα (рукоделие, от χέρι рука и операция), дословно ручная операция. В древнегреческом и латинском языках также имеются синонимы ремесла, давшие основу для образования современных понятий техники и искусства. Это слова, образованные с помощью «техне» (греч., τέχνη – ремесло, совр. техника, art, craft, workmanship, trade, artfulness, нем. das Artefakt, англ. artifact) и «арт»: τεχνουργειμα (техника и операция), χειροτεχνια и χειρουργια, artificium (артефакт), opifci ium manum (мастерство рук) и opus manufactum (работа человеческих рук). «Слово "рукомесло" (церковно–славянский) является, вероятно, производным от слов "ремесло" и "рукоделие"» (Поликарпов–Орлов Ф. П. Лексикон треязычный, сиречь речений славенских, еллиногреческих и латинских сокровище. М., 1704).

[358] Гаврилов Д. Е. Теоретические основы развития ремесленной деятельности… С. 311.

[359] Виноградов В. В. Семнадцатитомный академический словарь… С. 13.

или «художника» – слово, являющееся сегодня антонимом ремесленнику, но и искусство в современном его понимании: музыкальное, изобразительное, театральное и т. д.[360] Поэтому лишь в начале XIX в. происходит отделение ремесла от «высокого искусства».

На протяжении всего XVIII в. и, отчасти, до середины XIX в., сочетание «художества и ремесла» указывает на семантическую близость ремесла как к художеству, так и к искусству. Семантика слова художник имеет непосредственную связь с ремесленником (также рукохудожним), ремеслом (рукоделием) и искусством (художеством)[361]. Слова худогий, художный, т. е. «сведущий, опытный», соответствуют художнику, художеству (укр. худога «искусник, художник», др.–рус. худогъ «сведущий», художьство, старо–славянский хѫдожьникъ). По мнению М. Фасмера первоначальное слово *xǫdogъ заимствовано из готского *handags «ловкий», образованного от handus «рука» (отсюда нем. der Handwerker – ремесленник, die Hand – рука и das Werk – произведение). Слово художник может также обозначать нецехового городского или сельского ремесленника – кустаря. По мнению М. Фасмера, слово кустарный заимствовано из средне–нижне–немецкого kunster «знаток искусства, ремесла» или ново–верхне–немецкого kunster, künster (с XV в.), которые считаются исходными для ново–верхне–немецкого Künstler – «художник, мастер своего дела» (нем. die Kunst – искусство)[362].

В более широком смысле слово «искусство» в XVIII в. является синонимом художества и науки[363]. Действительно, словосочетание «искусный художник» («умелый мастер») могло подразумевать под собой любого ремесленника. В словаре Ф. П. Поликарпова–Орлова 1704 г. само слово «ремесленник» отсутствует, но есть его синонимы «рукодельник», «рукохудожий», «рукоделатель», а синоним художника и художества – «хитрец» или «хитрость», что скорее применимо к ремесленнику[364]. В последней трети XVIII в., наряду с сохранением традиционного значения слова *художник* как ремесленник, наблюдается смещение смысловой нагрузки от ремесленной в сторону «высоких искусств». В словаре Ф. Гёльтергофа 1771 г. слова «ремесленник» (der Handwerker) и «художник» (der Künstler), т. е. художник в современном понимании артиста или художника, разведены как различные слова[365]. Понятие «мастер» (мастак, ремесленник) является синонимом художнику, а искусство – мастерству. В древнерусском к художнику применялось также слово «хытрец»[366]. Близость ремесла и искусства в русском языке XVIII в. не случайна. Ведь к этому времени произошла адаптация и наложение западноевропейских смыслов на понятие ремесла в русском языке. Процессы адаптации не были однолинейным заимствованием. Понимание невозможности переносить западные нововведения без существенной адаптации к российским условиям отчетливо просматривается в резолюциях на мемориал Генриха Фика от 11 июня 1718 г., где под пунктом 7 о коллегиях сказано:

---

[360] Там же, с. 12–13; Киселев М. А. Возникновение российского промышленного законодательства в 1–й четверти XVIII в. Дисс. на соиск. уч. степ. канд. ист. наук. Екатеринбург, 2010. С. 114, 140–144.

[361] Поликарпов–Орлов Ф. П. Лексикон треязычный…; Срезневский И. И. Словарь древнерусского языка [В 3 т.]. Репринт. изд. М., 1989. Т. 3. Ч. 1. С. 114; ч. 2. С. 1415; Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. В 4–х томах. Пер. с нем. и дополн. Академика РАН О. Н. Трубачева. Т. 3. М., 2003. С. 468–469; Черных П. Я. Историко–этимологический словарь… Т. 1. С. 513, т. 2. С. 110–111.

[362] Срезневский И. И. Словарь… Т. 1, ч. 2. С. 358; т. 3, ч. 2. С. 1415; Фасмер М. Этимологический словарь… Т. 4. С. 282; Черных П. Я. Историко–этимологический словарь… Т. 2. С. 359.

[363] Weismann E. Lexikon bipartitum latino–germanicum et germanico–latinum in quo latinitas prisca et pura … ex probatissimis autoribus methodo perspicua explicatur. Stuttgart, 1673, Bd. 1, S. 353; Вейсман Э. Вейсманнов немецкий лексикон с латинским. Преложенный на российский язык / [Перевели на русский язык И. И. Ильинский, И. П. Сатаров и И . С. Горлицкий], изд. 2–е. СПб., 1782. С. 420.

[364] Поликарпов–Орлов Ф. П. Лексикон треязычный…

[365] Гёльтергоф Ф. Российской Целлариус, или Этимологической российской лексикон. [Москва], 1771. С. 569.

[366] Хитрец, художник, τεχνιτις, artifex; Хитрость, художество, τεχνη, μεφοδος, ars, artifci ium; Худог, мудр, επιςεμων, sapiens, doctus; Художник, зри хитрец. См.: Поликарпов–Орлов, художник; Срезневский. Т. 1. Ч. 2. С. 358; Он же. Т. 2, ч. 1. С. 115; Он же. Т. 3, ч. 2. С. 1415; Фасмер М. Этимологический словарь… Т. 2. 2003. С. 578–579; Черных П. Я. Историко–этимологический словарь… Т. 1. С. 513; Слово *мастер* заимствовано из немецкого "Meister, Handwerksmeister" через польский "majster" (Vasmer M. Russisches etymologisches Wörterbuch. Bd. 2. Heildelberg, 1955. S. 102).

«[…] но рассуждав наперед, все наилучшее предпринять, перво одну, а потом и прочие, даба ничего супротив пользы натуры обстоятельства сей земли не учинилось». В том же духе следует резолюция Петра: «Земское управление надлежит […] шведское с русским сложа, и на мере свои мнения поставя, изготовить в докладе по порядку и чинам»[367].

У русского понятия ремесла имеются и далекие генетические связи с латинским. Устаревшее английское название ремесленника articifer произошло от латинского ars, artis или artes (искусство, художник, умение, талант, природная склонность, знание; лат. artifex – ремесленник), одинаково применимых как к ремеслу, так и к искусству (отсюда «артист» в русском языке), причем дальнейшие значения ремесла/ искусства вбирают в себя и фабрику (fabrica – мастерская), и разум (ratio), и знание (scientia, ставшее впоследствии производным для науки science в английском)[368]. Пример из английского языка (так же, как и из древнегреческого и немецкого более раннего периода) приведен, чтобы показать, как по мере увеличения экономических и культурных связей с Западной Европой, начиная уже с конца XV в., могло усиливаться межязыковое взаимодействие и влияние при пересечении или накладывании смысла слов и понятий.

В более широком хронологическом диапазоне интенсивные культурные связи имелись преимущественно: в IX – XV вв. – с викингами, греками, итальянцами, в XVI – XVIII вв. – с англичанами, поляками, голландцами, немцами, французами. При этом, заимствования могли происходить не только через прямое введение нового иностранного слова, но и за счет изменения значения уже существующего в русском языке. В 1569 г. в Россию из Англии ждали прибытия специалистов (articifers – an artistic worker), «которые также должны были обучать русских людей производству железа»[369]. Факт смысловой близости английского искусного мастера, артиста своего дела, и русского ремесленного художника, говорит о принципиальной возможности нахождения общего языка и технических заимствований в области ремесел.

В современном английском языке ремесленник – это и craftsman, и artisan. А. В. Моисеев справедливо отмечает, что утраченные «ремесленничеством» в XX веке присущие ему ценностные характеристики вновь возвращаются. В «Современном экономическом словаре» ремесло определяется как «владение искусством» по созданию материальных вещей, предполагающее наличие «значительного мастерства»[370].

Если слово ремесло, обозначающее какую–либо производственную или творческую деятельность, употребляется сегодня обычно как нейтральное, то в случае с понятием ремесла в современном употреблении бытует зачастую негативная оценочность, что связано с историей научно–технического прогресса, возникновением индустриально– промышленной цивилизации и, в определенной степени, историографической традицией. Значение «ремесленный» выстраивает, как правило, синонимический ряд с негативными коннотациями: рутинный (ремесленник, а не творец, не художник), узкий, примитивный (примитивные орудия труда), противозаконный (воровское ремесло). В этой связи мы попытаемся разобраться, что собой представляет работа и произведение ремесленника – ремесло это или искусство? Ремесленный мастер – кто он, ремесленник или художник? На самом деле, это мнимое противопоставление. Данные понятия могут быть взаимозаменяемыми и взаимодополняемыми. Ремесло может быть искусством, а ремесленник – художником, но это зависит от интерпретатора, участников и контекста событий, их места и времени. Попытаемся разобраться и «вытащить» ремеслен-

---

[367] ПСЗ–1. Т. 5. № 3208. С. 574.

[368] Громыко И. Н. Русско–латинский словарь. Минск, 2000. С. 110, 141, 275; Поликарпов–Орлов Ф. П. Лексикон трезычный…

[369] Киселев М. А. Возникновение российского промышленного законодательства… С. 62.

[370] Райзберг Б. А., Лозовский Л. Ш., Стародубцева Е. Б. Современный экономический словарь. 5–е изд. М., 2007. С. 295, Цит. по: Моисеев А. В. Развитие ремесленного образования на Урале в XVII – начале XX вв. (Историко–педагогический аспект): автореф. дисс. канд. пед. наук. Екатеринбург, 2015. С. 21.

ного мастера из забвения. Пришло время вернуть голос этому «великому немому» прошедших эпох с помощью Г. В. Лейбница (1646–1716), А. К. Нартова (1693–1756), В. Н. Татищева (1686–1750) и многих других.

Широкие заимствования в профессиональных городских языках происходят в XVII в., когда «в Московскую Русь направляется с юго–запада волна художников и ремесленников»[371]. Это видно на различных ремесленных диалектах, в которых закрепляются западноевропейские слова (напр., нем. *der Geselle* – подмастерье; в рус. гезель: помощник, товарищ; рус. артизан, фр. artisan из ит. artigiano – ремесленник)[372]. В сапожном ремесле это дратва, рашпиль, вакса, клейстер, шлифер и мн. др., в столярном и слесарном – стамеска, бляха, бондарь, гайка, верстак, клапан, кран, винт и др. Во время Петровской эпохи начала XVIII в. эти процессы заимствования еще более усиливаются[373]. Московский исследователь С. М. Шамин показывает, как новые заимствования из голландского, немецкого, французского, английского языков находили свое вхождение в российскую, и особенно петербургскую, повседневность. Петр и его окружение ревностно следили за применением западноевропейской лексики: «Между тем Петр I с особой любовью относился к иностранным словам. Его примеру следовало придворное окружение. В глазах царя это было свидетельством поддержки реформ и показателем политической благонадежности. Отказ от употребления лексики иноязычного происхождения восприняли бы как откровенный вызов власти»[374].

В. В. Виноградов писал о том, что преимущественно из польского и немецкого языка «кроме варваризмов, связанных с реорганизацией государственного управления, военного и морского дела, проникает в русский язык XVIII в. множество технических слов, относящихся к инженерному и горному делу, к "градостроительному художеству", […] к разным видам "мастерства", ремесел»[375]. С усилением, в начале XVIII в., немецкого влияния, частичным изменениям подверглась и лексика книгопечатного дела, заимствованная в XVI–XVII веках из итальянского языка. Поэтому мы не случайно обращаемся к немецкому языку, чтобы проследить интенсивность употребления в нем слов, связанных с ремеслом: Примерно на 1700 год приходится резкий спад, а затем, примерно с 1710 по 1740 гг., рост частотности употребления слова «ремесло» в немецком языке (см. диагр. 3).

Из графика видно, что среднестатистическая частотность употребления слова (das) Handwerk (ремесло) в немецком языке на 1 млн. токенов[376] в 1600–2000 гг. составляет 16,80 и коррелирует с развитием немецкого ремесла и промышленности. В XVII в. наблюдается стабильный рост частотности его употребления с 21.20 (32 упоминания в абсолютных числах) до 25.86 токенов (100 упоминаний) (+4.66 токена) (1600–1699). К началу XVIII в. число несколько снижается до 20.76 (95 упоминаний) и к концу века опускается до 17.00 токенов (154 упоминания) (–3.76 токена) (1700–1799), но показательно, что до 1789 г. число токенов «ремесла» в 21.28 (150 упоминаний) остается стабильным. После 1789 г., видимо из–за эпохи политической нестабильности и войн в Европе и роста влияния мануфактур, наступает статистическое снижение и стагнирование слова «ремесло», продолжавшееся до конца 1830–х гг.

---

[371] Виноградов В. В. Очерки по истории русского литературного языка XVII–XIX веков. М., 1982. С. 63.

[372] Там же, с. 66.

[373] Там же, с. 63–64.

[374] Шамин С. М. Россия после Петра I: реакция на преобразования в области языка (по материалам Коллегии иностранных дел) // Русский язык и литература во времени и пространстве: Сборник научных статей и докладов. К 45–летию Государственного института русского языка имени А. С. Пушкина. М., 2011. С. 181.

[375] Виноградов В. В. Очерки по истории русского литературного языка… С. 61.

[376] Понятие токена применяется в информатике для проведения лексического анализа, во время которого происходит аналитический разбор входной последовательности символов с целью получения на выходе последовательности символов, называемых «токенами» (подобно группировке букв в словах). При этом, группа символов входной последовательности, идентифицируемая на выходе процесса как токен, называется лексема, т. е. в процессе лексического анализа производится распознавание и выделение лексем из входной последовательности символов.

(14,94 токена и 43 упоминания). С началом промышленного переворота 1840–х гг. и последовавшей индустриальной революцией в Германии частотность упоминаний с 1800 до 1899 г. значительно возрастает с 16.70 до 25.81 токенов (+9.11)[377]. Симптоматично – когда фабрика «обошла» ремесло в 1830–е гг. (12.52/15.90), она «потянула» его за собой[378]. Данная корреляция характерна и для России и соответствует всеобщей тенденции как для немецкого, так и для российского ремесла, динамика роста которых совпадает с начавшимся в этих странах примерно с середины XIX в. промышленным переворотом, соответствовавшем специфике развития России (с небольшим запозданием по сравнению с Германией) и Германии (с первоначальным значительным отставанием от Англии)[379].

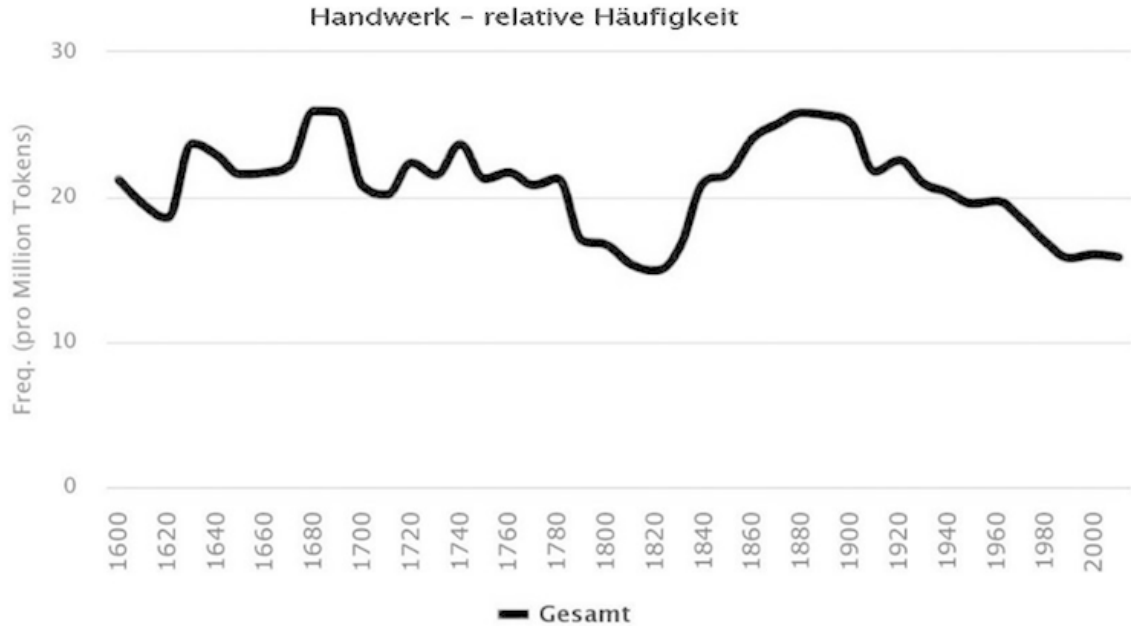

Диаграмма 3: Среднестатистическая частотность употребления слова «Handwerk» (ремесло)[380].

Не следует преувеличивать роль книги в культурном, научном и технологическом трансфере в XVIII в., особенно среди ремесленников. Из 1301 перевода книг этого столетия, основная часть приходится на литературу историко–географического, морально–политического и религиозного характера, в то время как на область науки и техники всего лишь четыре публи-

---

[377] См.: Hahn H.–W. Zwischen Fortschritt und Krisen…

[378] DWDS. Fabrik. URL: https://www.dwds.de/wb/Fabrik (дата обращения: 10.02.2017).

[379] Проблематика промышленного переворота в России дискутировалась советскими историками в связи с расхождениями по вопросу периодизации перехода от феодализма к капитализму. С. Г. Струмилин относил промышленный переворот, т. е. переход от мануфактурного к крупному машинному производству, на 1820–1850– е гг. Н. М. Дружинин и И. Д. Ковальченко тендировали к более позднему времени 1850–х – конца 1880–х гг. Л. В. Милов и Н. И. Цимбаев выбрали компромиссный вариант, датировав время промышленного переворота с 1820– х по 1880–е гг., «когда закончилась техническая и социальная перестройка уральской горнозаводской промышленности, которая целиком была построена на крепостном труде. […] Однако ручной труд продолжал практически полностью господствовать на российских мануфактурах вплоть до 1840–х гг., когда резко увеличился ввоз в страну машин и станков». По словам авторов, в 1840–1850–е гг. начинается процесс вытеснения мануфактуры фабрикой, проходивший в разных регионах крайне неравномерно (История России XVIII – XIX веков / Л. В. Милов, Н. И. Цимбаев; под ред. Л. В. Милова. М., 2006. С. 403; Волков В. В. Спор о русской промышленности XVIII – первой половины XIX века: два проблемных вопроса отечественной историографии // Вестник Челябинского государственного университета // 2007. № 3. С. 115–122).

[380] Das Wortauskunftssystem zur deutschen Sprache in Geschichte und Gegenwart: DWDS. Handwerk. URL: https://www.dwds.de/Handwerk (дата обращения: 15.02.2017).

кации[381]. Гораздо важнее был практический опыт общения и обучения российских учеников не только у иностранных мастеров в России, но и за рубежом[382].

Посмотрим, как практика применения понятия «художества и ремесла» отразилась в законодательных актах. Исследователи из различных научных дисциплин давно подчеркивали значение петровских реформ, за которыми «стоят глубокие перемены в области народного образования, просвещения, всей духовной и материальной культуры России – образа мыслей, круга ведущих идей, интересов, форм быта», с одной стороны[383]. С другой, несмотря на эпохальные изменения на заре возникновения российского промышленного законодательства в 1–й четверти XVIII в., хорошо видна историческая преемственность слов «ремесленник», «ремесло», «мастер» и «мастерство», применявшихся в Древней Руси и Московском государстве (старославянское, древнерусское «ремьство» или «ремество» как умение, способность, также рукоделие)[384].

Практика применения и связь «наук и искусств», а значит «ремесел и художеств» хорошо прослеживается в законодательных актах петровского времени. В «Регламенте или уставе Главного Магистрата» 1721 года для обозначения ремесленников употребляются такие слова и выражения, как «художники и ремесленные люди», занимающиеся промыслами (отсюда еще один синоним ремесленника – промышленник) и живущие в городах «для художества или какого рукоделия»[385]. Здесь также «художество и рукоделие» находятся в одном синонимическом ряду[386]. Именной указ «О цехах» 27 апреля 1722 г. повелевает «в цехи писать ремесленных всяких художеств […], дабы всякий свое рукоделие делал добрыми мастерствы», «…каждое художество или ремесло [имеет] свои особые цунфты (цехи)»[387]. Ремесленники называются как «своего художества ремесленны[е] люд[и]» и «художники». 16 июля того же года в дополнение к этому вышел сенатский указ «о записке в цехи мастеровых и ремесленных людей из купечества и из разночинцов, дворовых и приказных людей»[388].

Приведем еще два законодательных акта, опубликованных 3 декабря 1723 г., где понятия «цехи», «мануфактуры», «фабрики», «машины», «инструменты», «науки», «художества, «искусство» употребляются или в одном синонимическом ряду или в родственном смысловом поле. В Регламенте Мануфактур–Коллегии находим понятия и выражения «мануфактуры и фабрики», «куриозные художества», «искусные мастера», а в именном указе ученики должны посылаться в «чужие краи» «для вкоренения мануфактур и фабрик и для искусства художества» и обучаться там «мануфактурному искусству».

«Художествами» могли называть и другие «искусства»: научную дисциплину, военное дело или механику. В одном из указов 1724 г. говорилось об обучении переводчиков следующим «художествам»: «математическое хотя до сферических триангулов, механическое, хирур-

---

[381] Бугров К. Д., Киселев М. А. Естественное право и добродетель. Интеграция европейского влияния в российскую политическую культуру XVIII века. Екатеринбург, 2016. С. 21.

[382] Биржакова Е. Э., Войнова Л. А., Кутина Л. Л. Очерки по истории лексикологии русского языка XVIII в. Языковые контакты и заимствования. Л., 1972. С. 28–29; Пронина И. А. Декоративное искусство… С. 14–15.

[383] Биржакова Е. Э., Войнова Л. А., Кутина Л. Л. Очерки по истории… С. 31.

[384] Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 22. 1982. С. 37–38; Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 7. 1997. С. 143, 250; Фасмер М. Этимологический словарь… Т. 3. … 2003. С. 468–469.

[385] Слова *ремесленник* и *рукоделие* находятся для В. Н. Татищева в одном синонимическом ряду (Экономические записки В. Н. Татищева… С. 412–414).

[386] ПСЗ–1. Т. 6. № 3708: *Регламент или устав Главного Магистрата*. С. 292–293, 295.

[387] ПСЗ–1. Т. 6. № 3980: Именной указ. – *О цехах.* С. 664–665; Слово *цех* происходит от ср.–в.–нем. zëch, zëche, означавшее «объединение лиц одного сословия». Русское и украинское слово *цех*, заимствовано, вероятно, из польского *cech* (Vasmer M. Russisches etymologisches Wörterbuch. Bd. 3. Heildelberg: Carl Winter Universitätsverlag, 1958. S. 291); 27 апреля по старому стилю. Далее даты в тексте и в примечаниях указываются по старому стилю. Разница между Юлианским (принятым до 1918 года в России) и Григорианским (принятым в Европе) календарями составляла 11 дней в XVIII веке, 12 дней в XIX в. и 13 дней в XX в.

[388] ПСЗ–1. Т. 6. № 4054: Сенатский, в дополнение указа 1722 года апреля 22. – *Записке в цехи*. С. 746.

гическое, архитектур, цивилис, анатомическое, ботаническое, милитарис, гидроика и прочие тому подобные»[389]. Также говорилось «о выписывании для фабрик инструментов и машин», где под фабрикой и фабрикантом нередко скрывался никто иной, как ремесленный мастер. Предписывалось более строго наблюдать за выполнением иностранными мастерами взятых на себя обязательств по обучению русских учеников: «… иноземцы мастеры будучи в фабриках, и отжив сроки, отъезжают в отечество, а по себе учеников без совершенства науки их оставляют». Законодатель задавался вопросом, «не имеют ли [иностранные мастера] при цехах, отколь выехали, присяжного обязательства, чтобы иностранных им не обучать». По возвращении на родину, бывшим ученикам обещалось давать привилегии «по разсмотрению их науки», т. е. соответствующего ремесла[390].

Кроме цеховых мастеров и городских ремесленников, как правило мещанского сословия, существовала еще одна категория ремесленников, прибывавших в Петербург из других городов и регионов. Ремесленники из крестьянского сословия относились, в основном, к строительным профессиям столяров, плотников, каменщиков, штукатуров, маляров, шлифовщиков и резчиков камня и пр. К ним применялось понятие «мастеровых или работных людей», определявшихся как на государственные и частные мануфактуры, так и в работу к ремесленным мастерам[391].

В 1722 г., с введением цехов, происходит знаменательное и принципиально важное событие. Новые слова и представления входят в русский жизненный мир, превращаясь в действия и осмысленные поступки. С цехами появляется иная концепция развития русской промышленности и профессионального образования, иной горизонт событий. Начинает формироваться социальный слой ремесленников с осознанием принадлежности к единой профессиональной группе, а с городской реформой 1785 года – и принадлежности к одному сословию, одной влиятельной социальной группе[392]. С этим новым институтом в российской профессиональной культуре прописываются на постоянное проживание новые модифицированные понятия цехового профессионального кодекса поведения, этоса цехового мастера и корпоративной солидарности. Выскажем предположение, что со строительством Петербурга происходит повышение статуса ремесленника: от мастерового к цеховому мастеру, мастеру на казенном предприятии, руководящему мастеровыми людьми[393].

Таким образом, происходит расширение понятия ремесленного мастера, и как артиста своего дела, и как специалиста и профессионала, получившего диплом или патент, подтверждающий его статус. Трудно переоценить роль патентов в защите и продвижении ремесленных инноваций[394]. Традиционная система ремесленного обучения Древней Руси и Московского государства дополняется и модифицируется новой, практикующейся у цеховых мастеров, в мастерских Академии наук и на государственных предприятиях мануфактурного типа. Это хорошо видно на примере петербургского Главного Адмиралтейства с необычной структурой профессиональных кадров. В 1715 г. здесь имелось, кроме 70 мастеров, 12 подмастерьев и 48 учеников, еще 3953 мастеровых, поступавших, по всей вероятности, в распоряжение мастеров[395].

---

[389] ПСЗ–1. Т. 7. № 4438: Именной. – *О приготовлении переводчиков книг обучением их художествам* . С. 217.

[390] ПСЗ–1. Т. 7. № 4378: *Регламент Мануфактур–Коллегии*. С. 167–170; № 4381: Именной. – *О посылке в чужие краи учеников для обучения мануфактурному искусству …* С. 181–182.

[391] ПСЗ–1. Т. 5. № 3142: Именной. – *О взятии свидетельств мастеровым людям*. С. 531.

[392] См.: Schmidt Ch. Über die Bezeichnung der Stände (sostojanie – soslovie) in Rußland seit dem 18. Jahrhundert // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas.* Neue Folge. 1990. Bd. 38. H. 2. P. 199–211.

[393] ПСЗ–1. Т. 7. № 4442: *Высочайшие резолюции на докладные пункты подполковника Вырубова* . С. 219; Пронина И. А. Декоративное искусство…. С. 11.

[394] См.: Knoblauch H. Kommunikatives Handeln, das Neue und die Innovationsgesellschaft // Rammert W., Windeler A., Knoblauch H. und Hutter M. (Hg.). Innovationsgesellschaft heute: Perspektiven, Felder und Fälle. Wiesbaden: VS. S. 111–133.

[395] Материалы для истории русского флота Ч. 3. СПб., 1866. Ч. 3. С. 154–155, 265, 280.

Поиск новых производственных и организационных форм ремесла был связан с неудовлетворительным состоянием массовых и специальных ремесел. И. Т. Посошков в «Книге о скудости и о богатстве» (1724), говоря о плохом состоянии ремесла в России, по причине отсутствия надлежащего управления и надзора, неполного ремесленного образования, ввиду раннего отхода учеников от мастера, и отсутствия клеймения ремесленной продукции, назвал именно те задачи, которые и должны были решить цехи. В главе «О художестве» он называет ремесленников «мастерами» и «художниками», а ремесла – «мастерствами», «художествами», «художественными делами» и «художественными мастерствами», в которых «весьма деется у нас в Руси неисправно»[396].

Основание Петербургской Академии наук в 1724 г. имело длинную предысторию и являлось важной вехой в истории городского ремесла[397]. Ведь семантика слов «художества и науки» того времени близка к ремеслу. В «Высочайшей резолюции на мемориал иноземца Фика» от 11 июня 1718 г. постановлено «сделать Академию», чтобы, среди прочего, «из детей искусных купеческих людей художников, ремесленников […] получить могли»[398]. В некоторых случаях понятие «наука» может рассматриваться даже как синоним понятий «ремесло» и «художество». В 1717 г. из России в Амстердам отправляются 34 человека «для устройства "в разные науки" в Голландии, Англии и Франции»[399]. На самом деле, большинство из них специализировалось, к примеру, не в математике, физике или нравоучительной философии – классических точных, естественных или гуманитарных науках, а в ремеслах из области декоративного искусства и кораблестроения. Поэтому нельзя согласиться с Ю. Х. Копелевич, склонной видеть в Академии наук изначально узкоспециальное научное (академическое – академики) и образовательное (гимназия и университет – профессора) учреждение в современном понимании значения слова «наука»[400]. Д. Вуттон делает в данном контексте ценное указание на то, что «термин "наука" в современном значении ("интеллектуальная и практическая деятельность, охватывающая те области исследований, которые связаны с явлениями физической Вселенной и их законами") впервые встречается в 1779 г.», что подтверждает наш тезис о типичной близости в языковых практиках того времени понятий «ремесла» и «науки»[401].

---

[396] Посошков И. Т. Книга о скудости и о богатстве и другие сочинения. Ред. и ком. Б. Б. Кафенгауза. М., 1951. С. 17, 139–150; См. также в «О царском интересе» и «Аще кто восхощет», где ремесленники названы «художниками» и «художими» (Там же, с. 203, 275).

[397] В научной литературе принято написание «Академия наук и художеств», хотя первоначально, согласно проекту, она называлась коротко (петербургская) Академия наук. Поводом для такого написания явился контекст возникновения Академии, когда часто говорилось и писалось, в том числе в Проекте академии, о «науках и художествах», а также сама структура и наполнение Академии, где были представлены науки, искусства, ремесла и университет с гимназией. Такой смешанный формат не был характерен для европейских академий. Можно предположить, что основатели российской Академии наук хотели подчеркнуть ее сходство с научными академиями в Европе, основанными ранее в XVII – нач. XVIII века. Старейшими являлись: Национальная академия деи Линчеи в Риме, основанная в 1603 г.; Королевское общество в Великобритании, созданное в 1660 г.; Французская Академия наук, основанная в 1666 г. Она называлась также Королевская или Парижская Академия наук; В 1700 г. основано Курфюршеское Бранденбургское научное общество, переименованное в 1701 г. в Королевское Прусское научное общество, а в 1744 году в Королевскую академию наук. Эта академия основана при активном участии Готфрида Лейбница, ставшего её первым президентом; См. об отношениях с Французской Академией наук: Мезин С. А. Пётр I во Франции. СПб., 2015. С. 204–210.

[398] ПСЗ–1. Т. 5. № 3208: *Высочайшая резолюция на мемориал иноземца Фика*. С. 574; см.: Прокопенко Я. И. Генрих Фик и процесс интернационализации российской политической элиты в первой половине XVIII в. // Правящие элиты и дворянство России во время и после петровских реформ (1682–1750) / ред. Н. Н. Петрухинцев, Л. Эррен. М., 2013. С. 149–177; Он же. «Политический инженер» Генрих фон Фик и феномен реформ Петра I // Феномен реформ на западе и востоке Европы в начале Нового времени (XVI–XVIII вв.) / ред. М. М. Кром, Л. А. Пименова. СПб., 2013. С. 323–337.

[399] Пронина И. А. Декоративное искусство… С. 14–15; Процессы инновационной диффузии и заимствований был характерен, кроме России, и для других европейских стран. См.: Davids K. The transfer of technology between Britain and Netherlands, 1700–1850, in J. R. Bruijn and W. F. J. Mörzer Bruyns eds. Anglo–Dutch Mercantile Marine Relations 1700–1850, Amsterdam/ Leiden, 1991. Pp. 7–24.

[400] Копелевич Ю. Х. Основание Петербургской академии наук. Л., 1977. С. 56.

[401] Вуттон Д. Изобретение науки… С. 29.

Учитывая активную роль Лейбница в продвижении идеи учреждения Академии наук в России, логично предположить, что немецкая формулировка Академии в Берлине: Königlich Preußische Sozietät der Wissenschaften (Королевское Прусское научное общество), совместно с пониманием того, какие практики она подразумевала, благополучно перешла в русский язык, принеся с собой уникальный формат этой Академии, впервые целенаправленно объединившей естественные и гуманитарные науки под одной крышей. Не менее важным фактором влияния являлись интенсивные связи с французской Академией наук (Académie des sciences и Académie française) в Париже. Поэтому есть все основания говорить об удачном синтезе в русском варианте двух названий: французской *академии* наук и немецких *наук*.

О практической связи Академии наук с ремесленными «науками и искусствами» говорит Ю. Х. Копелевич, указывая на важность идеи практической «пользы» в концепции Академии. Кроме «обязанности академиков заботиться "о совершенстве художеств и наук" и обучать юношество», к их практическим функциям относилась также забота о пользе для «вольных художеств и мануфактур» в целях внедрения «удобных машин» и «исправления инструментов»[402]. Для этого при Академии устраивались ремесленные мастерские и имелись механики, обязанные вместе с членами Академии производить экспертизу технических изобретений и принимать экзамены на звание мастера, причем ученые обязывались, кроме своих специальных научных интересов, производить научные исследования по практическому применению своих изобретений[403].

Когда же появляется в русской языковой и символической практике эта философская и мировоззренческая греко–римско–европейская традиция существования ремесла в одном смысловом поле с наукой и искусством? Точной даты указать невозможно, ввиду специфики взаимодействия культур, как в большей или меньшей степени открытых систем, многовекторности взаимодействия и огромного множества одномоментных контактов. Одним из таких важных контактов или событий, подготовленных многими годами переписки и проектов, явился указ Петра I от 1 ноября 1712 г., подписанный им в Карлсбаде (чеш. Карловы Вары) после очередной встречи с Г. В. Лейбницем: «[…] Готфрида Вильгельма фон Лейбница […] в наши тайные юстиц раты определить и учредить, […] чтоб *науки и искусства* [курсив автора. В немецком варианте *искусства* и *науки*. – *А. К.*] в нашем государстве ввящей цвет произошли, употребить»[404]. Показательно, что в петровском указе дословно воспроизведена формулировка Лейбница из немецкого оригинала его проекта указа, который ему было поручено составить самим Петром: «[…] so sind wir auch entschlossen Uns Seiner zu dem habenden grossen Zweck, die Studien *Kuenste und Wissenschaften* [курсив автора. – *А. К.*], in unserem Reich mehr und mehr fol riren zu machen, zu bedienen»[405]. Первая встреча государя с немецким ученым произошла в 1711 г. в Торгау, затем в Карлсбаде и Бад–Пирмонте (1716)[406].

---

[402] ПСЗ–1. Т. 7. № 4443: *Об учреждении Академии*… С. 221.

[403] Копелевич Ю. Х. Основание… С. 159–160; Данная практика была общей для европейских академий того времени (Раскин Н. М. К истории ролла // АИНТ. Вып. 6. М.–Л., 1935. С. 119, 134).

[404] Готфрид Вильгельм Лейбниц. Сборник писем и мемориалов Лейбница, относящихся к России и Петру Великому. Москва, 2013. С. 269–270.

[405] Копелевич Ю. Х. Основание… С. 269; Еще раньше, 1 октября 1715 г. была опубликована Инструкция Морской Академии в Санкт–Петербурге (Веселаго Ф. Ф. Очерк истории морского кадетского корпуса с приложением списка воспитанников за 100 летъ. СПб., 1852. С. 40–41; ПСЗ–1. Т. 5. № 2937).

[406] Шиппан М. Путешествие Петра I по немецким землям в 1716–1717 годах // Европейские маршруты Петра Великого: К 300–летию визита Петра I во Францию / Сост. Д. Ю. Гузевич, А. В. Кобак, М. В. Петрова. Пер. с нем. И. Б. Микиртумова. Материалы IX Международного петровского конгресса. Париж–Реймс, 20–22 апреля 2017 года. СПб., 2018. С. 52; Масса–Эстеве М. Р. Встречи Петра I и Лейбница в 1711, 1712 и 1716 годах // Европейские маршруты Петра Великого: К 300–летию визита Петра I во Францию… С. 280–291; Во время пребывания Великого посольства в ганноверском замке Коппенбрюгге (die Burg Coppenbrügge) в августе 1697 г. Лейбницу удалось со стороны наблюдать посольство, возможно и самого Петра, находившегося в нем инкогнито: «Wir haben sie im Vorbeigehen in der Nachbarschaft gesehen» (Guhrauer G. E. Gottfried Wilhelm Freiherr v. Leibnitz, eine Biographie. Zwei Theile. Breslau, 1846. Tl. 1. S. 272); Коппенбрюгге (нем. Coppenbrügge) – коммуна

Назначение Лейбница имело 15–летнюю предысторию. Уже в его записке Петру, составленной в 1697 г., ученый говорит о необходимости основания центрального учреждения для наук и художеств. В записке на имя Петра, посланной в 1708 г. русскому посланнику Урбиху в Вене, Лейбниц, говоря о «необходимо[сти] учреждения особенной влиятельной коллегии» и имея ввиду Академию наук, называет необходимых в ее ведении «художник[ов] и ремесленник[ов] с их произведениями»[407]. Позднее именно этот формат и был реализован[408].

Для этого имелись все необходимые предпосылки. Политика меркантилизма предполагала развитие промышленности и торговли для создания положительного торгового баланса, т. е. преобладания вывозимой произведенной продукции над ввозимыми товарами[409]. Приглашаемые ремесленные мастера были именно теми специалистами, которые должны были обучить своим ремеслам российских учеников и основать «фабрики, заводы и мануфактуры», т. е. развить «промышленность». Особым в этом развитии являлось то, что преобладал не торговый капитал: инвестором выступало как правило государство, ссужая предпринимателей или отдавая им уже построенные предприятия, а человеческий и профессиональный.

Серьезное увлечение Петра I ремеслами было вполне в духе универсального барочного времени, так как науки, искусства и ремесла существовали пока еще в некоем симбиотическом целом, а их специализация произошла позже. Французский король Людовик XIII (1601–1643) владел не меньшим количеством ремесел, кроме того был неплохим каретником, кучером и отменным кулинаром[410]. Первое непосредственное знакомство с науками, художествами и ремеслами Петра I в Западной Европе произошло во время Великого посольства 1697–1698 гг., где он, кроме изучения кораблестроения и связанных с ним ремесел, посетил Королевскую Академию в Лондоне, университеты в Лейдене, Оксфорде, Галле и Лейпциге[411]. В. О. Ключевский описывал результаты первого путешествия монарха за границу следующим образом: «Вслед за Петром в 1698 г. в Россию наехала пестрая толпа всевозможных художников, мастеров и ремесленников, которых Петр за границей пригласил на свою службу; в одном Амстердаме он нанял до тысячи разных мастеров и ремесленников»[412]. Вызываются не только мастера из–за границы, туда посылаются русские ученики: «… русские люди по распоряжению правительства учились всюду за границей всевозможным искусствам и мастерствам, начиная с "филозофских и дохтурских" до печного мастерства и до искусства обивать комнаты и убирать кровати»[413].

После побед в Северной войне и второго большого путешествия Петра I в Западную Европу в 1716–1717 гг. все больше обозначается гражданский реформистский тренд, в котором ученые вкупе с ремесленниками или специалистами играют важную роль «умных голов» и «умных рук» профессионалов для претворения петровских проектов в жизнь[414]. Еще перед

в Германии, в земле Нижняя Саксония. Входит в состав района Хамельн–Пирмонт земли Нижняя Саксония. Этот замок не следует путать с населенным пунктом Коппенбрюк (Koppenbrück), входящим в коммуну Церниц–Лом в земле Бранденбург.

[407] Копелевич Ю. Х. Основание… С. 33–34.

[408] Сам Лейбниц уделял пристальное внимание развитию «искусства, мануфактур и ремесел» (Kunst und Gewerbe). В 1673 г. ученый находился в Париже – «галантерейной столице» («die Metropolitane der Galanterie») Европы, где он близко знакомится с «хорошими ремесленниками» («eine Menge guter Handwerker»), чтобы узнать побольше их секретов. На это есть свои причины, так как в это время Лейбниц занимался конструированием арифмометра – машины, выполняющей четыре арифметических действия. (Guhrauer G. E. Gottfried Wilhelm Freiherr v. Leibnitz… S. 114).

[409] См., напр.: Павленко Н. И. Петр Великий… С. 674.

[410] Глаголева Е. Повседневная жизнь Франции в эпоху Ришелье и Людовика XIII. М., 2007. С. 77–78; См. о европейском влиянии на Петра I: Петрухинцев Н. Раннее европейское влияние на Петра I: Патрик Гордон и Франц Лефорт в конце XVII в. // Quaestio Rossica. Vol. 5. 2017. № 1. С. 198–218.

[411] Копелевич Ю. Х. Основание… С. 20–21; См.: Гуськов А. Г. Великое посольство Петра I в исторической науке // История и историки: историогр. вест. / Ин–т рос. истории / отв. ред. А.Н. Сахаров. М. 2005. С. 82–104.

[412] Ключевский В. О. Русская история. Полный курс лекций. Т. 3. М.; Минск, 2002. С. 41.

[413] Там же, с. 42.

[414] «Вновь, как и во время первого путешествия, агенты Петра привлекали на службу царю иностранных специалистов,

поездкой царя в Западную Европу, 15 апреля 1716 года герцог д'Антен и кардинал Дюбуа скрепили своими подписями список специалистов, желавших выехать из Франции в Санкт–Петербург, среди них – множество мастеров: три каменотеса, один каменщик, один плотник, два машиниста–гидротехника, три слесаря, один литейщик, два ювелира, один мастер по изготовлению футляров, четыре ковровщика и пять красильщиков шерсти и шелка. Кроме того, в этом году отдельно наряду с художниками, архитекторами, садовниками и скульпторами приглашены один гравер, один ковровщик, один литейщик, четыре скульптора по дереву и один каретный мастер: «Заботы о нанятых мастерах не сходили со страниц царских писем 1716 года»[415].

Во время пребывания в Париже в 1717 г., «Пётр часами проводил в литейных, мастерских плотников и столяров, выспрашивал подробности у мастеров, порой сам брался повторить то, что делали они, будь то чеканка медалей, плетение ковра на знаменитой фабрике гобеленов или на фарфоровой мануфактуре в Севре»[416]. В этом же году Петр побывал в Голландии, где участвовал в приемке кораблей на верфях Саардама и Амстердама. В июле 1717 года вместе с ним на голландских верфях работал известный кораблестроитель Филипп Пальчиков.

Из Западной Европы в Петербург едут ученые, архитекторы, художники, ремесленники. Постепенно созревает и оформляется идея создания Академии, включающей в себя Академию наук, будущую Академию художеств, университет с гимназией и технические науки, *вкупе* с ремеслами. В этой связи понятно поручение Петра И. Д. Шумахеру, во время поездки 1721 г. по Германии, Франции, Англии и Голландии, кроме приглашения для работы в России видных европейских ученых, нанять в Англии слесаря и купить «книгу о всех художествах и протчие новые издания»[417].

Новый формат Петербургской академии наук создавался Петром интуитивно или сознательно как гибридная конструкция, интегрирующая в себя как фундаментальные теоретические исследования, так и их практическое применение для развития (ремесленной) промышленности. Ремесленные мастерские при Академии являлись тем, что сегодня получило бы название конструкторского бюро или экспериментальной лаборатории, где совмещались теория и практика[418]. Здесь суммировался весь опыт прошлого по организации уникальной Академии. Ведь у Г. В. Лейбница в свое время не было такой возможности обратиться к инструментальных дел мастерам за советом, и в 1673 г. он вынужден был ехать в Париж, чтобы там высматривать секреты мастеров механических ремесел для постройки своего арифмометра.

Другой типичный пример той эпохи – личность ученого гидрографа и математика, члена Королевского общества Джозефа Моксона (1627 – 1691), сына английского печатника, сочетавшего в себе ученого теоретика и практика, сведущего в различных «ручных работах» (Handy–Works) или ремеслах: «в кузнечном деле, в литейном, в столярном, в токарном,

---

однако уже не кораблестроителей и инженеров, а архитекторов, художников, скульпторов, ковровщиков, мебельщиков, ювелиров, ученых» (Вагеманс Э. Петр Великий в Бельгии. СПб., 2007. С. 26).

[415] Петр «велел Меншикову принять французских мастеров "с ласкою", "отвесть им квартиры"» (Мезин С. А. Пётр I во Франции… С. 170); Во время своего нахождения в Париже, Петр не изменяет своим привычкам, и кроме официальных приемов при дворе, визитов в Парижскую Академию наук, Арсенал, Ботанический сад, Аптекарский дом, на мануфактуры и пр., так же, как и во время своего первого большого путешествия по Европе, при первом удобном случае посещает ремесленников: 15 мая, в субботу, «царь взял наемную карету и отправился осматривать множество любопытных вещей у мастеровых» (О пребывании Петра Великого в Париже в 1717 г. Из записок герцога де Сен–Симона // Петр Великий: Воспоминания. Дневниковые записи. Анекдоты / [Сост., вступ. ст., с. 5–50, и примеч. Е. В. Анисимова]. СПб., 1993. С. 146; Мезин С. А. Петр I во Франции… С. 166–211).

[416] Анисимов Е. В. Спасибо, государь! // Европейские маршруты Петра Великого: К 300–летию визита Петра I во Францию… С. 15.

[417] Летопись Российской Академии наук. Т. 1, 1724–1802 / отв. ред. Н. И. Невская. СПб., 2000. С. 24; Задание по закупке и привозу книг было обычной практикой того времени при поездках в Западную Европу (Бугров К. Д., Киселев М. А. Естественное право и добродетель… С. 83).

[418] Данилевский В. В. Нартов и «Ясное зрелище машин». М.–Л., 1958. С. 72, 76.

граверном, в тиснении, рисовании, книгопечатании, печатании картин, производстве глобусов и карт, математических инструментов и т. д.»[419]. Ученый является автором трехтомного труда с характерным названием «Механические упражнения или доктрина ручного труда», посвященного «искусствам» кузнечному, плотничному, столярному, токарному и кирпичной кладки[420]. Глубоко символично, что у Петра имелся карманный глобус в серебряном футляре, сделанный руками этого ученого–мастера[421].

Обратимся к важным наблюдениям историка науки и техники И. А. Ростовцева о взглядах Моксона, так как это дает ключ к пониманию роли ремесла в организации Петербургской Академии наук и того типа, который представлял собой ученый «барочного» склада: универсал теоретик и практик в (механических) ремеслах и прочих «искусствах». Скажем более, после Леонардо да Винчи это было делом «обычным», когда ученый совмещал в себе научные и практические занятия, самые различные упражнения в «науках и ремеслах». Такие ученые создавали условия для того, чтобы научная революция раннего Нового времени состоялась. Во введении Моксон говорит о том, что «всем хорошо известно, сколь много есть джентльменов этой нации, высокого положения и благородства, сведущих в ручной работе»[422]. Что особенно ценно для нас, автор говорит о связи наук и ремесел. Без геометрии, как утверждает Моксон, не было бы ремесел, а астрономии без ручного труда, производящего астрономические инструменты. Но сам же автор опровергает себя, говоря, что ремесла появились вместе с появлением человека, с чем вполне можно согласиться, но безусловно, к тому времени геометрия как наука, в отличие от ремесел, еще не существовала.

Не будем заниматься бесплодными спорами о том, что было раньше – яйцо или курица. И ремесло, и основы геометрии являются специфическими знаниями и умениями, сформировавшимися на протяжении долгого времени, причем эти знания зачастую невозможно разделить, так как они дополняли и обусловливали друг друга: чтобы построить египетские пирамиды, необходимо было, кроме воли фараона, иметь ремесленников, обладавших практическими знаниями, и жрецов, владевших основами математики и геометрии. Моксон указывает на рассуждение лорда Бэкона о важности ремесел для философии, которая без них не могла бы быть улучшена, так как экспериментальная философия «скрывается среди последних», а также потому, «что ремесла могут быть улучшены философами»[423].

Из этого примера видно, каким образом мог функционировать механизм трансфера западноевропейских понятий, представлений, концепций и социальных инноваций в Россию, и с помощью каких заимствований и новаций страна вписывалась в общеевропейский контекст. Ведь связка «науки и искусства» не могла существовать в Московском государстве, где *раздельное* употребление этих слов имело иной контекст и практику бытования. Имплицитно новая традиция «ремесел и художеств», являющихся теперь частью понятий науки и искусства, получает свое вхождение в российский лексикон и повседневную практику применения, именно в своеобразной комбинации западноевропейских коннотаций и древнерусской традиции.

Лейбниц так и не смог реализовать свои далеко идущие планы по основанию Академии наук в Петербурге, а в более широком контексте и по созданию моста между Европой и Азией посредством России, но влияние его идей очевидно[424]. К примеру, в своей речи при спуске

---

[419] Moxon J. Mechanick Exercises: Or, The Doctrine of Handyworks Applied to the Art of Printing. London, 1677–1678. Preface.

[420] Там же.

[421] Ростовцев И. А. Руководства по токарному искусству в XVIII в. // АИНТ. Вып. 6. М./ Л., 1935. С. 140; Об Иване Александровиче Ростовцеве см.: Дмитриев А. Н. Институт истории науки и техники в 1932–1936 гг. (Ленинградский период) // ВИЕТ. 2002. Т. 23. № 1. С. 3–36.

[422] Moxon J. Mechanick Exercises… London, 1703. Preface.

[423] Там же; Ростовцев И. А. Руководства… С. 143.

[424] Утверждать о прямом влиянии идей Лейбница на проект основания российской Академии наук нельзя, ввиду ком-

военного корабля в 1714 г. Петр использовал метафору Лейбница о круговороте наук, корреспондирующей с представлениями XVIII в. о цикличности времени: «Историки полагают колыбель всех знаний в Греции, откуда по превратности времен они были изгнаны, перешли в Италию, а потом распространились было и по всем австрийским землям, но невежеством наших предков были приостановлены и не проникли далее Польши; […] Это передвижение наук я приравниваю к обращению крови в человеческом теле, и сдается мне, что со временем они оставят теперешнее свое местопребывание в Англии, Франции и Германии, продержатся несколько веков у нас и затем снова возвратятся в истинное отечество свое – в Грецию»[425].

Таким образом, для Петра учреждение Академии наук в России было логичным, вытекавшим из самой логиги цикличного бега времени[426]. Этот проект «вплетался» в «мировую» (европейскую) историю и был логическим продолжением циркуляции знаний и институтов. После смерти «ганноверского мечтателя» в 1716 г., находится другой продолжатель дела Лейбница, немецкий ученый–энциклопедист, философ, юрист и математик, профессор университетов в Галле и Марбурге, учитель М. В. Ломоносова – Христиан Вольф. Вольф в переписке с И. Д. Шумахером и Л. Л. Блюментростом продолжает говорить об учреждении двух Академий в Петербурге. В своем письме Блюментросту от 11 января 1721 г. он говорит, как об основании Академии наук, так и об Академии художеств и ремесел: «Его царское величество намерился как академию вежделств, так и другую при оной в которых чиновным людям в вежделствах, такожде и другим в художествах и рукоделиях обучатися»[427]. Рассматривая проект Академии наук, Петр сказал Нартову, составлявшему проект Академии художеств, в присутствии Блюментроста, Брюса и Остермана: «Надлежит притом быть департаменту художеств, а паче механическому; желение мое насадить в столице сей рукомеслие, науки и художества вообще»[428].

Именно этим объясняется существование будущей Академии художеств вместе с ремесленными мастерскими многие годы как субструктуры Академии наук и позже ее выделение как самостоятельного культурно–образовательного института. Такое сочетание наук и ремесел должно было способствовать не только развитию «промышленности», но и изобретению «перпетум мобиле» согласно пожеланию Петра, прописанному в обязательствах марбургского профессора Вольфа в 1722 г.[429]

В 1720–1721 гг. намерения Петра I по организации Академии наук транслировали его ближайшие сотрудники лейб–медик, впоследствии первый президент Академии, Л. Л. Блюментрост, царский токарь А. К. Нартов и царский библиотекарь И. Д. Шумахер, осуществлявшие роль коммуникаторов с европейскими академиями наук, в том числе в Берлине и Париже. Известно, что токарных дел мастер Нартов имел к планам создания Академии наук в Петербурге прямое отношение, будучи в разное время с поручениями от Петра I в Берлинской и

плексности и неоднозначности трансфера идей, и, тем более, их адаптации в новых условиях. Но авторитетное мнение немецкого ученого учитывалось в формировании концепций и видения развития «искусств и наук» «по примеру "стран инородних"» (Бугров К. Д., Киселев М. А. Естественное право и добродетель… С. 68, 82, 120). О необходимости дальнейшего углубленного исследования механизмов этого влияния и степени трансформации или адаптации западноевропейских идей и концепций в России см.: Алексеева Е. В., Редин Д. А., Рей М.–П. «Европеизация», «вестернизация»…; См. более подробно о проектах Лейбница и его переписке с Петром I: Копелевич Ю. Х. Основание… С. 27, 32–38.

[425] Ключевский. Петр Великий среди своих сотрудников… С. 401–402; «Циклические представления о мировой процессуальности и времени» происходили из традиции античного миросозерцания о вечном круговращении чувственно–материального космоса (Финогенов В. Н. Время, бытие, человек. Уфа, 1992. С. 161).

[426] См.: Бугров К. Д. «Политическое время» российского XVIII в.: темпоральный аспект политических преобразований в реформаторских проектах Н. И. Панин // Вестн. Том. гос. ун–та. История. 2012. № 4 (20). С. 71–74.

[427] Андреев А. И. Основание Академии Наук в Петербурге… С. 294.

[428] Ключевский В. О. Петр Великий среди своих сотрудников… С. 400.

[429] Андреев А. И. Основание Академии Наук в Петербурге… С. 303; Парижская академия наук перестала рассматривать подобные проекты в 1775 г. (Данилевский В. В. Нартов и «Ясное зрелище машин»… С. 80); См. о более поздних опытах И. П. Кулибина: Каргин Д. И. Perpetuum Mobile И. П. Кулибина // АИНТ. Вып. 6. М.–Л., 1935. С. 187–209.

Парижской Академиях наук[430]. В 1720 г. Нартов проходил в последней «курс математики, механики и различных ремесел: токарного, медалиерного и др.» и привез Петру письмо от библиотекаря Людовика XIV и президента Парижской Академии наук аббата Жана Поля Биньона, побудившее царя заняться вновь вопросом об устройстве Академии наук в России[431]. Нартов занимался также, как сказано выше, проектом создания «Академии разных художеств», который ему удалось отчасти осуществить после 1735 г. в формате «Лаборатории механических и инструментальных наук»[432].

Интересен тот факт, что В. Н. Татищев, в своей аналитической записке «Например представление о купечестве и ремеслах» от 12 мая 1748 г., ссылается именно на его предложение в декабре 1724 года основать Академию наук и *ремесел* (курсив автора. – А. К.) и на составленное лично Петром I расписание «художеств–мастерств», должных преподаваться в ней[433].

В именном указе от 20 января 1724 г. говорилось среди прочего: «О Академии, в которой бы языкам учились, также прочим наукам и знатным художествам»[434]. 22 января 1724 г. в Зимнем дворце в присутствии Петра I состоялось заседание Сената, на котором был обсужден и утвержден «Проект об учреждении Академии», подготовленный будущим первым президентом Академии Л. Л. Блюментростом[435]. По своему содержанию он соединил в себе идеи Петра и его приближенных, высказывавшиеся ранее в различных письмах и записках[436]. Наконец, именным указом, объявленным из Сената 28 января 1724 г., к которому прикладывался «Проект…», была учреждена Академия наук[437]. Указы, изданные во время правления Екатерины I от 23 февраля, 20 ноября и 7 декабря 1725 г. подтверждали и конкретизировали указы Петра об учреждении Академии наук, имея свои предметом приглашение «ученых людей» из–за границы, утверждение Блюментроста в должности президента Академии, а также непосредственно само ее открытие 27 декабря 1725 года.

---

[430] 22 декабря 1717 г. Петр I был избран членом Французской Академии наук (Мезин С. А. Петр I во Франции… С. 205).

[431] Андреев А. И. Основание Академии Наук в Петербурге // Петр Великий: Сборник статей / Под ред. доктора ист. наук А. И. Андреева. М.–Л., 1947. С. 293; Вспомним, что ремесленные мастера того времени были мастерами «широкого профиля», как сказали бы сегодня, и могли далеко выходить за строгие рамки своей профессии. Царский токарь Нартов по прошествии времени стал вникать в архитектурное дело и даже давать советы Петру I. Синтетичность или универсальность знания и отсутствие пока четкого понимания профессиональной специализации позволяло мастеру токарного дела постигать не только искусство токарного мастерства, но и искусство архитектурного дела. То же можно сказать и о мебельных мастерах, отце и сыне Генрихе и Петре Гамбсах, в конце XVIII – начале XIX вв. (см.: Кочеткова Н. Династия мебельщиков Гамбсов в Петербурге // Немцы и немецкая культура в истории Санкт–Петербурга = Die Deutschen und die deutsche Kultur in der Geschichte von Sankt Petersburg : [Сб. по материалам конф. учащихся Школ. центра Гос. Эрмитажа, 24 мая 1997 г.] / Гос. Эрмитаж. [Шк. центр]. СПб., 1997. С. 97–98).

[432] Данилевский В. В. Нартов и «Ясное зрелище машин»… С. 77.

[433] Экономические записки В. Н. Татищева… С. 415; В список Петра I входили следующие представители «художества ремесла»: «живописцы, скульпторы, тушевальщики, граверы, столяры, токари, плотники, гражданские архитекторы, строители мельниц, шлюзов, фонтанов и специалисты по гидравлике, оптики, мастера по математическим инструментам, мастера по медицинским инструментам, слесари, медники, часовщики» (В. В. Пономарева. Академия наук и становление научного знания в России // Общественные науки и современность. 1999. № 5. С. 7; см.: Белявский М. Т. Основание Академии наук в России // ВИ. 1974. № 5. С. 23); см.: Юхт А. И. Государственная деятельность В. Н. Татищева в 20–х – начале 30–х годов XVIII в. / Отв. ред. А. А. Преображенский. М., 1985; Он же. Поборник новой России: Василий Никитич Татищев // Историки России. XVIII – начало XX века / Члены редколлегии: М. Г. Вандалковская, Р. А. Киреева, Л. А. Сидорова, А. Е. Шикло; Отв. ред. чл.–кор. РАН А. Н. Сахаров; Институт российской истории РАН. М., 1996. С. 6–27.

[434] ПСЗ–1. Т. 7. № 4427: … *о Академии ученья языкам*. С. 207.

[435] Павленко Н. И. Петр Великий. М., 1998. С. 675–676.

[436] В приглашении Блюментроста к Якобу Герману от 27 декабря 1723 г. тот ссылается на решение царя «основать академию для взращения художества и наук» (Летопись Российской Академии наук… С. 25); В 1713 г. по поручению Петра бароном Генрихом фон Гюйссеном были составлены проекты создания ученых коллегий, но активизировался процесс по созданию Академии наук лишь после избрания Петра в 1717 г. членом Парижской Академии наук.

[437] Название «Проект об учреждении Академии наук и художеств» дано документу в научной литературе, оригинальная же рукопись «Проекта» с дополнениями и исправлениями, сделанными на полях собственноручно Петром I, заглавия не имеет (Летопись Российской Академии наук… С. 25). Устав Академии так и не был составлен и им служил данный проект.

При Академии наук учреждаются мастерские или «палаты». В 1726 г. приезжает саксонский пастор из Добрюнна, что недалеко от Виттенберга, И.–Г. Лейтман (1667 – 1736), получивший в Петербурге звание профессора механики и оптики. Сочетание служения церкви и науке не противоречило лютеранской вере, поэтому пастор стал известен еще и как оптик и механик. Лейтман изучал богословие по желанию родителей в Виттенбергском университете, а на параллельных курсах слушал лекции по медицине, физике и математике. Занимая должность пастора, он оборудовал для своих занятий механическую мастерскую и небольшую электрическую лабораторию. В 1718 г. появилась его первая книга о часовом мастерстве ("Vollstandige Nachricht von Uhren"), а затем ряд других сочинений, сделавших его известным в широких научных кругах, и не только[438]. Петр I был также знаком с его трудами, приглашал его в Россию, но на это не согласились в свое время саксонский тайный совет и коллегия обер–консистории[439]. Лейтман оборудовал при Академии Механическую и Оптическую палаты и начал изготавливать в них различные инструменты: пробирные весы, зажигательные линзы, микроскопы, зрительные трубы, зеркальные телескопы и пр.[440]

В 1726 г. образована Инструментальная палата для изготовления математических и других инструментов. Инструментальная и Рисовальная палаты «помещались одна над другой в правом ризолите так называемого дворца Прасковьи Федоровны»[441]. Инструментальную палату возглавил мастер «математических инструментов» И. И. Калмыков (?–1734). С 1727 г. под его руководством изготавливаются различные чертежные и геодезические инструменты, астролябии, оборудуются физический кабинета Академии, академические обсерватория и гимназия. Его ученик П. О. Голынин (1719–1746) продолжил дело учителя, а ученик последнего – мастер–инструментальщик Ф. Н. Тирютин (1728–?) тесно сотрудничал с М. В. Ломоносовым. Инструменты, сделанные в Инструментальной палате им самим и под его руководством, предоставлялись как отдельным ученым и учреждениям Академии наук, так и для академических экспедиций, например, для Второй Камчатской экспедиции[442]. Следующим на место Ф. Н. Тирютина в 1762 г. назначен мастер «инструментального художества» Н. Г. Чижов (1731–1767), специализировавшийся на изготовлении астрономических инструментов – квадрантов, солнечных часов, особо точных приборов. В 1743 г. мастерами Инструментальной палаты изготавливалось до 100 различных инструментов[443].

В 1734 г., с утверждением нового штата, расширяется сфера «художественной» деятельности Академии наук. Общее руководство мастерскими Академии наук и Токарной палатой возлагается с 1735 г. на А. К. Нартова[444]. Сюда уже в 1735 г. переводятся из бывшей токар-

---

[438] Часовое дело на Руси издавна практиковалось мастерами–умельцами. М. Э. Гизе, цитируя К. Маркса, называет «часы одним из самых удивительных автоматов», порожденных «художественно–ремесленным производством и наукой». Она рассматривает производство башенных, солнечных, карманных и напольных часов в России до начала XIX в. Первые башенные часы с колокольным боем установлены по приказу великого князя Василия I на одной из башен Московского кремля в 1404 г. Не случайно, что следующими городами, в которых по повелению новгородских архиепископов Евфимия и Феофила были установлены башенные часы со звоном, являлись Новгород (1436) и Псков (1477) (Гизе М. Э. Очерки истории художественного конструирования… С. 79–106).

[439] Биография Лейтман Иоганн Георг // Краткие биографии. URL: https://biographiya.com/lejtman–iogann–georg/ (дата обращения 02.04.2019).

[440] Лупанова Е. М. История оптики на материалах коллекций музея антропологии и этнографии им. Петра великого (Кунсткамеры) // Современные проблемы сервиса и туризма. 2014. № 4. С. 94.

[441] Гизе М. Э. Очерки истории художественного конструирования… С. 114.

[442] Инструментальная палата // Виртуальный музей истории Российской Академии наук. URL: http://virtmus.arran.ru/ru/page&id=07444C8E–BA14–4F4B–88E7–79436BA308C8 (дата обращения 02.04.2019); см.: Бренева И. В. Становление Петербургской Академии наук (Инструментальная палата. 1726–1766 гг.): автореф. дис. … канд. ист. наук. СПб.: 1993.

[443] Гизе М. Э. Очерки истории художественного конструирования… С. 109.

[444] Токарное дело издавна практиковалось в Древней Руси: «Формообразование вытачиваемых на токарных станках предметов – всевозможных плошек, чаш, блюд, ложек, коробочек, ножек для мебели и т. п. – производилось путем вращения заготовки, соприкасающейся с режущим инструментом – стальным резцом. Осуществленный в период XV – XVII вв. переход от ручного станка с лучковым приводом к станку с ножным приводом […] значительно увеличил производительность

ной мастерской Петра I, из Преображенского дворца в Москве (в 1737 г.) и, хранящиеся в самой Академии наук, токарные станки, а вместе с ними ученики Нартова – высококвалифицированные механики Иван Леонтьев и Андрей Коровин[445]. В Токарной и Инструментальной палатах работало и производилось множество станков: «позитурная машина», медальерные станки, «фигурная машина», овальерные станки, «розовые машины», «токарные машины разных родов», машины для производства машин, станины и верстаки, копры, саппорты, и инструментов и орудий: чертежные, измерительные, слесарные, токарные и монтажные инструменты, токарные резцы, сверлильные и производственные станки[446]. Нартову приходилось преодолевать сильное сопротивление членов Академии, так как львиная доля финансирования уходила на содержание мастерских. В ходе этого застарелого спора, вспыхивавшего регулярно, академики неоднократно высказывали свое мнение о ненадобности в Академии «художеств и ремесел». Академик Кристиан Гольдбах считал «вредным и бесполезным для Академии Наук, когда при ней еще существует Академия художеств и ремесел»[447]. Президент Академии И. А. Корф вынужден был занять сторону Нартова, аргументируя в пользу сохранения «заведения по части художеств и ремесл»[448]. Инициатива Нартова была в духе петровских реформ, когда создавалось множество академий, служивших инструментами модернизации в разных областях знаний. Современник Петра Ф. Х. Вебер зафрикисировал это в названии своей книги «Преображенная Россия», где среди прочего называлось устройство академий, а в предуведомлении упоминалось основание «Морской и других академий»[449].

О преемственности поколений и сложившейся серьезной школе инструментального ремесла говорит тот факт, что на смену Андрею Нартову пришел ученик Ф. Н. Тирютина П. Д. Кесарев, освоивший производство электростатических машин, не изготавливавшихся ранее в России, а также различных приборов, используемых в электростатике. Мастерами палаты, среди которых к этому времени находился И. П. Кулибин, строились телескопы, микроскопы, зрительные трубы, электрические машины, часы, хронометры, другие научные инструменты[450]. И. П. Кулибин (1735–1818), приступивший к руководству Инструментальной палатой в 1769 г., прослужил в Академии наук более 30 лет, спроектировав и изготовив большое число сложных машин и инструментов[451].

С 1742 г. Переплетную палату возглавил переплетный мастер и автор высокохудожественных работ Фридрих Розенберг, остававшийся на этой должности почти 30 лет. Его имя впервые упоминается среди служителей Академии в качестве подмастерья в 1741 г. Ученик Розенберга Е. Мокеев был рекомендован в 1750 г. на должность подмастерья с высшей похвалой для того времени: «Он переплетает так хорошо, как лучший французский переплетчик»[452]. По сведениям И. Г. Георги, в новом двухэтажном здании Академии наук, возведенном в 1787 г. к западу от Кунсткамеры по проекту Джакомо Кваренги, разместились «инструментальная,

---

труда токаря, освобожденного от необходимости держать лучок в левой руке. […] На развитие токарного мастерства в России большое влияние оказала Палата резных и столярных дел при московской Оружейной палате» (Гизе М. Э. Очерки истории художественного конструирования… С. 47–48).

[445] Пронина И. А. Ломоносов и основание Академии художеств. URL: http://artyx.ru/books/item/f00/s00/z0000005/st009.shtml (дата обращения: 10.06.2017); Загорский Ф. Н. Андрей Константинович Нартов, 1693–1756. Л., 1969. С. 44–45.

[446] Данилевский В. В. Нартов и «Ясное зрелище машин»… С. 119–165.

[447] Там же, с. 76–77.

[448] Там же, с. 77.

[449] Weber F. Ch. Das veränderte Russland: in welchem die jetzige Verfassung des Geist–und Weltlichen Regiments […] vorgestellet werden. Frankfurt, 1721. Vorbericht.

[450] Там же, с. 114–115.

[451] См.: Инструментальная палата // Виртуальный музей истории Российской Академии наук…

[452] Лупанова Е. М. Переплетный мастер Фридрих Розенберг и приборостроение в Академии наук XVIII в. // Ломоносовские чтения в Кунсткамере. К 270–летию издания первого «Атласа Российского» (1745) и 250–летию со дня смерти М. В. Ломоносова (1765). СПб., 2016. Вып. 2. С. 96–98.

словолитная и слесарная палаты и многое число мастеровых людей, к оным палатам принадлежащих»[453].

Как уже было сказано, ввиду необычно широкого формата Академии наук, проект, описывающий ее, кроме *науки* содержит множество других понятий, расширяющих и уточняющих ее функциональное назначение: «Понеже ныне в России здание к возвращению художеств и наук учинено быть имеет», имеющих коннотации не только с наукой и искусством, но и с ремеслом[454]. Не случайно, Блюментрост уже в первом абзаце описания проекта пользуется формулировкой: «Академия или социетет художеств и наук», «Сие есть собственный образец Академии Художеств и Наук»[455]. Там же в §17 оговаривалось, что «ежели который Академик похощет за деньги партикулярные коллегии иметь, то ему позволено: однакож де не надобно ему токмо ради корысти вельми много Коллегиев держать, и тем прочим своим наукам и размышлениям вред чинить». Под «коллегиями» понимались ремесленные мастерские при Академии. Петербургский проект с его направленностью на практическую пользу наук показывал своеобразие русской Академии по сравнению с подобными учреждениями Западной Европы, что диктовалось условиями российской действительности.

Согласно регламенту от 24 июля 1747 г., Академия наук получила новый штат и стала официально называться Императорской академией наук и художеств. Теперь изучение в ней искусств и ремесел было узаконено: при ней продолжали действовать инструментальная, переплетная, столярная, токарная, пунсонного и резного дела палаты, сохранявшие характер производственных мастерских, которые сегодня можно было бы назвать практическими научно–исследовательскими лабораториями. Не случайно Инструментальная палата называлась с начала 1740–х годов «Экспедицией лаборатории механических и инструментальных наук», которую В. В. Данилевский назвал первой в стране научной организацией, занимающейся вопросами техники, а результатом работы Нартова явилась книга «Театрум махинарум, т. е. ясное зрелище махин…»[456]. Палата была неотъемлемой частью академии, ее эксперементальной лабораторией, где «такие ученые, как М. В. Ломоносов, Леонард Эйлер, Е. И. Паррот, академик Г. В. Крафт неоднократно привлекали мастеров к разработке совершенно новых по своей конструкции приборов, ставя перед ними задачи, которые требовали не только умения, но и понимания выполняемых ими поручений. (Примером работы над неизвестными ранее в науке приборами может служить выполнение Ф. Н. Тирютиным рефрактометра и точных пробирных весов для Ломоносова). Технический уровень создаваемых в Инструментальной палате астролябий, астрономических квадрантов, компасов, нивелиров, солнечных часов, различных видов чертежных инструментов и т. п. был очень высоким»[457]. М. Э. Гизе сделала принципиально важный вывод о связи ремесла и науки, которую так точно почувствовали и осознали Петр I, Нартов, Ломоносов и мн. др.: «Именно в ремесленном производстве формировались практические предпосылки для великих научных открытий XVIII – XIX вв.»[458].

При Академии наук имелись две типографии «российских и иностранных языков», где работали ремесленники по специальностям «рещик медалей и литер» в «словолитном искусстве» с одним подмастерьем, два словолитных мастера с двумя подмастерьями, также несколько человек, «которые литеры льют и которые отбирают». Там же имелись мастер и

---

[453] Георги И. Г. Описание российско–императорского столичного города Санкт–Петербурга и достопамятностей в окрестностях оного. СПб., 1996. С. 126–127.

[454] ПСЗ–1. Т. 7. № 4443: Именной. *Об учреждении Академии и о назначении для содержания оной доходов таможенных и лицентных, собираемых с городов Нарвы, Дерпта, Пернова и Аренсбурга.* С. 220.

[455] Там же, с. 220–223.

[456] Загорский Ф. Н. Андрей Константинович Нартов… С. 51; Данилевский В. В. Нартов и «Ясное зрелище машин»… С. 76.

[457] Гизе М. Э. Очерки истории художественного конструирования… С. 113.

[458] Гизе М. Э. Очерки истории художественного конструирования… С. 10.

подмастерье переплетного мастерства, типография «грыдыровальных фигур» с шестью мастерами, шестью подмастерьями, а также работниками[459].

Кроме них, в других мастерских имелись «художники и мастеровые люди»: архитектор, живописец, «грыдыровальщик портретов», подмастерье, «грыдыровальщик литер», «резного дела мастер», «механик, который притом и математические инструменты делает», мастер барометров, часовой мастер, слесарный, столярный, токарный. Было предписано, «во все мастерские палаты ко всем упомянутым художествам распределить учеников по рассмотрению президента до пятидесяти человек»[460]. Члены Академии обязаны были делать сообщения о применении различных технологий в промышленности, согласно распространённой практике в европейских академиях. К примеру, французский астроном Жозеф Жером Лефрансуа де Лаланд (1732–1807) должен был по поручению Парижской Академии наук составить описание бумагоделательного производства[461]. Кроме обязанности членов Санкт–Петербургской Академии наук предоставлять регулярные разработки или изобретения по механическим устройствам, они могли принимать экзамены на звание мастера. 21 февраля 1739 г. академики Л. Эйлер и Г. Ф. Крафт, а также А. К. Нартов и механик И. Брукнер обязывались принять экзамен у машинного подмастерья Андрея Мартынина из Адмиралтейств–коллегии на звание мастера[462].

На основании выше сказанного можно сделать вывод, что трактовка понятий наук, искусств, художеств и ремесел отличалась в период реформ Петра I «необычайной широтой, в полном соответствии с комплексным их восприятием»[463]. В это время, кроме традиционных ремесел в современном понимании, существуют «мастерства живописные», «художество артиллерийское», «художество флота морского», горное дело и механика как художества или «рудное художество или мастерство»[464]. Именно поэтому в XVIII в., а зачастую и в XIX в., понятия «ремесло–художество–искусство–наука» как в Западной Европе, так и в России все еще довольно тесно связаны, зачастую образуют одно большое смысловое и понятийное поле, хотя и имеют тенденцию дальнейшей дифференциации и отчуждения друг от друга. Углубление специализации, отражавшее процесс усложнения и расширения знаний, манифестировалось в области наук возникновением все новых научных дисциплин, в области «художеств» – попыткой, согласно проекту Василия Татищева 1747 г., выделить ремесла в отдельную Академию ремесел[465]. Татищев не был одинок в своих мыслях о развитии ремесла. Ввиду «острот[ы] проблемы подготовки мастеров для строительства и художественной промышленности России в середине XVIII века […] М. В. Ломоносов включил в серию задуманных им записок–тракта-

---

[459] Летопись Российской Академии наук. Т. 1… С. 25.

[460] Регламент Академии наук и художеств в Санкт–Петербурге, 1747 г. // Уставы Академии наук / отв. ред. Г. К. Скрябин. М., 1975. С. 40–61; Грыдыровальщик – гравировальных дел мастер; В контексте сложной структуры Академии наук становится понятной природа конфликта библиотекаря И. Д. Шумахера с академиками во главе с М. В. Ломоносовым. Львиная доля средств, отпускавшихся академии, расходовалась Шумахером на приобретение книг, инструментов, содержание типографии и мастерских, как правило, за счет урезания окладов академиков и адьюнктов. Ситуацию осложняла еще больше сложная политическая ситуация времен Бирона и интриги Шумахера против Ломоносова, сильно осложнявшие ученому жизнь в первые годы после его возвращения из Германии.

[461] Раскин Н. М. К истории ролла… С. 119.

[462] Летопись Российской Академии наук… Т. 1. С. 27; Данилевский В. В. Нартов и «Ясное зрелище машин»… С. 80: «Матюнин»; А. М. Сафронова описала данную практику в одной из своих статей в применении к заводам Урала (Сафронова А. М. Подготовка учеников инструментального дела для заводов Урала в Академии наук в 1735–1739 гг. // Урал индустриальный. Бакунинские чтения: материалы V региональной научной конференции, декабрь 2002 г. Екатеринбург, 2003. С. 77–80).

[463] Стенник Ю. В. Эстетическая мысль в России XVIII в. // XVIII век. Сборник 15. Русская литература XVIII века в ее связях с искусством и наукой. Л., 1986. С. 42.

[464] Там же; Киселев М. А. Возникновение российского промышленного законодательства… С. 114.

[465] Пронина И. А. Декоративное искусство… С. 37, 52–53.

тов, посвященных различным проблемам, и главу «О исправлении и размножении ремесленных дел и художеств»[466].

Вплоть до первой четверти XIX в. словосочетания «художники и ремесленники» устойчивы в использовании. В описаниях Петербурга, составленных И. Г. Георги (1790), А. К. фон Шторхом (1794) и Г. Л. фон Аттенгофером (1820) говорится о ремесле как об искусстве и художествах, а о ремесленниках – как о художниках (нем. die Künstler)[467]. 17 июня 1812 г. появляется манифест с характерным названием: «О привилегиях на разные изобретения и открытия в художествах и ремеслах»[468].

Рассмотрим сочетание слов «искусства и художества» более подробно. Сегодня, при имени «Академия художеств», возникает естественная идентификация этого высшего учебного заведения с «высокими искусствами»: изобразительным искусством, ваянием и зодчеством. Это было не всегда так. В Московском государстве слову *искусство* придавались такие значения, как умение, знание; опыт, эксперимент, что указывает на его близость к ремеслу[469]. В. В. Виноградов указывал именно на этот контекст, ссылаясь на лексикон Петровского времени: «слово *экспериенциа* (лат. *experientia*, польск. *eksperjencja*) (опыт, испытание) поясняется при помощи слова *искусство*».

Другой пример ученый приводит из примечаний Антиоха Кантемира к переводу сочинения Б. Фонтенеля «Разговоры о множественности миров» (1688/1730): «Экспериэнциа. "Искус, искусство, знание, полученное через частое повторение какого действа"»[470]. Из чего Виноградов справедливо делает вывод о влиянии латинского языка как языка западноевропейской науки и философии на другие европейские языки. Усиление этого влияния приходится на начало XVIII в., когда латинский язык становится основным языком преподавания, в том числе в одном из ведущих учебных заведений гуманитарного профиля – Славяно–греко–латинской академии, специализировавшейся первоначально на преподавании классических языков – греческого и латыни: «Московская академия возникла как школа славяно–греческая, но с 1700 г. происходит полная переориентация ее на латынь, которая становится языком преподавания во всех классах»[471].

И. А. Пронина считает, не без доли академического пуризма, что, основанная в 1724/1725 г., Академия наук не смогла воплотить в себе идею «социете художеств и наук»[472]. Такое совмещение, считает исследователь, было нерациональным и пагубным для развития как «"наук" (т. е. исследовательского и научно–образовательного центра)», так «и "художеств" (центра искусств, ремесел и профессиональной школы)»[473]. Возможно, осуществленный проект был далек от совершенства, но интерпретировать этот союз исключительно отрицательно из ретроспективы XX в., на наш взгляд, нельзя, без учета бытования этих слов в рассматриваемый период и существования Художественного отделения при Академии, которое преобразуется при Анне Иоанновне в гравёрно–рисовальную школу, что для того времени было делом естественным. Этот многолетний внутриакадемический конфликт, имевший структурные, финансовые и методологические характеристики, разрешился в 1764 г. с откры-

---

[466] Там же, с. 45.

[467] Аттенгофер Г. Л. фон. Медико–топографическое описание Санктпетербурга, главнаго и столичнаго города Российской Империи. СПб., 1820. С. 167, 205; Георги И. Г. Описание… С. 133, 190, 192, 195–207; Storch H. Gemälde von St. Petersburg. Teil 2. Riga, 1794. S. 44, 46, 53, 55, 57, 60, 61, 382, 383.

[468] ПСЗ–1. Т. 32. № 25143: Манифест. *О привилегиях на разные изобретения и открытиях в художествах и ремеслах*. С. 355–356.

[469] Словарь русского языка XI–XVII вв. М.: Наука, 1979. Вып. 6. С. 266.

[470] Виноградов В. В. Семнадцатитомный академический словарь… С. 14.

[471] Биржакова Е. Э., Войнова Л. А., Кутина Л. Л. Очерки по истории… С. 31.

[472] Пронина И. А. Декоративное искусство… С. 29.

[473] Пронина И. А. Ломоносов…

тием самостоятельной Академии художеств, в штате которой находился перечень «предписанных ей к "заведению и распространению" полезных мастерств», где «на третьем месте стояло инструментальное дело. Но фактически обучение будущих приборостроителей началось с 1772 г., когда в Академию художеств был приглашен английский мастер Френсис Морган, приехавший в Россию по приглашению Адмиралтейской коллегии»[474].

Говоря о конфликте внутри Академии наук до выделения «художеств» в отдельное учреждение, нельзя не сказать о его главной причине, лежавшей в плоскости принципиальных мировоззренческих расхождений во взглядах на способы развития науки и соотношение практического и теоретического начал между «чистыми теоретиками» и «универсалами практиками– теоретиками». К последним относился ученый и художник, т. е. практик, в одном лице – М. В. Ломоносов, как и его непримиримый противник, заведующий библиотекой Академии наук И. Д. Шумахер, выступавший за сохранение мастерских палат при Академии наук. Несомненно, Ломоносов исходя из его «основных художественных интересов […] многосторонне[..] влия[л] на мастеров, работавших в Инструментальной палате»[475]. Тому подтверждением является его собственное мнение о том, что «инструментальные мастера при Академии содержатся для изобретений профессорских произведения в действие, как для главного дела»[476].

Тесную связь науки и ремесла можно проследить на примере А. ван Левенгука, который «был одновременно и опытным мастером по изготовлению линз, и исследователем, увлеченно работающим с микроскопом». Левенгук «по праву считается одним из основоположников научной микроскопии»[477]. Отметим, что «первые формы преднауки связываются с элементами ремесла (греч. techne), возникшего на основе опыта»[478]. В этом свете – не оказался ли петровский проект, благодаря глубокой интуиции и чутью Петра I. и его духовных наследников, наиболее прозорливым в отношении дальнейшего развития европейских Академий? Ведь берлинская Академия искусств находилась до 1907 года в одном здании с Академией наук на улице Унтер ден Линден, а название самой Академии до 1809 года: Королевско–прусская Академия художеств и механических наук, долгое время совмещала в своем названии именно комбинацию из «классических искусств» и механических ремесел.

Вполне естественно, что во второй половине XVIII в., например, в Гёттингенском университете в должности университетского механика работал часовых дел мастер Генрих Бальтазар Поппе, качество работы которого было высоко оценено университетом, засвидетельствовавшим его «сноровку и добрый гений при изготовлении математических и физических инструментов». Не случайно его сын, Иоганн Генрих Мориц Поппе, известный изданием в первой половине XIX в. многотомных трудов по истории техники, унаследовал от отца две страсти: любовь к математике и к практике часового мастерства. Со временем Поппе младший был приглашен на место заведующего кафедрой техники в Гёттингене, что, впрочем, не уберегло его от убийственной критики со стороны его современников – коллег профессоров – в графоманстве.

Не так давно, Гюнтер Байерль, как и Т. Майер, показали относительность такой критики современников и подчеркнули значение Поппе как практика в своем традиционном ремесле и как историка техники в развитии ремесленного образования и ремесленной промышленности с помощью трансфера технологий, развития новых рыночных инструментов (прибыль

---

[474] Гизе М. Э. Очерки истории художественного конструирования… С. 126 (См. также: Гизе М. Э. Очерки истории художественного конструирования в России XVIII – начала XX вв. СПб., 2008).

[475] Там же, с. 112.

[476] Там же, с. 113; Ченакал В. Л. Зеркальные телескопы Ломоносова // Ломоносов. Сб. ст. и мат–в, т. III. М. – Л., 1951. С. 94, 95.

[477] Смолко В. А. Концепции… С. 494.

[478] Пронина И. А. Декоративное искусство… С. 32.

мотивирует к инновациям), стимулирования производства предметов роскоши и трудовой этики. Попытки Поппе, продвинуть идею повышения технической грамотности ремесленников, находились полностью в контексте процесса модернизации и индустриализации, но не нашли отклика у представителей «чистой» экономической науки, ратующих в духе времени за «свободу» промышленного капитализма[479]. Примечательно, что учителем Поппе сына являлся другой известный историк *техники* Иоганн Бекманн (1739–1811), преподававший по приглашению Антона Фридриха Бюшинга с 1763 по 1765 годы физику и естественную историю в Петришуле при евангелическо–лютеранской церкви Св. Петра (Петрикирхе, нем. Petrikirche, сегодня свв. Петра и Павла) в Санкт–Петербурге, а с 1766 г. физику в Гёттингенском университете. Именно И. Бекманн считается основоположником понятия всеобщей технологии, а также «современной» истории техники как отдельной отрасли исторической науки. Глубоко символично, что его дело продолжил сын часовых дел мастера И. Г. М. Поппе[480].

Современники, предлагавшие основать ремесленные школы или Академию ремесел, находились вполне в «концепте времени». Близость или концептуальная нераздельность ремесла и «высокого искусства» сквозит в проектах основания как художественной школы, так и самой Императорской Академии художеств «с отчетливо выраженным ремесленно–техническим уклоном»[481]. Ф. С. Салтыков (1712–1714 г.), Г. Фик (1718 г.), Ф. Прокопович (1719–1720 г.), М. П. Аврамов (1721 г.), А. К. Нартов (1724 г.), Л. Каравакк (сер. 1720–х гг.), план В. Н. Татищева (1747 г.), составленный при участии выдающихся архитекторов П. М. Еропкина, Б. К. Растрелли и Л. Каравакка[482] – все они в своей интенции, организовать в России систематическое обучение «художествам», естественно говорят об обучении в этих «художественных» школах и академиях плотничному, столярному, слесарному, штукатурному, шпалерному, золотарному, зеркальному и др. ремеслам, наряду с живописью, иконописанием, ваянием и архитектурой.

В печатном объявлении 14 января 1726 г. об Академии наук говорилось, что юноши, «которые высоким наукам учиться не могут», но желающие «другие художества, в житии человеческом преполезные, переимать», могут быть обучены этим художествам. Согласно образовавшейся традиции: «годных из академической гимназии переводить в студенты, а не годных определять к художествам», из академической гимназии рекрутировались впоследствии ученики «художеств и мастерств»[483]. Действительно, Петергофская золотарная мастерская, находившаяся в ведении Кабинета императорского двора, «готовила не художников, а мастеровых», но «художником могли назвать человека любой профессии», и в этом заключались реалии времени[484]. И. А. Пронина констатировала в конечном итоге тесную связь искусства с ремеслами, вытекающую из представления современников «о неразрывном единстве живописи, скульп-

---

[479] Meyer T. Die «Anleitung zur Technologie» (1777) von Johann Beckmann und ihr historischer Kontext. Technologische Bildung in modernisierender Absicht // Zeitsprünge. Forschungen zur frühen Neuzeit. 2004. 8. S. 442–465; Bayerl G. Die Anfänge der Technikgeschichte bei Johann Beckmann und Johann Heinrich Moritz von Poppe // König W. Schneider H. (Hrsg.). Die technikhistorische Forschung in Deutschland von 1800 bis zur Gegenwart. Kassel, 2007. S. 22–27; см.: Poppe J. H. M. V. Encyklopädie des gesamten Maschinenwesens. 2. Auflage. Leipzig, 1820–1826. 8 Bde.; Он же. Handbuch der Technologie. Heidelberg, 1806–1810. 4 Bde.; Он же. Geschichte der Technologie. Göttingen 1807–1811, 3 Bde.

[480] Exner W. F. Johann Beckmann: Begründer der technologischen Wissenschaft. Vortrag gehalten im k. k. Österreich. Museum für Kunst und Industrie. Wien, 1878. S. 34–36; Hoffmann P. Johann Beckmann als Lehrer an der Petrischule in St. Petersburg // Johann Beckmann–Journal: Mitteilungen der Johann Beckmann–Gesellschaft e. V. 1993. 7. S. 39–55; Bayerl G.; Beckmann J. (Hrsg.). Johann Beckmann (1739–1811). Beiträge zu Leben, Werk und Wirkung des Begründers der Allgemeinen Technologie. Münster u. a., 1999. S. 280; Banse G., Müller H.–P. (Hrsg.). Johann Beckmann und die Folgen. Erfindungen – Versuch der historischen, theoretischen und empirischen Annäherung an einen vielschichtigen Begriff. Münster, u. a., 2001; Об исторических связях Геттингенского университета с Санкт–Петербургом см.: 300 Jahre St. Petersburg. Russland und die «Göttingische Seele». Göttingen, 2003.

[481] Пронина И. А. Декоративное искусство… С. 13.

[482] Там же.

[483] Пронина И. А. Ломоносов…; Материалы для истории Императорской Академии наук. СПб., 1885. Т. I. С. 171.

[484] Пронина И. А. Декоративное искусство… С. 16–17, 50.

туры, архитектуры и графики с отдельными отраслями прикладного мастерства»[485]. Результатом дальнейшего развития явилось отпочкование от Академии наук ее «художественной» части и основание в 1757 г. отдельной Императорской Академии художеств, в которой наряду с «тремя знатнейшими художествами живописи, скульптуры и архитектуры» соседствуют ремесленные мастерские[486].

Данная полифункциональная коммуникативная традиция бытования слова *ремесло* наблюдается, но уже в меньшей степени, и в XIX в. В 1846 г. московский литограф Корнилий Я. Тромонин издал книгу с характерным названием: «О художестве в ремеслах», а в 1847 г. петербургский мастер Василий А. Резанов называет «портное мастерство» искусством, показывая старинную семантическую связь ремесла и художества[487]. В 1893 г. В. И. Межов издает третий том Русской исторической библиографии, в которой вновь видна генетическая связь ремесла с наукой и искусством. В разделе «История учебных заведений, посвященных искусствам», находим следующее. В Москве в 1826 г. некий *Любитель полезных искусств* на страницах журнала «Вестник Европы» рассуждает «О необходимости образования для ремесленников и об открытии для них училища рисования в Москве». Им следуют в 1827 и 1838 гг. статьи в «Московском вестнике» и «Северной пчеле» на аналогичные темы о «школе рисования в отношении к искусствам и ремеслам», основанную графом С. Г. Строгановым: сегодня Московская художественно–промышленная академия имени С. Г. Строганова. 10 июня 1850 г. профессор химии Киевского университета И. М. Фонберг (1801–1891 г.) выступает с речью о необходимости наук для успеха искусств и ремесел[488].

Можно сказать, что понятия «ремесла» и «художества» в XVIII в. вбирали в себя как науки, так и будущие высокие искусства: «Тесная связь искусства с ремеслами, свойственная допетровскому времени, также оставалась характерной вплоть до конца XVIII столетия. […] С постепенным усилением разделения труда, […] разграничивающего область практического ремесла и сферу искусства, декоративно–прикладное мастерство начинает вытесняться из стен Академии»[489]. По уставу Академии художеств 1802 г. «мастерства отменились, исключая необходимые для художественных произведений», а в другом документе указывалось, что «столярная и токарная работы к художественным произведениям не относятся». Несмотря на это, класс литейного и чеканного мастерства были оставлены при Академии[490].

Вхождение новых речевых практик, приблизительно со второй половины XVII в., особенно с началом петровских преобразований конца XVII – первой четверти XVIII вв., может быть прослежено с помощью модели накладывающихся смысловых полей, взаимодействие которых усиливалось с интенсификацией реформотворческой деятельности и заимствований из других европейских культур. Это приводило, в свою очередь, к появлению адаптационных практик, помогавших приспособить новые и старые понятия и слова к новым реалиям, или отторжению нововведений как варваризмов и грубых калек из европейских языков – избыточных копий, бывших бледным отражением церковнославянских и русских слов. В зависимости от контекста, в который ставится понятие ремесла и ремесленника, может быть получен новый смысл, функция и назначение: границы между искусством и ремеслом нередко оказываются эластичными, что позволяет называть некоторые предметы, связанные с производством мебели, одежды, обуви, драгоценностей, искусством, а наука граничит с производствами, свя-

---

[485] Там же, с. 51–52.

[486] Там же, с. 16, 37; Классические искусства вплоть до начала XIX в. относились к ремеслам.

[487] Резанов В. А. Взгляд на ход портного мастерства в России и на учение крестьянских мальчиков ремеслам, в особенности портному. СПб., 1847. С. 5; Тромонин К. О художестве в ремеслах. М., 1846.

[488] Межов В. И. Русская историческая библиография: указатель книг и статей по русской и всеобщей истории и вспомогательным наукам: за 1800–1854 вкл. : [в 3 т.]. СПб., 1892–1893. Т. 3. 1893. С. 460, 499.

[489] Пронина И. А. Декоративное искусство… С. 51, 57–58.

[490] Там же, с. 58, 139–141.

занными с изготовлением инструментов, приборов, часов и других сложных механизмов. В связи с тем, что ремесленная форма производства была к тому времени наиболее распространенной, понятие «ремесленник» могло употребляться в применении к социальным агентам из самых разнообразных социальных страт. Это могли быть «собственно ремесленники, мелкие товаропроизводители, хозяева и работники мануфактур», художники и артисты [491].

В связи с тонкой гранью между ремеслом–художеством и искусством, следует особо сказать о слове «примитивный», имеющем коннотации с ремеслом. В. Н. Прокофьев, говоря о традиционном понятии «профессионального искусства», употребляемого до недавнего времени как «высокого», относит последнее к архаичной академической терминологии, которой противопоставлялось народное, так называемое «низовое» искусство. Указывая на относительность данных границ и противопоставлений, Прокофьев открывает новое интерпретационное пространство для дискуссии. Снимая искусственные терминологические рамки, автор приходит к необходимости вычленения некоего промежуточного слоя, оказывающего «свое *влияние и "вниз"* – в среду фольклора (напр. русского или испанского лубка. – А. К.), […] *и "вверх"* – в среду учено–артистического профессионализма […]»[492]. Этим промежуточным слоем оказываются ремесленники – агенты так называемой «третьей культуры».

В. Н. Прокофьев рассматривает данную проблематику «почти исключительно на материале изобразительных искусств», оговариваясь, что «третья культура» не ограничивается ими, но вбирает в себя понятие «художественного ремесла». Агенты социальности последнего действовали среди прочего в сфере цехового ремесла, хотя автор и здесь считает возможным и целесообразным убрать границу между профессионалами, т. е. цеховыми ремесленниками, и непрофессионалами – нецеховыми ремесленниками, работающими в традициях фольклора (художественные промыслы), объединяющей основой для которых являлся *ремесленный профессионализм*. В случае с цеховыми ремесленниками это Живописный цех, включавший в себя иконописное и живописное ремесла. Кисти мастеров этого цеха принадлежали кроме икон произведения, относящиеся к русскому купеческому и мещанскому портрету конца XVIII – первой половины XIX в. Надо сказать, что до сих пор «цеховое художественное ремесло – почти неизученное явление русской материальной и духовной культуры XVIII – XIX вв., а между тем цеховой художник–ремесленник […] – одна из центральных и самых интересных фигур городского народного искусства»[493].

Прокофьев показывает качественную связь между условными верхним и нижним слоями культуры, указывая на то, «что если по отношению к учено–артистическому профессионализму примитив является результатом *омолаживающего снижения* (нередко смехового и пародийного), то по отношению к фольклору он – результат возвышения, *актуализирующей сублимации* того, что в самом фольклоре не желает уже пребывать в величественной неподвижности. Он и черпает из фольклорной среды все самые беспокойные силы, – все то, что в нем имеет тенденцию сорваться с традиционного места, уйти на заработки и вообще поискать счастья…!»[494].

Вывод, к которому приходит Прокофьев: и это принципиально важная мысль для понимания истории ремесла, заключается в существовании примитива как типа культуры «не как первоначального этапа развития всей сорокатысячелетней истории искусства или какого–то стадиального ее отрезка. Речь пойдет о примитиве как своеобразном типе культуры, функци-

---

[491] Рындзюнский П. Г. Мелкая промышленность… С. 64.

[492] Прокофьев В. Н. О трех уровнях художественной культуры Нового и Новейшего времени (к проблеме примитива в изобразительных искусствах) // Примитив и его место в художественной культуре Нового и Новейшего времени: [сборник статей] / АН СССР, ВНИИ искусствознания М–ва культуры СССР; [отв. ред. В. Н. Прокофьев]. М., 1983. С. 6–8.

[493] Островский Г. С. Народная худдожественная культура русского города XVIII – XX в. как проблема истории искусства// Примитив и его место в художественной культуре Нового и Новейшего времени… С. 68.

[494] Прокофьев В. Н. О трех уровнях художественной культуры Нового и Новейшего времени… С. 10–11, 24.

онирующем одновременно и во взаимодействии с двумя другими – с непрофессиональным фольклором и учено–артистическим профессионализмом». И далее: «Две другие разновидности примитива (наряду с «примитивом серьезным». – А. К.) – лубочный и романтико–идиллический – оказались несравненно более живучими. Они–то и продолжают жить в любительском примитиве наших дней. […] "Третья культура" (т. е. культура художественного ремесла и ремесленного профессионализма. – А. К.) заслуживает такого же пристального изучения, как и две другие (т. е. фольклорная и «учено–артистическая». – А. К.). А самое главное – истинный культурный баланс Нового и Новейшего времени, истинный "объем" их художественного сознания может быть выявлен только в процессе совокупного рассмотрения *всех трех имеющихся здесь уровней*, находящихся в постоянном взаимодействии многократных взаимных притяжений и отталкиваний, умираний и возрождений»[495]. Иными словами, распространяя смысл этого высказывания до широкой проблематики ремесла на стыке МСП и крупной промышленности, данный принцип можно также применить при анализе мыслимого тематического триединства ремесла как профессионального, непрофессионального и пограничного в виде микровкраплений ремесленных практик в крупной промышленности.

Согласно коммуникативным практикам XVIII в., понятия «науки», «искусства», «художества» и «ремесла» (во множественном числе. – А. К.) могли применяться в самых различных комбинациях и контекстах, получать новое или дополнительное семантическое значение из западноевропейской традиции, как это произошло со словами «наука» и «искусство». Этим объясняется кажущаяся противоречивость и «неестественность» их совместного применения, исходя из речевых практик XXI в. Выступая в различных сочетаниях, они являлись медиумом передачи представлений человека Нового времени о науке, искусстве и художестве как о ремесле и наоборот. Объединение наук и искусств с ремеслами (художествами) не было случайным, ввиду специфики семантической традиции и тяготения к «универсалиям» того времени. По материалам немецко–латинско–русского словаря лютеранского священника Эренрейха Вейсмана, впервые изданного в Штутгарте в 1673 г., и переизданного в Петербургской Академии наук в 1731 г. и 1782 гг., а также пятой части Словаря Академии Российской 1794 г. издания, хорошо прослеживается именно эта взаимосвязь и преемственность[496]. Также не случайным явилось выделение ремесленных мастерских в переписи населения Петербурга 1869 г., специализировавшихся на изготовлении предметов, связанных с наукой и искусством, в особую графу. В этом году из общего числа 6882 их оказалось 435 (см. приложение 5).

---

[495] Там же, с. 13, 27.

[496] Weismann E. Lexikon bipartitum latino–germanicum et germanico–latinum in quo latinitas prisca et pura … ex probatissimis autoribus methodo perspicua explicatur. Tl. 1–2. Stuttgart: o. V., 1673; Weismanns Petersburger Lexikon von 1731 (I–II). München: Verlag Otto Sagner, 1982, 1983, Bd. 1. S. 353, Bd. 2. S. 413; Вейсман Э. Вейсманнов немецкий лексикон с латинским… С. 326, 420, 495; Словарь… 1794, столбец 114–115; см.: Виноградов В. В. Семнадцатитомный академический словарь… С. 14; Словарь русского языка XI–XVII вв.… Вып.6. С. 266.

2.2. Ремесленная мастерская, мануфактура, фабрика, завод

Так называемая гибридность форм существования ремесленной промышленности может быть проанализирована с помощью понятий ремесленной мастерской, мануфактуры, фабрики и завода, для чего попытаемся выявить смысловую и терминологическую границу между ними. В «Очерках русской промышленности», увидевших свет в 1924 г., И. М. Кулишер наглядно показал, что в петровские и екатерининские «фабрики» и «заводы» в XVIII веке современниками мог вкладываться другой смысл. Иная «фабрика» или «завод» ничем не отличалась от ремесленной мастерской[497]. Это значит, что граница между названными типами «промышленных» предприятий была зачастую условной и могла перемещаться как в ту, так и в другую сторону, в зависимости от цели и успеха проекта.

Призванные в 1813–1814 гг. в Златоуст немецкие и эльзасские мастера из Золингена и Клингенталя именовались «фабрикантами» холодного оружия, хотя в большинстве своем были ремесленными мастерами[498]. Это и есть объяснение того, почему известный «фабрикант» Петр Вейерсберг, приехавший с братом и сыновьями: Фридрихом, Василием, Густавом, Эдуардом и Рейнгардом, на Оружейную фабрику в Златоуст, работал там браковщиком, получая при этом самое высокое жалованье в 3000 рублей в год[499]. Мог наблюдаться и обратный эффект, когда ремесла идентифицировались с крупными предприятиями. В своем путеводителе по Петербургу 1820 г. Г. Л. фон Аттенгофер писал: «Рукоделия, доставляющие пропитание большей части жителей города и его окрестностей в новейшие времена весьма размножились и усовершились. На императорских фабриках и частным лицам принадлежащих занимаются до 30.000 человек»[500].

Не всегда можно было с точностью отделить предпринимателей нового крупного машинного производства от самих ремесленников, становившихся зачастую заводчиками, принимавшими самое активное участие во внедрении новаций. Ведь революция машин предполагала революцию в сознании, в идеях, которые захватывали и будоражили умы не только купечества, но и самих ремесленников. По иронии судьбы, именно известный английский предприниматель и потомственный гончар Джозайя Уэджвуд рекомендовал Джеймсу Уатту управлять своим телом так же, как он это делает с любой другой машиной под его руководством[501]. В 1812 г., после нескольких продаж и банкротства «гончарной фабрики», наследство Уэджвуда досталось Джону Мозли (John Mosley), сдававшему «фабрику» в аренду небольшими частями различным гончарам. Эту же форму производства описывал Туган–Барановский в России. Позже на этой фабрике было налажено производство фаянса для североамериканского рынка[502].

Применение данного термина мало чем отличалось в Петровскую эпоху. Достаточно привести несколько хрестоматийных случаев. Указом от 8 июня 1717 г. подканцлеру барону Петру

---

[497] См.: Кулишер И. М. Очерк истории… С. 135–136, 140–142; «Следует заметить, что и самые распространенные городские промышленные заведения, необоснованно называвшиеся в современных документах "фабриками" и "заводами", также стояли если не на ремесленной, то на стадии мелкотоварного производства» (Рындзюнский П. Г. Мелкая промышленность… С. 70).

[498] Боков В. Немецкие оружейники на Златоустовском заводе // Журнал императорского русского военно–исторического общества. СПб., 1913. № 5–6. С. 290–292; Окунцов Ю. П. Златоустовская оружейная фабрика. Москва, 2011; Показательно, что иностранные мастера в первые годы селились отдельными подворьями, при которых находились их ремесленные мастерские, как это было заведено у них на родине.

[499] Ермакова О. К. Государственная политика привлечения иностранных специалистов на уральские заводы (первая половина XIX в.) // Quaestio Rossica. 2014. № 3. С. 242–252.

[500] Аттенгофер Г. Л. ф. Медико–топографическое описание Санктпетербурга… С. 265.

[501] De Munck B. Artisans, Products and Gifts… P. 57.

[502] The Wedgwood Family Blog. URL: http://wedgwoodfamily.blogspot.ru/2007/04/churchyard– house–and–pottery–works.html (дата обращения: 07.07.2016).

Шафирову и тайному советнику графу Петру Толстому представлено «труд приложить, дабы в нашем государстве учредить фабрику или художества всяких материй и парчей», где художества являются синонимом ремесел или промышленности вообще[503]. В том же указе говорилось, что правительство брало на себя обязательство, предоставить сановным предпринимателям там, где «те заводы завесть заблагоразсудят, на первое время готовые дворы строением безденежно»[504]. Из текста указа видно, что слова «завод» и «фабрика» применяются как синонимы. Во многих случаях такие предприятия являлись расширенными ремесленными мастерскими, а «фабриками несомненно именуются и небольшие ремесленные мастерские»[505].

В 1718 г. купец Павел Вестов получает «право на исключительное устройство в Москве сахарных заводов на 10 лет, в 1719 г. стольнику Афанасию Савелову и купеческим сыновьям Томилиным [даются] привилегии на устройство скипидарных, канифольных и гарпиусных заводов»[506]. По мнению Кулишера, с которым можно согласиться, законодатели имели ввиду не форму производства, а производство как таковое: оружия, тканей, льна, сукна, куда можно включить и сельское хозяйство и кустарную избу[507]. Характерно, что под словом «*завод*» или «*заводчик*» в XVII – XVIII вв., мог пониматься также мелкий или средний предприниматель, «*завод*ивший промышленные *завед*ения», производительность и форма производства которых могла ненамного отличаться от ремесленной или кустарной мастерской.

В дальнейшем повествовании И. М. Кулишер приводит множество примеров, когда под собирательным словом «*промышленность*» в XVIII в. могли пониматься фабрика, завод, мануфактура, ремесленная мастерская или кустарная изба[508]. В двух последних случаях историк разделяет понятия ремесленника и кустаря. Первый работает на себя и локализуется, как правило, в городе, второй – на селе и работает на скупщика[509]. До начала XX в. расхожее понятие «ремесленная промышленность» применялось в противовес крупной. Почему – становится понятным из этимологии этого слова. Оно происходит от глагола промышлять, а то, в свою очередь, от сущ. м. р. «промысел». В данном случае слово «промысел» понимается как дело, занятие, дающее средства к существованию[510]. .

В 1696 г. Петр I, обращаясь к тульскому кузнецу Никите Антуфьеву (родоначальнику горнозаводчиков Демидовых): «"Постарайся Демидыч распространить свою фабрику", […] предлагает ему расширить свое чугунное, плавильное и оружейное производство, которое

---

[503] ПСЗ–1. Т. 5. № 3089. С. 496–497.

[504] Там же.

[505] Кулишер И. М. Очерк истории… С. 140.

[506] Там же, с. 103; Гарпиус – тождественное с канифолью; слово, заимствованное, видимо, от немецкого Kolophonium, производное от ионического города Колофон, являвшегося в античности центром торговли данным сырьем, – вареная и очищенная белая смола; твердая и ломкая смола, остающаяся от перегонки жидкой (живицы), при добыче скипидара. Иногда так называют смоляную мастику, сплавную смолку. Гарпиусовый, из гарпиуса сделанный; гарпиусный, то же, или к нему относящийся (Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка Владимира Даля. Т. 1. СПб.; М., 1903. С. 848).

[507] Кулишер И. М. Очерк истории… С. 136.

[508] Там же, с. 135–142; Под ремесленной мастерской понимается ручное производство с применением ручных инструментов и/или механических приспособлений (прялка, ткацкий, токарный станок и т.д.) с небольшим количеством работников, включая мастера, подмастерьев и учеников, владеющих, за исключением последних, как правило, всеми операциями для производства конечного продукта.

[509] Об аналогичной роли кустарных промыслов, распространенных так же широко, как и традиционное ремесло в протоиндустриальный период при образовании капиталистических отношений в Западной Европе XIX в. пишет Г. Фоглер. Кустарные мастера получали от скупщиков материалы и отдавали готовый продукт или его часть. Если практически они становились наемными рабочими на дому, то это еще не значило, что они действительно должны были стать в ближайшем будущем таковыми на фабрике. Отчасти можно согласиться с Фоглером, считающим, что таким образом они готовились принять фабричные порядки. И все же не стоит преувеличивать роль такой подготовки кустарного производства как фактический переход к таковым порядкам, способным трансформироваться в различные производственные формы от фабрики до кооператива (Duchhardt H. Europa am Vorabend der Moderne: 1650–1800. Stuttgart, 2003. S. 121; Vogler G. Europas Aufbruch in die Neuzeit: 1500–1650, Stuttgart, 2003. S. 274–275; Pierenkemper E. Gewerbe und Industrie… S. 9, 14).

[510] Плетнева А. А., Кравецкий А. Г. Служба, промысел, работа: к истории слов и понятий // Очерки исторической семантики русского языка раннего Нового времени / Под. ред. В. М. Живова. М., 2009. С. 137–154.

выполнялось в то время тульскими казенными кузнецами в своих же избах ремесленным способом»[511]. То же касается и Тульского оружейного завода с 70–х годов XVII в., вплоть до 1873 г., означавшего «лишь нечто собирательное в смысле целой группы мелких самостоятельных заведений, работавших, главным образом на казну, но также и для вольного рынка»[512]. В указе Петра 1712 г. с выражением «завод суконный размножать», имеется ввиду ничто иное как «la fabrique de soie lyonnaise», или «лионск[ая] шелков[ая] промышленность, которая производилась исключительно в кустарных мастерских»[513]. Эти случаи невозможно подвести под один знаменатель, так как в это время сосуществуют разные виды мануфактур: централизованной и рассеянной, имевших в своей основе разделение труда и ремесленные технологии производства. Этим объясняется «растворение» мануфактур с началом промышленной революции и их вытеснение заводом и фабрикой. Ремесленная же мастерская продолжала соседствовать с последними, оставаясь в отдельных отраслях производства до сегодняшнего дня безальтернативным поставщиком качественных индивидуальных продуктов.

В отношении слова «промышленность» необходимо сказать, что долгое время не существовало четкой границы между «ремесленной промышленностью» и «крупной промышленностью» (нем. Gewerbe und Industrie), граница между которыми четко обозначилась лишь в эпоху индустриализации последней трети XIX в.[514] До этого времени под промышленностью (= промысел), особенно в XVIII в., понималась любая хозяйственная деятельность, приносящая прибыль, а индустрия означала ничто иное как прилежное старание, деятельность (ср. лат. industria, industrius от *endostruos «строящий в глубине, внутри)»[515]. В. В. Виноградов дал важное разъяснение относительно происхождения этого слова: «Слово *промышленность* представляет собой образование от причастия *промышленный* ("т. е. добытый, полученный каким–нибудь промыслом"). Оно употреблялось в русском литературном языке XVIII в. докарамзинского периода в значении: "Способ или род промысла, в чем кто упражняется, особенно занимается. *Всякой живет своею промышленностию*. *Промышленность полезная и честная*". Глагол же *промышлять* в высоком слоге имел значение: "заботиться, попечительствовать", а в просторечии обозначал: а) Кормиться, добывать, доставлять, получать пропитание себе каким–либо промыслом. *Промышлять рукоделием*, *подрядами*. б) Искать, стараться найти, достать что. *Промыслить денег*»[516]. Всякий «горожанин *промышляет торгом*, *рукоделием*, *ремеслом*»[517].

Иными словами, понятия «ремесла» и «ремесленной мастерской» ставятся в более широкий контекст ремесленной промышленности и ремесленных практик в городе, деревне, горнозаводском поселке, морском торговом судне, в ремесленной мастерской, кустарной избе и т. д. Главное, что их объединяет – ручная работа мастера с помощью различных инструментов и технических приспособлений для производства штучного или мелкосерийного формата. Благодаря этому свойству ремесленного труда оно полностью укладывается в понятие полиморфизма, т. е. многообразия производственных форм ремесленного труда. Альф Людтке обращается к термину «полиморфной синхронности», введенному Юргеном Коккой, чтобы

---

[511] Кулишер И. М. Очерк истории… С. 136.

[512] Там же.

[513] Там же.

[514] Pierenkemper T. Gewerbe und Industrie… S. 3; Понятия «легкой и тяжелой промышленности» применимы лишь с началом индустриализации, когда образовываются соответствующие отрасли промышленности.

[515] Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. В четырех томах. Т. 3. СПб., 1996. С. 132, 375; Черных П. Я. Историко–этимологический словарь современного русского языка. В 2 т. Т. 1. М., 1999. С. 346–347. В чешском индустриальный (чаще průmyslový), индустрия «průmysl», и польском przemysłowy и przemysł, т. е. идентично русскому «промысел»; См.: Pierenkemper T. Gewerbe und Industrie…

[516] Виноградов В. В. История слов: ок. 1500 сл. и выражений и более 5000 сл., с ними связанных; отв. ред. Н.Ю. Шведова; ред.–сост. Е. С. Копорская [и др.]. М., 1999. С. 574.

[517] Плетнева А. А., Кравецкий А. Г. Служба, промысел, работа: к истории слов и понятий… С. 137.

проанализировать «неопределенную» многослойность рабочего класса[518]. Этот методологический прием можно вполне перенести на ремесло с еще большим уровнем полиморфной синхронности и более высоким уровнем гетерогенности, где к традиционным мастеру, подмастерью и ученику добавляются рабочие в мастерской и поштучники или одиночки на стороне, а в ремесленной мастерской столетие спустя появляются новые практики с применением моторов и последних достижений научно– технической революции.

Возможно, кажущееся современному читателю «смешение» понятий совершенно естественно для XVIII в., когда ремесло стоит в близкой связи со всеми словами, связанными с производством (ремесленным, фабричным, заводским, промысловым). Слово «завод» происходит от глагола «заводить» (др.–слав. водить) в смысле «хозяйствовать», имевшим широкий спектр применения в области производства продуктов потребления[519]. С индустриализацией и возникновением крупного промышленного производства во второй половине XIX в. слова «заводчик» и «промышленник» получают однозначную коннотацию с крупным предпринимателем. Эволюционирует и слово «мануфактура», послужившее производным для слов «мануфактурщик» и «мануфактурные товары» легкой промышленности, подразумевавших обработку волокнистых веществ и выработку тканей. Слово мануфактура заимствуется в немецком из французского и английского языков manufacture от лат. manus – рука, и factūra – делать, обрабатывать, а из немецкого в начале XVIII в. в русский язык[520].

Чем дальше мы уходим в глубь веков, тем чаще мы встречаемся с ремесленной мастерской, как основной производственной единицей. В Словаре русского языка XI – XVII вв., наряду со словом «мастерская», применялись синонимы «мастерская изба» или «мастерская горница». Употреблялось это слово и в названиях государственных учреждений. В XVII в. имеются Мастерская палата и Приказ мастерской палаты, в ведении которого находилось ткацкое дело[521].

Этимология слова «фабрика» (лат. fabrica; рус. искусство, мастерство, мастерская; способ изготовления, фабрикация, производство; лат. faber; рус. художник, кузнец, ремесленник), означающее сегодня крупное промышленное предприятие, имеет прямое отношение к ремесленной мастерской, а «фабрикант» происходит от латинского слова, означающего в переводе на русский язык «ремесленник». В XVII в. французское слово fabrique заимствуется в немецком языке die Fabrik, и в начале первого десятилетия XVIII в. появляется в русском языке ранее всего у польских двуязычных лиц через польское fabryka в двух значениях: производство, изготовление чего–либо, а также завод, предприятие, выпускающее какие–либо изделия (также произведенный продукт, от лат. fabricātum–fabricāre)[522]. В это время различие между противоположными понятиями «фабрика» и «мануфактура», как другого рода производства, еще не сложилось, а слова фабрика – мануфактура – завод употребляются как синонимы. Вот как объяснял словарь XVIII в. значение завода/фабрики: «Заводы бывают двоякие: одни людьми, другие водою или ветром действуют, к первым всякия великия фабрики, яко суконныя, полотняныя, селитренныя, стеклянныя, и тому подобныя, сии гречески называются мануфактуры [лат. – А. К.], […] ко вторым все крущцовыя, золотыя, серебряныя, медныя, сии Французы фабриками, немцы Верк [завод, нем. das Werk; ремесленная мастерская, нем. die Werkstatt. –

---

[518] Людтке А. История повседневности в Германии: новые подходы к изучению труда, войны и власти; [пер. с англ. и нем. К. А. Левинскона и др.; под общей ред. и с предисл. С. В. Журавлева]. М., 2010. С. 33.

[519] См.: Павленко Н. И. Петр Великий… С. 671.

[520] DWDS. Manufaktur. URL: https://www.dwds.de/wb/Manufaktur (дата обращения: 10.02.2017); См. лат. facere «делать», также лат. manufactūra «ручная работа».

[521] Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 9 (М) / Ин–т рус. яз. им. В. В. Виноградова. М., 1982. С. 38.

[522] С XVI в., и особенно к концу XVII в., Польша стала важным проводником западных влияний, которое несли среди прочего западнорусские учителя (см.: Киселева М. С., Чумакова Т. В. Вхождение России в интеллектуальное пространство Европы: между Царством и Империей // Вопросы философии. 2009. № 9. С. 27–28; Киселева М. С. Интеллектуальный выбор России второй половины XVII – начала XVIII века: от древнерусской книжности к европейской учености. М., 2011).

А. К.] называют, обоя точно Руски работа»[523]. Более поздний Словарь Академии Российской 1794 г. издания указывает также значение, близкое по смыслу к ремесленной мастерской: «Фабрика – лат., завод или место, где в большем количестве производится какое–либо рукоделие. *Чулошная фабрика. Суконная фабрика. Купить что на фабрике. Работать на фабрике. Содержать, завесть фабрику.* […] *Фабрикант* – содержатель одной или многих фабрик»[524]. В XIX в., вследствие индустриализации, слова завод и фабрика принимают современное значение[525].

Некоторые ремесленные понятия с измененной семантикой существуют и сегодня. Слово цех (нем. die Zeche, die Zunft, мн. ч. ц*е*хи), осталось в обозначении заводского ц*е*ха (мн. ч. цех*а*)[526]. Цеховой мастер, как мастер цеха или бригады, также остался в измененном значении. В результате распространение принципа цеховой иерархии на все крупные промышленные предприятия привело к возникновению специфической оптики, когда ремесленники в цехе и мастеровые в цеху могли быть названы одним словом – «цеховые», т. е. и как цеховые ремесленники, и как рабочие цеха. Одинаковое подразделение «цеховых» на Урале и работников в Большом Адмиралтействе Санкт–Петербурга согласно цеховой иерархии на мастера, подмастерья и ученика, к которым добавлялись еще работные люди, было характерным для всей России. Это привело к тому, что семантические поля в обозначении двух различных по функционалу и социальной принадлежности групп людей могли накладываться друг на друга вплоть до последнего времени даже в специальной литературе.

Показательным примером могут послужить в данном случае работы двух уважаемых историков: А. С. Черкасовой и А. В. Шипилова. Чтобы избежать недоговоренностей, позволю себе процитировать полностью два пространных отрывка из произведений этих авторов. Говоря о социальной структуре населения на заводах Урала, А. С. Черкасова пишет: «Особенно трудоемкие работы по заготовке древесного угля исполняли на уральских казенных и некоторых частных заводах приписные государственные крестьяне. Собственно заводских мастеровых и работных людей тоже привлекали к вспомогательным работам. Особенно широко это практиковалось на частных заводах, где приписных крестьян было меньше. На Нижне–Тагильском заводе только куренные работники (они заготовляли древесный уголь) составляли 50% населения, проживавшего в поселке. На небольших заводах таких работников было значительно меньше, доля же цеховых рабочих выше. На Лайском заводе куренные работники […] составляли только 25%, зато цеховые – около 50% мастеровых и работных людей завода. […] По данным П. А. Вагиной, к 60–м годам XVIII в. на заводах Урала числилось 30 тыс. мастеровых и работных людей. Цеховые составляли всего 2236 человек (7,4%). Из них мастеров 656, подмастерьев – 487, учеников – 423, работников – 670»[527].

Мы видим здесь три категории занятых на уральских заводах: приписные крестьяне на вспомогательных работах, заводские мастеровые и работные люди. В обязанность первых входило выполнение вспомогательных работ (транспортировка леса, заготовка и транспортировка древесного угля, транспортировка руды и готовых изделий). Вторые и третьи работали непосредственно в заводских цехах, поэтому их называют также «цеховыми». В свою очередь, эти «заводские» цеховые подразделяются на четыре группы: мастеров, подмастерьев и учеников,

---

[523] Биржакова Е. Э., Войнова Л. А., Кутина Л. Л. Очерки по истории… С. 143.

[524] Словарь Академии Российской. Санктпетербург: При Имп. Акад. наук, 1789–1794. Ч. 5, 6: от Т до конца. 1794, Ч. 6, стлб. 479.

[525] Биржакова Е. Э., Войнова Л. А., Кутина Л. Л. Очерки по истории… С. 143; DWDS. Fabrik. URL: https://www.dwds.de/wb/Fabrik (дата обращения: 10.02.2017).

[526] См.: ПСЗ–1. Т. 6. № 3708. С. 295; die Zeche – первоначально, помещение для совместного застолья цеховых мастеров Средневековья (Рыбаков Б. А. Ремесло древней Руси… С. 758).

[527] Черкасова А. С. Мастеровые и работные люди Урала в XVIII в.; Отв. ред. А. А. Преображенский; АН СССР, Урал. науч. центр, Ин–т экономики. М., 1985. С. 137.

что характерно для иерархии ремесленных цехов, а также работников как подсобных рабочих с более низкой квалификацией. В виду такой «переплетенности» понятий из–за их генетической близости возникла вероятность их подмены или смешения. В XVIII в. «ремесленные цехи» и «заводские цеха» находились семантически и функционально очень близко. Последние отпочковались от первых в сознании и восприятии людей постепенно на протяжении многих десятилетий, и лишь во время промышленного переворота и индустриализации во второй половине XIX в. обрели свою полную семантическую определенность и независимость от ремесленного контекста.

В процитированном выше отрывке наблюдается смещение спектра от «мастеровых» к «цеховым». Сначала они называются «заводскими мастеровыми», затем «цеховыми рабочими», а в последнем предложении просто «цеховыми». При этом ясно, что Черкасова имела в виду именно участников производственного процесса на заводе. Но именно эта перетекающая граница между «*цеховым*» и «*цеховым*» привела к ошибке у А. В. Шипилова, полагающего, что на уральских и сибирских заводах работали цеховые ремесленники, т. е. не записанные в ремесленный цех, но работающие на заводе: «Правда, следует учитывать, что, помимо цеховых, в городах работали и внецеховые ремесленники, а с другой стороны, *цеховые ремесленники* [курсив автора. – *А. К.*] работали не только в городах. Так, в середине века цеховые ремесленники работали на некоторых московских и петербургских мануфактурах, а на заводах Южного Урала к началу 60–х гг. насчитывалось 2236 человек цеховых (656 мастеров, 487 подмастерьев, 423 ученика, 670 работников). На 4 сибирских заводах в 1765 г. работало 476 цеховых (посадских здесь было 227, крестьян и разночинцев – 2970). На заводах А. Демидова в 1746 г. было 750 мастеров, 428 подмастерьев, 404 учеников; правда, цехов они не образовывали и самостоятельными производителями не являлись (в казенных учреждениях тоже работали мастера, подмастерья и ученики: так, в Адмиралтействе на 1727 г. числились 51 мастер, 48 подмастерьев, 99 учеников), хотя занимались зачастую именно ремеслом»[528]. Понятно, что здесь речь не идет о цеховых ремесленниках, а о мастеровых на металлургических заводах и на крупнейшем мануфактурном производстве России по постройке морских судов. Данный казус возможно интерпретировать в положительном ключе, как признание факта сильного влияния цеховой системы на формирующуюся крупную индустрию, где цехи послужили моделью, с помощью которой был найден modus vivendi организации всей промышленности. Произошедшая «расфокусировка» в восприятии цехов XVIII в. у А. В. Шипилова показывает состояние «разбалансированности» исторического знания о ремесленных цехах, что, в свою очередь, дало нам возможность в контексте продуктивной ошибки в науке сделать некоторые ценные выводы о влиянии цеховой ситемы на развитие крупной промышленности.

В результате цеховыми ремесленниками становятся «мастеровые и работные люди», работающие в заводском цеху. Отчасти аберрации в восприятии *цеховых* в разных функциях способствует законодательство XVIII в. В законе 7 января 1736 г. говорилось, что «впредь на тех мануфактурах и фабриках всяким *мастерствам обучать и в мастера производить* [курсив автора. – А. К.] из детей вышеписанных отданных им вечно» [дворцовые, синодальные, архиерейские, монастырские крестьяне и бобыли, из ямщиков, из мастеровых людей, других разночинцев и купленных, помещичьи крестьяне, по указам данных и иноземцев, а большая часть солдатских, рейтарских, пушкарских детей и купечества. – *А. К.*], – «[…] У кого на фабрике ныне обретаются в учениках или в подмастерьях и в мастерах […] давая свидетельствованные письма о его прилежности и мастерстве, чему обучался или в нерачении и лености пребывал, дабы добрые с худыми теми письмами были разделены»[529].

---

[528] Шипилов А. В. Индустрия России первой половины XVIII века: промыслы, ремесло, мануфактура. Воронеж, 2009. С. 183.

[529] ПСЗ–1. Т. 9. № 6858: *Об укреплении за фабрикантами оказавшихся у них на мануфактурах разного ведомства людей и крестьян…* С. 709–710.

Практика применения вышеназванных слов в XVIII в. определялась размытой семантической границей или смысловой близостью слов. В записке «Предложение о размножении фабрик» от 2 мая 1745 г. В. Н. Татищев пишет о вопросах развития ремесла, комментируя с сожалением: «токмо Мануфактур–коллегия, в то вступя, у меня руки отняла»[530]. Это и понятно, ведь Татищев предлагал изъять ремесленников из ведомства Мануфактур–коллегии и передать их в ведение магистрата, т. е. вернуть им статус, данный Петром I. при учреждении цехов в 1721–1722 гг. Новаторство Татищева заключалось в его предложении, ввести четкое разделение между фабриками и заводами, с одной стороны, и ремесленными мастерскими, с другой. Для этого он дает понятие фабрики, как предприятия, заключающего «в себе всякие ремесла», и ремесленной мастерской, в которой занимаются лишь одним видом ремесла: «Хотя фабрика французское слово есть весьма пространного разумения, заключаюсчее в себе всякие ремесла, однако ж мнитца, что его императорского величества высокое определение касается токмо до одних тех фабрик, которые во множественном числе людей и работ состоят, как то суконные, шелковые, полотняные и тому подобные великие заводы, а не все единственные ремесла»[531].

Это не мешает Татищеву в записке «Например представление о купечестве и ремеслах» от 12 мая 1748 г. поставить фабрики, заводы и ремесленников в один ряд, упоминая среди заслуг царя Алексея Михайловича, что тот «междо многими его знатными и вечной славы достойными делами не менше он о рукоделиах, ремеслах и купечестве его труда показал», устроив «медные и железные заводы, яко же и оружейные […], [заведя] холсчевые и шелковые фабрики, […] [призвав множество] ремесленников иностранных»[532].

Подводя итог, можно сказать, что в период протоиндустриализации, когда уровень смешения понятий и форм производства был еще высок, под производством, представляющим ремесленную мастерскую, могла скрываться мануфактура, фабрика или завод, и наоборот. С развитием индустриализации во второй половине XIX в. фабрика и завод начинают однозначно идентифицироваться с крупными промышленными предприятиями, хотя и состоящими зачастую из ряда расширенных «мастерских» или «фабрик», позже – «цехов». Претерпевала модернизацию и ремесленная мастерская, внедряя «миниатюрную» технику в виде электромоторов, бензинового, дизельного и газового моторов.

[530] Экономические записки В.Н. Татищева… С. 399–400, 407–409.

[531] Там же, с. 407–409.

[532] Там же, с. 414.

Глава III. Формирование института цехового ремесла 1712–1785 г

3.1. Предыстория появления цехов

Несколько слов о предыстории введения цехов в России. «Труднейшим разделом истории русского ремесла» назвал Б. А. Рыбаков «вопрос о ремесленных корпорациях»[533]. Исследователю принадлежит заслуга более дифференцированного подхода, заключающегося в возможности сравнительного анализа объединений ремесленников Древней Руси с цехами Западной Европы, который не обязательно должен вести к утверждению об их полной идентичности. Поэтому он ставит под вопрос правильность утверждений В. Н. Лешкова[534], считавшего несомненным существование цеховых организаций в Древней Руси; как и справедливость мнения, вступивших с последним в полемику, Н. Степанова, Н. Д. Рычкова, И. И. Дитятина и др., высказывавших мысль об искусственности цехов, которые «никогда не были потребностью русского народа»[535].

Б. А. Рыбаков, сделавший наиболее подробный анализ древнерусского городского ремесла на предмет наличия в нем корпоративных организаций цехового типа, вынужден был признать тот факт, что «прямых указаний источников на существование в русских городах XIV – XV вв. ремесленных корпораций с оформленными уставами в нашем распоряжении нет»[536]. Если же говорить о предыдущем периоде, то ученый по этому поводу ограничивается общим выводом о том, что «с X до начала XIII в. русское ремесло неуклонно шло вперед, развивалось и совершенствовалось», а разрушение русских городов в XIII – XIV вв. имело своим результатом почти полное уничтожение городского ремесла: «Все сложные производства исчезли; возрождение их началось только спустя 150–200 лет»[537]. Что же касается братчин, т. е. совместных пиров, и патронажных церквей новгородских кузнецов, приведенных как пример существования элементов корпоративности среди ремесленников, то они могут быть лишь доказательством существования неких корпоративных начал, которые нельзя поставить в один ряд с цехами в Западной Европе[538].

Особо нужно сказать о Новгородской (1136–1478) и Псковской (1348–1510) землях, представляющих наибольший интерес в прояснении вопроса о возможном существовании городских корпораций ремесленников. Изначальная ориентация Новгорода как центра новой государственности Северо–Западной Руси уже на раннем этапе своего существования на Западную Европу была обусловлена его геополитическим положением, о чем говорит и новгородская денежно–весовая система, ориентированная на готскую марку, и дворы европейских купцов[539]. Отмечая демократический характер политических установлений Новгорода на протяжении различных периодов его истории в XII – XV вв., В. Л. Янин отмечал, что «во всех упо-

---

[533] Рыбаков Б. А. Ремесло древней Руси… С. 729.

[534] Лешков В. Н. Очерк древних русских законов о ремесленной и заводской промышленности // Москвитянин. 1852. № 23, декабрь, кн. 1, отд. III. С. 7; См. также: Дементьев Е. М. Цехи в России… С. 131– 134.

[535] Рычков И. И. О цехах в России и Западной Европе… С. 789–822; Степанов Н. Сравнительно–исторический очерк… С. 1; Дитятин И. И. Устройство и управление городов России… Т. 1. С. 248.

[536] Рыбаков Б. А. Ремесло древней Руси… С. 775.

[537] Там же, с. 779–781.

[538] См. к историографии вопроса об образовании городов в Древней Руси: Фроянов И. Я., Дворниченко А. Ю. Города–государства Древней Руси. Л., 1988. С. 22– 40.

[539] См.: Рыбина А. Е. Новгород и Ганза. М., 2009; Одно время оплата аренды Готского двора со стороны ганзейских купцов происходила в рейнских гульденах (Там же, с. 119– 121).

мянутых случаях речь шла о завоевании и защите республиканского, вечевого строя, тех "свобод", которые стали для Новгорода конституционными»[540]. Попробуем выяснить роль «черных людей» – ремесленников и мелких торговцев, как основного городского населения, т. е. большинства свободных жителей, в защите этих свобод[541].

Катализатором наличия у ремесленного слоя корпоративного сознания может послужить уровень социальной активности его социальных акторов, т. е. степень их участия в делах города. Примерно с середины XIV в. в Новгороде наблюдается существенное расхождение интересов боярской верхушки, посадников, с одной стороны, и «черных людей» с другой: «главным объектом защиты […] становится отнюдь не вечевой строй, а та система феодальных богатств, которая сосредоточилась в руках верхушки населения города»[542]. По мнению В. Л. Янина, после 1418 г. по сути ликвидируется вечевой строй и устанавливается олигархия «Совета господ», что приводит к обострению борьбы черных людей против боярской верхушки и «формировани[ю] антибоярского самосознания черного люда Новгорода»[543]. А вот выражение о том, что присоединение Новгорода к Москве явилось «актом, в котором реализовалось социальное недовольство низов новгородского населения»[544], необходимо пояснить, о каких низах, занимавших принципиально разное социальное положение, идет речь. Во–первых, это зависимые смерды, традиционно предоставляемые Новгородской землей наместникам, посаженным великим князем, для их материального обеспечения. Смерды не были заинтересованы платить двойной налог Новгороду и великому князю и «тянули» к последнему. Во–вторых, это свободные черные люди, а значит и ремесленный люд, боровшиеся за автономию Новгорода, где и смерды, и бояре, и Иван III оказались против них.

Великий князь Московский воспользовался недовольством смердов, разногласиями по поводу последнего избранного епископа Новгородского Феофила. Сыграли свою роль и многолетние попытки пролитовской партии, вопреки договору между Москвой и Краковом, пригласить на новгородское княжение польского короля и великого князя литовского Казимира IV, послужившие поводом для захвата Новгорода в 1470 г., а затем его присоединения в 1478 г., и распространения на него порядков Русского государства[545]. Черным людям нечего было противопоставить воле великого князя. Но именно они оказали на заключительном этапе существования Новгородской земли наиболее активное сопротивление попыткам Московского государства лишить ее автономии.

Социальная борьба новгородских группировок за власть не может быть сведена под стилизованную мнимую борьбу социальных низов и верхов подобно схеме так называемого классового антагонизма «угнетателей» и «угнетенных», проблематичного в применении ко времени русского средневековья[546]. В. Л. Янин справедливо указывает: «В поражении Новгорода не последнюю очередь сыграло нежелание изверившихся в боярской власти новгородцев воевать против великого князя»[547]. Но здесь, как и в Пскове, присутствовала сложная архитектура конфликта, с которой Янин, безусловно, как один из крупнейших специалистов по истории Великого Новгорода, прекрасно знаком. В шелонской битве в июле 1571 г. черные люди действительно отказались участвовать в знак протеста против боярской «неправды», которую они возводили не только против них, но и… против великого князя. Но значило ли это, что они безоговорочно тянули к Москве или в каких–то случаях только пытались использовать авто-

[540] Янин В. Л. Очерки истории средневекового Новгорода. М., 2008. С. 11.

[541] Тихомиров М. Н. Древнерусские города… С. 141–147.

[542] Янин В. Л. Очерки истории средневекового Новгорода… С. 12.

[543] Янин В. Л. Очерки истории средневекового Новгорода… С. 13.

[544] Там же.

[545] Там же, с. 322.

[546] См.: Аракчеев В. А. Средневековый Псков… С. 7–8.

[547] Янин В. Л. Очерки истории средневекового Новгорода… С. 323.

ритет великого князя в борьбе за власть внутри Великого Новгорода? Согласно Никоновской летописи, «[…] новгородские посадници все и тысяцкие, спроста рещи, плотници и гончары и прочии, которой и родився на лошади не бывал, и на мысли котором того не бывало, что руки подняти противу великого князя, всех тех изменники они силою выгнали»[548].

Известно, что летописи использовались представителями московской элиты как действенное идеологическое оружие, что можно сказать и обо всех остальных политических агентах того времени, для обоснования своей экспансионистской политики. Редактором–составителем летописного свода, известного под названием Никоновской летописи и составленного между 1526 и 1530 годами, являлся московский митрополит Даниил. Во 2–й половине 1550–х годов этот летописный свод был соединен с материалами официальной московской историографии. Согласно данной летописи, «притесняемый» «простой люд»: плотники, гончары и прочие жители города, полностью поддерживал великого князя, что не должно вызывать никаких сомнений. Посмотрим, так ли было все однозначно.

Согласно В. Л. Янину, «наиболее активную антимосковскую позицию занимало боярство Неревского конца, поддержанное прусской и плотницкой группировками»[549]. Напомним – Новгород был прежде всего городом купцов и ремесленников, «[…] названия ремесел буквально пронизывают всю городскую топонимику». Из пяти городских районов или концов Новгорода два: Людин или Гончарский на Софийской стороне и Плотницкий на Торговой стороне, судя по их названиям, имели ремесленный характер, причем в последнем, кроме представителей деревообрабатывающих ремесел, селились и другие ремесленники[550]. К названиям районов Кожевники, Кузнецы, Молотково и Котельники добавлялись улицы Гончарная, Железная, Козмодемьянская, Котельницкая, Кузнечная (Кузнецкая), Молоткова, Оловянка, Плотенская, Щитная[551].

Топонимика, являясь важным ориентиром в общей характеристике концов Новгорода по профессиональной принадлежности проживавших в них ремесленников, является важным, но не единственным показателем, помогающим сделать выводы с высоким уровнем обобщения. Уточнение спектра ремесленных профессий населения концов возможно с помощью работ, анализирующих этот вопрос на основании данных археологических исследований. Одной из таких работ является диссертация В. К. Сингха по железному инструментарию средневекового Новгорода, включающему в себя металлообрабатывающие (221 экз.) и деревообрабатывающие инструменты (665 экз.), инструменты для обработки кожи (7 экз.), для обработки кости (14 экз.), для плетения из лыка и бересты (14 экз.), универсальный ремесленный инструментарий (207 экз.), универсальный инструментарий (999 экз.) и неопределенные инструменты (174 экз.). В результате фронтального просмотра Сингху удалось выявить «значительное количество предметов (2301 экз.) относящихся к железному ремесленному и универсальному инструментарию»[552]. Наиболее распространёнными были деревообрабатывающие и металлообрабатывающие ремесла. Крайне важна была профессия кузнеца, изготовлявшего металлические

---

[548] ПСРЛ. Т. 12. Издание 1–е. Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью. СПб., 1901. С. 135.

[549] Янин В. Л. Очерки истории средневекового Новгорода… С. 326.

[550] См.: Янин В. Л. Концы городские // Великий Новгород. История и культура IX – XVII веков: Энциклопедический словарь… С. 249, 352–353; О ремесленном характере русских городов можно хорошо судить по книге о городах России XVI в. по материалам писцовых описаний, например, Калужского (1590–е гг.) или Тульского (1587/1589 гг.) посадов (Города России XVI века. Материалы писцовых описаний / Изд. подг. Е.Б. Французовой. М., 2002. С. 221–292).

[551] Иловайский Д. И. Становление Руси. М., 2003. С. 449; Рабинович М. Г. Очерки этнографии русского феодального города: Горожане, их общественный и домашний быт / Отв. ред. В. В. Покшишевский. М, 1978. С. 31–32; Э. А. Гордиенко. Улицы Великого Новгорода в пределах Окольного города // Великий Новгород. История и культура IX – XVII веков… С. 459–465; Никаноров А. Б. Мастера колокольные // Великий Новгород. История и культура IX – XVII веков… С. 289.

[552] Сингх В. К. Железный инструментарий средневекового Новгорода. Дисс. на соиск. уч. степ. канд. ист. наук. М., 2009. С. 163–164; См.: Куза А. В. Малые города Древней Руси. М., 1989. С. 121–127.

инструменты, наряду с другими представителями металлообрабатывающих ремесел. Соответственно, представлен широкий спектр групп металлообрабатывающих инструментов: опорных, ударных, рубящих, режущих, подкладных, захватывающих, зажимных и вспомогательных[553].

Стабильным спросом пользовалась профессия плотника, что подтверждается большим количеством топоров и других инструментов (тёсла, перовидные и спиральные сверла, пилы продольного и поперечного пиления), применявшихся при строительстве деревянных построек. Универсальные инструменты, составляющие почти половину всех инструментов, использовались как в ремесленном производстве, так и в быту. Пик концентрации инструментов приходится на XIII – первую половину XIV вв., что совпадает с расцветом ремесел в Новгороде с середины XIII в.[554]

На территории всех исследованных усадеб Неревского раскопа присутствовали различные ремесленные производства разной степени интенсивности, существовавшие там на протяжении длительных периодов, что может говорить, как о семейной специализации ремесел на протяжении многих поколений, так и о частой смене ремесленных профессий по причине разной их прибыльности. Все это подтверждает вывод о преобладающем ремесленном характере подавляющего большинства населения Новгорода, занимавшегося тем или иным ремеслом. На каждой усадьбе выявлены большие комплексы деревообрабатывающего инструментария. Также не вызывает сомнения наличие в усадьбах кожевенного и сапожного ремесел[555]. Людин (Гончарный) конец, помимо гончарного ремесла, также отличался большим разнообразием ремесел. Особо нужно отметить усадьбу А, в которой на протяжении всего исследованного периода удалось выявить заметную концентрацию находок ремесленного производства: здесь находилась мастерская по производству бубенчиков, впоследствии заведение мастера Олисея Петровича Гречина. После прекращения ее деятельности, на ней также продолжает присутствовать ремесленное производство[556].

Напрашивающийся вывод о том, что наиболее активная антимосковская оппозиция локализовалась именно в районах с наиболее высоким процентом ремесленного населения, можно сделать лишь условно, ввиду того, что почти во всех новгородских усадьбах производились те или иные ремесла: к примеру, сапожное производство существовало практически на всех усадьбах[557]. Нельзя дать однозначного ответа и о специализации древнерусского ремесла, так как находки инструментов на усадьбах относятся к различным ремеслам. В. К. Сингх приходит к выводу: «Вероятно, мастера, жившие на усадьбах, или владевшие этими усадьбами, в основной своей массе были универсальными ремесленниками. Сапожник, например, долгое время был и кожевником […]. Лишь XII – XIII вв. сапожное ремесло отделилось от кожевенного. Щитник, помимо знания кузнечного дела, должен был обладать навыками обработки цветных металлов, дерева и кожи, так как щиты изготовлялись из всех этих материалов. Ювелирные мастерские нередко были совмещены с косторезными»[558].

Тем не менее, есть отдельные факты, позволяющие провести связь между оппозиционным боярством и некоторыми группами ремесленников, поддерживавших это боярство. В Великом Неревском конце – древнейшем наряду с Людиным и Славенским концами –, находилась самая влиятельная группа кузнецов, образующая Козьмодемьянскую улицу, названную по имени патронажной церкви св. Козьмы и Дамиана. В прусско–плотницкую группировку, воз-

[553] Там же, с. 31.
[554] Там же, с. 164–166.
[555] Там же, с. 100–122.
[556] Там же, с. 138.
[557] Там же, с. 161–162.
[558] Там же, с. 170.

никшую в период степенного посадничества (1360–1478), входили Людин (Гончарский, южнее Загородского конца), Загородский и Плотницкий концы. Прусская или Загородская группировка, названная по имени Прусской улицы (группировка «прусских бояр»), находилась по соседству южнее от Неревского конца. Обе эти группировки, за исключением плотницкой, находились на Софийской стороне[559].

На другом берегу Волхова, на севере Торговой стороны, находился Плотницкий конец, образовывавший плотницкую, а совместно с Загородским и Людиным концами – прусско–плотницкую группировку. К последнему периоду наиболее острого противостояния Новгородской земли Великому княжеству Московскому с 1455 по 1478 гг., на который приходятся три Московско–новгородские войны (1456, 1471, 1477–1478), из числа степенных посадников преобладали представители антимосковской группировки, соответственно, от прусской, плотницкой и прусско–плотницкой группировок (7 степенных посадников), умеренной от Славенского конца (2 человека), неизвестно (2 человека)[560].

Вернемся к событиям третьего похода на Новгород, закончившегося его полным покорением. На неоднозначность новгородских событий указывает тот факт, что во время переговоров великого князя с новгородцами в декабре 1478 – феврале 1479 гг., первые просили «помилова[ть] и освободи[ть] тех бояр, которые были арестованы великим князем в первый приезд в Новгород», на что получили «аргументированный» отказ в логике неограниченной власти, так как «сами новгородцы в свое время на тех бояр "били челом"»[561]. Иными словами, играть интересами великого князя в интересах своих группировок у новгородцев не получилось, за что они заплатили самую высокую цену – они поплатились новгородской «вольницей», а многие из них, в исторической ретроспективе, и своими «животами», уже без различия чина, звания и вины.

Причины поражения Новгорода крылись в характере его социально–политического порядка. В данном вопросе более близкую к реальности позицию занял, как нам представляется, И. Я. Фроянов, говоривший о разных интересах и группах среди новгородского населения: ремесленников, купечества, боярства: «В столкновение пришли свободные группы новгородцев, смешанные по социальному составу, в которых отделить знатных людей от простых довольно трудно»[562]. Данная гетерогенная структура интересов, типичная для всего удельно–вечевого периода истории не только для XIII в., но и для XV в., усиливалась спецификой новгородской демократии и новгородского гражданства, его территориальным делением на сотни, улицы и концы. Специфический интерес имелся и у великого князя – в приобретении нового контингента многочисленных ремесленников Новгорода и Пскова, так необходимых стремительно развивающемуся и строящемуся Московскому княжеству. На 1471 г. приходится начало строительства нового Успенского собора в Московском Кремле, а 1482–1495 гг. – кирпичного Кремля[563].

---

[559] Прусская улица стала центром самого последнего по времени образования Загородского конца Софийской стороны. Долгое время улица являлась самостоятельным субъектом новгородской политической жизни и имела статус, равный городскому концу, что позволяло ей выставлять своих представителей на должность новгородских посадников. В разные периоды времени «прусские бояре» представляли интересы Людина, Загородского и Плотницкого концов. Фактически, Людин и Плотницкий концы являлись продолжением группировки «прусских бояр» (См.: Янин В. Л. Новгородские посадники. 2–е изд., переработанное и дополненное. М., 2003; Он же. Новгородские акты XII – XV вв. М., 1991. С 76–77).

[560] Янин В. Л. Концы городские // Великий Новгород…; Он же. Новгородские посадники…; Он же. Новгородские акты XII – XV вв…

[561] Иван III дал новгородцам совершенно ясное объяснение своей власти: «наше государьство великих князей таково: вечю колоколу во отчине нашей в Новегороде не быти, посаднику не быти, а господарьство свое нам держати» (Янин В. Л. Очерки истории средневекового Новгорода… С. 327).

[562] Речь идет о событиях 1229–1230 гг. (Фроянов И. Я. Мятежный Новгород. Очерки истории государственности, социальной и политической борьбы конца IX – начала XIII столетия. СПб., 1992. С. 277–278).

[563] А. М. Фроянов указывает на явный недостаток мастров у великого князя (Фроянов А. М. Города Северо–Восточной Руси XIV – XV вв… С. 135).

Аналогичное положение дел относительно черных людей наблюдалось в Пскове. Позиция черных людей, как и в Новгороде, за некоторыми исключениями, схожа – во всех плоскостях конфликта: со смердами, с боярством, с Иваном III, как и с его преемником Василием III, они отстаивают права своей земли и вечевого порядка. Это хорошо видно на примере событий, произошедших в XIV–XV вв. в Пскове. Своей кульминации они достигли в так называемом конфликте «брани о смердах» 1483–1486 гг., имевшем несколько причин и множество различных социальных акторов. Ю. Г. Алексеев выделил движущие силы этого конфликта, протекавшего в трех плоскостях: «между Господином Псковом и смердами; между Господином Псковом и великим князем; внутри самого Господина Пскова – между боярами и черными людьми»[564]. Нас интересует прежде всего последняя плоскость конфликта. А. Л. Хорошкевич считает, что в Пскове (так же, как и в Новгороде. – А. К.), черные люди вступили в конечном итоге в противостояние с боярской верхушкой и посадниками, пошедшими на компромисс с великокняжеской властью ради спасения своих вотчин и власти[565]. Помимо боярской верхушки, у горожан – мелких собственников и ремесленников в вечевом городе и в смердьем погосте имелись свои интересы. Становясь мелкими землевладельцами, горожане «проникают внутрь погоста, приобретая земли и зависимых людей»[566]. Наряду со смердами появляются сироты и изорники.

В «брани о смердах» хорошо видна роль черных людей, выступивших во время заключительной фазы конфликта как против боярской верхушки, так и, фактически, против великокняжеской власти за сохранение «всей старины», основанной «на всех послинах и старинах». Хотя о более точных и конкретных поводах конфликта мнения расходятся, среди главных причин конфликта можно назвать льготу, данную великим князем смердам. Последние находились по традиции в коллективном подчинении наместника великого князя, на тот момент князя Ярослава, и города, с обязанностью уплаты дани обоим. Освобождение от уплаты дани городу, напрямую задевало экономические и политические интересы Псковской земли. Ведь от решения вопросов налогообложения, выносившихся на вече, зависели не только благосостояние Пскова, но и степень независимости народного собрания, а значит его политической легитимности: «Если смерды – это государственные крестьяне, тянущие к Пскову, то ликвидация системы эксплуатации, в основе которой лежали их повинности в пользу Господина Пскова, была бы равносильна ликвидации самого вечевого города–государства. Полное прекращение повинностей смердов в пользу города не только наносило удар по массе "рядовых горожан" […], но означало конец всей вечевой системы: городская община Пскова тем самым теряла право эксплуатации псковских земель, а черные люди ставились в положение тяглецов в пользу города, теряя свое привилегированное положение по отношению к смердам»[567]. Эта

---

[564] Алексеев Ю. Г. Псковская судная грамота и её время: Развитие феодальных отношений на Руси XIV – XV вв. Л., 1980. С. 212.

[565] Хорошкевич А. Л. «Брань» из–за смердов в Пскове в 80–х годах XV в. // Русский город. Вып. 6. М., 1983. С. 37.

[566] Алексеев Ю. Г. Псковская судная грамота и её время… С. 227; См.: Аракчеев В. А. Средневековый Псков… С. 64.

[567] Там же, с. 225–226; См.: Хорошкевич А. Л. «Брань» из–за смердов… С. 37–52; Артемьев А. Р. Градостроительная политика Псковской феодально–вечевой республики // Краткие сообщения Института Археологии. 1987. Вып. 190. С. 104; Ю. Г. Алексеев считает, что «трудно только согласиться с Л. В. Черепниным, когда он видит в этом движении борьбу "за старину"» (Алексеев Ю. Г. Псковская судная грамота и её время… С. 214); Видимо, причины данного разногласия идеологического характера, ведь «прогрессивные низы», согласно советской идеологеме, не могли бороться «за старину», но, скорее, против «истинных угнетателей» – феодалов, и, безусловно, за объединение Руси, т. е. за централизованное российское государство под началом великого князя Московского. Можно усомниться, что черные люди и ремесленники Новгорода и Пскова «болели душой» за безусловную централизацию и полное подчинение великому князю. Скорее наоборот, чтобы ее избежатть, они искали союза с Великим княжеством Литовским, в состав которого к тому времени входили Брянск, Курск и Смоленск, но не для того, чтобы безусловно подчиниться его воле, а чтобы сохранить свою «вольницу», т. е. экономическую и, отчасти, политическую независимость как от западных соседей, так и от северо–восточных. Погром, устроенный в Новгороде столетие спустя, в 1570 г., был в символическом смысле именно актом мести за те демократические традиции, которые противостояли по своей сути политическим реалиям, сложившимся в Московском централизованном государстве (См.: Алексеев Ю. Г. «К Москве хотим»: Закат боярской республики в Новгороде. Л., 1991).

карта была разыграна великим князем как в споре с Великим Новгородом, так и с Псковом, что означало «уничтожение всей социальной специфики Псковской земли, всего того, что отличало ее от княжеских земель Северо–Восточной Руси»[568].

Процветание городов–государств покоилось не только на обширных владениях и зависимом населении, но и на цветущей торговле с ганзейскими, готскими, другими немецкими, голландскими, шведскими и прочими купцами. В Новгороде издавна существовали Готский и Немецкий дворы. По договору 1498 г., в Пскове немецким купцам был предоставлен весь самый престижный левый берег, названный Немецким, «напротив кремля, удобный для пристаней и торговых судов, где немецкие купцы арендовали дворы для проживания и торговли»[569]. Для возведения внутри Немецкого двора кирпичного дома, туда был послан свой мастер из г. Дерпта[570].

С древних времен на Руси имелась традиция приглашать иноземных мастеров. Особенно много их было в Новгороде и Москве. К примеру, с XIV по начало XVI в. литьем колоколов в Новгороде занимались преимущественно иностранные мастера, искусство которых было усвоено местными умельцами. Ко времени возобновления литья в начале 1550–х гг., этим ремеслом занимаются преимущественно русские одиночные мастера[571]. Новгородский архиепископ Василий Калика заказывает в 1338 у мастера Исайи Гречина вместе с дружиной росписать церковь Входа в Иерусалим в Детинце. Помимо передачи утраченного технического опыта, греческие мастера знакомили новгородских мастеров «с манерой, иконографией и приемами письма, культивируемыми в византийской живописи XIV в.»[572]. В области книжной миниатюры зафиксированы заимствования из немецкой ксилографии. В 1575 г. западноевропейский мастер Андрейчина украсил для новгородского архиепископа Леонида Четверое Евангелие миниатюрами[573]. Нередко иностранные мастера посылались в Новгород из Москвы. В 1632 г. из столицы прибыл шведский крепостной мастер Юст Матсон для ремонта Малого земляного города[574].

Интенсивные культурные и экономические связи с Западной Европой накладывали свой отпечаток на социокультурный тип граждан городов–государств северо–западной Руси, особое понимание ими социальности и личной роли в делах города. Именно ввиду столь резкой разницы в устоях и локальной истории «центра и периферии», в городах Северо–Западной Руси – одних из старейших городов Древней Руси, можно было бы надеяться найти признаки ремесленных корпораций. Древние вечевые традиции Великого Новгорода и Пскова дополнялись тесными связями с Северной и Центральной Европой, Передним Востоком и Византией: «В живописи XII в. проявляются романские влияния, а в архитектуре XV в., когда в Новгород иногда привлекаются западные мастера, заметны элементы готики. С 1420–х гг., когда очередная реформа преобразовала систему государственной власти, новгородцы осознают сходство новых институтов с венецианскими: на новгородских монетах появляется изображение патронессы города св. Софии, вручающей посаднику символы власти, что является несомненной репликой традиционного изображения на монетах Венеции, где св. Марк вручает символы власти дожу»[575]. Аналогичные тенденции наблюдались в свободном ганзейском городе Гамбурге.

---

[568] Алексеев Ю. Г. Псковская судная грамота и её время… С. 226.

[569] Лабутина И. К. Историческая топография Пскова в XIV – XV вв. М., 1985. С. 46, 141, 142; Лагунин И. И. Изборск и Ганза. Нибуров мир. 1391 г // Вестник Псковского государственного университета. Серия: Социально–гуманитарные науки. 2013. № 2. С. 38.

[570] Рыбина Е. А. Немецкий двор… С. 348.

[571] Никаноров А. Б. Мастера колокольные // Великий Новгород. История и культура IX – XVII веков… С. 288.

[572] Лившиц Л. И. Монументальная живопись Новгорода // Там же, с. 330.

[573] Гордиенко А. Миниатюра книжная XI – XVII вв. // Там же, с. 295.

[574] Коваленко Г. М. Матсон Юст // Там же, с. 289.

[575] Янин В. Л. Новгород // Великий Новгород. История и культура IX – XVII веков… С. 353.

Именно в Новгороде мог появиться такой тип русского юродивого – первым подвижником на этом поприще стал бывший немецкий купец Прокопий Устюжский (умер в 1303 г.)[576]. Покоренный красотой православных храмов и обрядов, он отказался от своего имения, крестился в Хутынском монастыре и принял самый тяжелый христианский подвиг юродства[577].

М. Н. Тихомиров недвусмысленно высказался по вопросу существования корпораций в Древней Руси: «Конечно, ставить вопрос о существовании в Киевской Руси развитых цехов с уставами и законченной системой взаимоотношений между мастерами, подмастерьями и учениками едва ли возможно, тем более что подобные цехи характерны для более позднего ремесла, но о зачатках ремесленных объединений в крупных городах Киевской Руси можно думать с большим основанием»[578]. С мнением Рыбакова о том, что «"улицы", "ряды", "сотни", "обчины" и "братчины" были формами корпоративных организаций XIV – XV вв.»[579], можно частично согласиться, при условии, если не рассматривать их в рамках российской юридической школы, исходившей из принципов классического римского права. Отсутствие такового в Киевской Руси и Московском государстве не мешает предположить существование первичных неформальных корпоративных форм организации посадских ремесленников на основании обычного права, которые не могли получить своего дальнейшего оформления в корпорации, ввиду специфики сильной централизованной великокняжеской власти, трансформировавшейся позднее в монархическую, не заинтересованной в существовании каких–либо институтов, способных составить ей конкуренцию. Не имея ничего общего с западноевропейскими цехами, эти первичные протокорпорации так и остались типично российской формой территориальной организации посадского населения в городах, или крестьян – в случае с артелями. Оппонируя Тихомирову, «В. И. Шунков показал, что псковские сотни ни в коей мере не несли в себе черты цехового строя, а были обычными административно–территориальными единицами»[580].

Если попытаться вкратце резюмировать суть споров о судьбах древнерусских городов–государств с широкими автономными правами и централизованной российской государственности, то личные симпатии или антипатии историков по отношению к двум этим модусам существования российских социумов во многом определяют их позицию в вопросах отношения к демократии и свободам как таковым. Сторонники сильной централизованной государственной власти, имеющей репрессивную тенденцию к подавлению личных свобод, выступают за безусловное подчинение воле великого князя, их оппоненты – за сохранение новгородской или псковской «вольницы» как альтернативного варианта развития российской государственности. По мнению первых великий князь отстаивал свой авторитет, а потому вынужден был бороться с Тверью, Рязанью, Нижним Новгородом, Суздалем, Великим Новгородом и Псковом, подчиняя их своей воле, а также противостоял экспансии с Запада. Следуя этой логике,

---

[576] Примечательно, что русскими первомучениками стали варяги Фёдор Варяг и его сын Иоанн, на месте гибели которых была построена Десятинная церковь в Киеве.

[577] Мусин А. Е. Юродивые новгородские // Там же, с. 544.

[578] Тихомиров М. Н. Древнерусские города. М., 1956. С. 128.

[579] Рыбаков Б. А. Ремесло древней Руси… С. 781. Аналогичной с Рыбаковым точки зрения придерживается М. Н. Тихомиров, перенесший возникновение ремесленных корпораций в XVII в.: Тихомиров М. Н. О купеческих и ремесленных… № 1. С. 29–30, 33; Здесь точка зрения автора совпадает с мнением К. А. Пажитнова о том, что торговые ряды являлись только местом торговли, где отсутствовало производство; см.: Пажитнов К. А. Проблема ремесленных цехов… С. 19–20; Позиция Пажитнова совпадает с выводами, сделанными П. И. Лященко о том, что «в Московском государстве XVI – XVI вв. не имелось ни цеховой организации населения как промышленного класса, ни цеховой регламентации ремесла» (Лященко П. И. История народного хозяйства СССР. Т. 1… С. 268); Схожую точку зрения см. у М. В. Довнар–Запольского. По его мнению, московские торговые ряды XVII в. находились в периоде «развития корпоративных стремлений». Среди существенных отличий от цехов Довнар–Запольский называл «объединение ремесленников и торговцев и административно–полицейские функции, навязанные организациям московскими приказами» (Довнар–Запольский М. В. Организации московских ремесленников… С. 163–164).

[580] Аракчеев В. А. Средневековый Псков… С. 209.

Новгородские и Псковские земли должны были пасть, как и все остальные относительно независимые центры, претендующие на ограниченную автономию и признающие главенство великого князя[581]. Если же это главенство начинало претендовать на полновластие, включались другие механизмы самоопределения, ведшие в каждом отдельном случае к различным результатам. Это объясняет, например, почему сегодня в Западной Европе существуют такие политические образования или страны, как Нидерланды, немецкоязычные кантоны Швейцарии, Австрия или регион Эльзаса во Франции, входившие ранее наряду с Германией в состав Священной Римской империи германской нации.

Положение ремесленников западноевропейского города определялось логикой городского самоуправления, основывающегося на автономных правах как города, так и отдельных городских социальных слоев или корпораций. Наиболее близкими к ним по данному признаку были Новгород и Псков. Б. Д. Греков относил к городским поселениям такие населенные пункты, в которых «сосредоточено промышленное и торговое население, оторванное от земледелия»[582]. Ю. В. Бромлей добавлял к этому необходимое условие – наличие «городского уклада жизни, включающего как экономическую, так и внеэкономическую сферы»[583]. Но «каков бы ни был характер города, на определенном этапе важнейшими занятиями его жителей, – как отмечал М. Г. Рабинович, – были промышленность (первой формой которой является ремесло) и торговля»[584].

В период расцвета Великого Новгорода (XI – XIII вв.) в нем насчитывалось свыше 50 ремесленных специальностей, поскольку первоначальной хозяйственной деятельностью были ремесла и промыслы: «[…] ремесленники резали гребни из самшита, который привозили из Грузии, сырье для янтарных украшений доставлялось из Прибалтики, металл из других стран. Новгородские ремесленные изделия везли на юг для обмена на хлеб, т. к. своего хлеба не хватало»[585]. К XVI в. многообразие ремесел в русском феодальном городе возрастает до 210 названий, а ремесленники составляют в среднем 20–25% всего населения города. Наиболее значительными являются группы ремесел, связанные с производством разного рода еды (34) и с изготовлением одежды и обуви (32). Кроме того, имелось еще более 30 ремесел, связанных со строительством, с обработкой металла и дерева, производством предметов быта, оружия[586]. По подсчетам А. В. Арциховского, в Новгороде XVI в. имелось 237 ремесленных профессий[587]. В Петербурге XVIII в. встречается большинство этих ремесел, количество которых, только организованных в цехах, превышает 70, а в 1875 г. составляет 119[588]. Даже по приблизительным подсчетам видно, что цеховые ремесла охватывали далеко не все области производства. Данный факт возможно интерпретировать как особенность введенных цехов по западному образцу, имевших свои специфические задачи и особенности, которые не было необходимым и возможным переносить на все виды ремесел.

Именно поэтому, мы считаем, что подобие или сходство не могут говорить о наличии идентичности российских ремесленных форм организации и западноевропейских, имеющих разную природу происхождения, наполнение и задачи. Доказанным может считаться только то, что организации ремесленников в средневековых русских городах имели некоторое сходство

---

[581] См.: Алексеев Ю. Г. «К Москве хотим»: Закат боярской республики в Новгороде. Л., 1991.

[582] Греков Б. Д. Киевская Русь. М., 1949. С. 94; Рабинович М. Г. Очерки этнографии русского феодального города. Горожане, их общественный и домашний быт. Отв. ред. В. В. Покшишевский. М., 1978. С. 31.

[583] Бромлей Ю. В. Этнос и этнография. М., 1973. С. 246.

[584] Рабинович М. Г. Очерки этнографии русского феодального города… С. 31.

[585] Давыдова С. Г. Развитие малого предпринимательства в Великом Новгороде… С. 19; См.: Колчин Б. А. Ремесло // Очерки русской культуры XIII–XV веков. Ч. 1. Материальная культура / Под ред. А.В.Арциховского. М., 1969. С. 156–230.

[586] Рабинович М. Г. Очерки этнографии русского феодального города… С. 34.

[587] Арциховский А. В. Новгородские ремесла // НИС. Новгород, 1939. Вып. 6. С. 3–15.

[588] Отчет С.–Петербургской ремесленной управы за 1875 г. СПб., 1876. С. 16–17.

с цехами в такой стране с сильной центральной властью как Франция, где формообразование цехов определялось в значительной степени фискальными интересами государства, и не подходят для сравнения с цехами в Германии[589].

М. Г. Рабинович считал «доказанным наличие в русских городах еще до XIII в. организаций ремесленников, подобных западноевропейским цехам», соглашаясь с аргументами М. Н. Тихомирова, Б. А. Рыбакова и Л. В. Черепнина: «Об этом говорит и территориальное размещение ремесленников по профессиям и наличие "урочных изделий", выполнявшихся для получения определенной квалификации, и, добавим от себя, общеупотребительность на Руси такого распространенного в Западной Европе и имеющего весьма определенное значение термина, как "мастер", и наличие такого важного института, как ремесленное ученичество»[590]. Фактическое наличие таких разрозненных признаков еще не говорит о тождестве явлений или институтов, которым они принадлежат. Идентичные по формальным признакам понятия могут существенно различаться по их содержанию. Именно такой пример мы имеем в Древней Руси, где корпоративные тенденции были наиболее близки западноевропейским, и в Московском централизованном государстве, где эти тенденции сошли на нет, а признаки предполагаемой корпоративности были отражением формального сходства, но не самоуправляющихся свободных коммун. Такие формально схожие традиционные российские слова и понятия как «мастер» и «ученик» наложились на западноевропейские институциональные понятия «мастера» и «ученика» с иным традиционным наполнением и смыслами, носителями которых являлись ремесленники, пришедшие из другого культурного круга и традиций.

Возьмём, к примеру, работу С. В. Бахрушина об учениках в XVII в., на которую ссылается Рабинович. Бахрушин говорит о том, что уже в Псковской судной грамоте говорится о мастерах, взимающих плату с учеников за обучение. Но, по предположению историка, наибольшего развития ученичество достигает лишь во второй половине XVII в., «в частности, в связи с наплывом в Москву специалистов – мастеров из Польши и Западной Европы; большую роль сыграли при этом вновь основанные под Москвою слободы из польских выходцев и пленников»[591]. Имеется в виду находившаяся в ведении Посольского приказа Новомещанская слобода, основанная в результате русско–польской войны 1654–1667 гг. По схожему сценарию развивались события и ранее при основании московской Иноземной слободы предположительно после 1558 г. для пленных ливонцев, среди которых находились также французы, шотландцы и датчане[592]. После Смутного времени множество иностранцев жило в Москве рассеянно по дворам, пока по приказу царя в 1652 г. не была создана Новая Иноземная, или Немецкая, слобода на прежнем месте «подле Яузы реки, где были наперед сего Немецкие дворы […] до Московского разорения»[593].

С точки зрения социальной принадлежности, ремесленников в городах Московского государства XVII в. можно разделить на четыре большие группы. Дворцовых ремесленников, обслуживавших нужды дворца и царской семьи, а также находившихся на государевой службе

---

[589] См.: Стоклицкая–Терешкович В. В. Основные проблемы истории средневекового города X – XV веков. М., 1960. С. 174–188, 193–194, 222–224.

[590] Рабинович М. Г. Очерки этнографии русского феодального города… С. 36; См.: Тихомиров М. Н. О купеческих и ремесленных объединениях Древней Руси // Вопросы истории. 1945. № 1. С. 22–23; Рыбаков Б. А. Ремесло… С. 729–776; Черепнин Л. В. О формах объединений ремесленников в русских городах XIV – XV вв. // Вопросы экономической истории и источниковедения периода феодализма в России : Сб. ст. к 70–летию А.А.Новосельцева. М., 1961. Бахрушин С. В. Ремесленные ученики в XVII в. // Бахрушин С. В. Научные труды. Т. II. М., 1954; Тальман Е. М. Ремесленное ученичество Москвы в XVII в. // Истор. зап. 1948. Т. 27.

[591] Бахрушин С. В. Ремесленные ученики в XVII веке… С. 102–103.

[592] Келлер А. В. Немцы в Москве XVI – начала XX вв.: их культурная и общественная жизнь // Немцы Москвы: исторический вклад в культуру столицы (сборник докладов Международной научной конференции, посвященной 850–летию Москвы. М, 1997. С. 55–56.

[593] Там же, с. 59; Fechner A.W. Chronik der Evangelischen Gemeinden in Moskau. Bd. 1. Moskau, 1876. S. 279.

и числившихся под началом различных приказов; вотчинных ремесленников: крестьян, дворовых, холопов на дворах феодалов; церковных ремесленников: патриарших, митрополичьих, архиерейских и монастырских; и посадских, тянувших тягло, т. е. совокупность различных налогов и повинностей. Исключение здесь составляли стрельцы, казаки и драгуны, занимавшиеся ремеслами, а также платившие оброк с лавок, но не тянувшие тягла и не несшие тяглых служб вместе с посадскими людьми[594]. Косвенным указанием на важное значение мастеровых, находившихся на государевой службе, является тот факт, что дела посадских мастеров («черные мастеровые люди»), перешедших на государеву службу, решались лично государем в том случае, если «сотенные люди» вновь захотят взять их в тягло: «о тех мастеровых людех докладывати Государя имянно, как о техъ мастеровыхъ людехъ Государь укажетъ, а без докладу их в сотни не отдавати»[595].

Бахрушин говорит о том, что изучение ученичества затруднительно «вследствие разбросанности и случайности материала». Мастера, бравшие учеников обычно на пятилетний срок, с вариациями от 2 до 8 лет, по большей части из числа детей посадских людей, а также в меньшей степени из дворовых, служилых семей, придворных и чиновничьих кругов, не являлись свободными мастерами, но находились на царской службе, т. е. в Золотой или Серебряной Мастерских, Оружейной и других палатах, в Кадашевской слободе, Приказе ствольного дела и др.: «Помимо сыновей действующих или бывших мастеров Оружейной палаты, в ученики принимались, а иногда и рекрутировались жители Бронной слободы, находившейся в ведении Оружейного приказа с середины XVII века. Из тяглецов Бронной слободы были "прибраны" ученики шелкового и "гзового" дела»[596]. Показательно, что отдача в ученье юридически ничем не отличалась от отдачи «во двор», так как производилась на основании статей Соборного Уложения 1649 г. в главе «Суд о холопах». Учебная запись должна была быть обязательно сделана в книгах Приказа холопьего суда. Когда речь шла об обучении ремеслам беспризорных детей, то для них существовали только две возможности – «написать в службу или в тягло»[597].

Никакой речи о самоуправляющихся ремесленных объединениях, подобных корпорациям западноевропейского типа, здесь идти не может, так как, прежде всего, отсутствует корпоративная организация с правами дееспособного юридического лица, а также сознание и практики свободного мастера, активно участвующего в городском самоуправлении. Пример мастеров на царской службе, среди которых находилось много иностранцев, до введения цехов показывает, что эти мастера не могли полностью реализовать принесенные с собой практики ввиду специфики российской политической системы и социальной структуры. В то же время, концы, черные слободы и сотни, в которых были организованы российские ремесленники помимо государственной службы, после возникновения централизованного государства, не могли больше выступать в качестве претендентов на роль корпораций ремесленников, являясь, в зависимости от времени и места, традиционной формой территориальной, военной и/или фискальной организации посадского населения, не обязательно указывающей на наличие корпораций.

В. Л. Янин охарактеризовал конец как «[…] соседск[ую] общин[у], сохраняющ[ую] в дальнейшем реликты своего единства в формах административной самостоятельности. Коль скоро город является соединением таких концов, генетическую связь с общинной организацией сохраняет кончанское вече, а общегородское вече Новгорода оказывается искусственным представительным образованием, основанном на паритетном участии концов»[598]. Схожую

---

[594] ПСЗ–1. Т. 1, гл. XIX, ст. 11, с. 109–110.

[595] Там же, ст. 24, с. 112.

[596] Орленко С. П. Ученики и организация ученичества в Оружейной палате XVII века // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. 2018. Т. 23. № 2. С. 50.

[597] ПСЗ–1. Т. 1. Гл. XX. Ст. 45, 116. С. 123, 136; Бахрушин С. В. Ремесленные ученики в XVII веке… С. 105–108, 114.

[598] Янин В. Л. Концы городские // Великий Новгород. История и культура IX – XVII веков: Энциклопедический словарь…

точку зрения на развитие административно самостоятельных концов и противоположную – на общегородское вече, высказали И. Я. Фроянов и А. Ю. Дворниченко: «Развитие концов – территориальной системы, появившейся позже сотенной, свидетельство о развитии Новгорода как городской территориальной общины. […] Вече в Новгороде – не узкосословная группа могущественных феодалов, а народное собрание, в котором принимали участие все новгородцы от "мала и до велика"»[599]. Авторы считают, что причастность к судьбам посадничества низшей прослойки свободного населения города – «черных людей», а значит и ремесленников, была гораздо выше и важнее, чем это принято обычно считать, что доказывает их «активная позиция в делах о посадничестве»[600].

Б. Н. Флоря отметил существенную деталь в новгородской демократии: «Важной особенностью положения торгово–ремесленного населения Новгорода было обеспечение определенной автономии его профессиональной деятельности по отношению к стоявшим во главе общины боярам»[601]. Флоря приводит в пример «Иванское сто», объединявшее новгородское купечество, но то же самое можно сказать и о ремесленниках, реализовывавших свои интересы через кончанские, уличанские собрания и городское вече. Для отмеченных исследователями двух разных периодов в истории средневекового Новгорода, которые можно назвать вечевой протодемократией X – середины XIII вв. и олигархической демократией с чертами феодального сословного общества со второй половины XIII в. до последней трети XV в., характерна одна особенность – вместе с консолидацией новгородского боярства: крупных землевладельцев, целовавших в 1423 г. крест в собрании посадников «заедин быти им всем межи собою», во втором периоде истории средневекового Новгорода происходит одновременная консолидация и образование состоятельного среднего слоя «житьих людей», играющих важную роль в кончанских и уличанских объединениях жителей города, а также на городском вече[602].

Несомненно, среди «житьих людей» можно было найти представителей ремесленной верхушки – наиболее успешных и зажиточных ремесленников, занимающихся помимо ремесла торговлей и близких по своим интересам и социальному положению к купечеству[603]. Можно предположить, что верхушка ремесленного слоя участвовала в экономическом освоении «черных» (государственных) земель, превращавшейся в родовую собственность не только «бояр, но и части простых жителей Новгорода, которые, как "житьи люди", стали второй привилегированной частью населения Новгорода, стоящей на лестнице социальной иерархии ниже бояр»[604]. Но понятно, что основная масса ремесленного люда находилась среди молодших людей.

К середине XV в. в Новгороде продолжается процесс образования активного социального слоя городских жителей как полноправных горожан, на основании которого со временем вполне могли образоваться профессиональные ремесленные корпорации. Несмотря на усиливающуюся социальную дифференциацию, связанную с социальной динамикой в развитии любого общества от простого к сложному, «радикального разрыва с предшествующей системой отношений так и не произошло до самого конца существования Новгородского государства.

С. 249.

[599] См.: Фроянов И. Я., Дворниченко А. Ю. Города–государства Древней Руси… С. 172–173, 185–187.

[600] Там же, с. 182.

[601] Флоря Б. Н. Два этапа в развитии государства и общества в Новгородской земле // Русь, Россия: Средневековье и Новое время. Выпуск 4: Четвертые чтения памяти академика РАН Л.В. Милова. Материалы к международной научной конференции. Москва, 26 октября – 1 ноября 2015 г. М., 2015. С. 17.

[602] См.: Данилова Л. В. Очерки по истории землевладения и х–ва в Новгородской земле в XIV – XV вв., М., 1955; Вернадский В. Н., Новгород и Новгородская земля в XV в., М.–Л., 1961; Янин В. Л. Посадники новгородские // Великий Новгород. История и культура IX – XVII веков: Энциклопедический словарь… С. 396.

[603] По аналогии с тульскими литейными, кузнечными и оружейных дел мастерами, ставшими впоследствии известными заводчиками: Антюфеевыми (Демидовыми), Баташевыми, Мосоловыми, Ореховыми и др., более позднего периода (см. Струмилин С. Г. История черной металлургии в СССР. Т. 1… С. 34–35).

[604] Флоря Б. Н. Два этапа в развитии государства и общества в Новгородской земле… С. 18.

Вече – собрание свободных полноправных жителей города продолжало оставаться верховным органом власти»[605]. Именно поэтому, удар по Новгороду, нанесенный как по боярской элите, так и по среднему зажиточному слою, к которому безусловно принадлежали успешные ремесленники, был вдвойне тяжелым. После вывода из Новгорода в начале 1480–х гг. не только крупных землевладельцев, но и «всех сколько–нибудь состоятельных землевладельцев», город, по сути, лишается своих традиционных особенностей[606]. Ввиду отрицательного социального отбора на протяжении многих десятилетий актуальность существования ремесленных корпораций отпала сама собой.

Со временем города–государства, перестав быть таковыми, захирели, превратившись в отдаленную провинцию. Чем больше роль Новгорода и Пскова как континентальных торговых транзитных пунктов в системе река–море сводилась на нет, а русская граница по этим направлениям после захвата Новгорода (1478) и Пскова (1510) была практически закрыта, тем больше возникала насущная потребность открытия других путей коммуникации торговли и обмена уже исключительно морских городов–портов, как Архангельск, заложенный в 1584 г. Естественно, что в таких условиях производительные силы ремесленников в западных областях Московской Руси не могли полноценно развиваться. Город–порт на далеком севере находился слишком далеко от основных торговых путей центральной России. Санкт–Петербург на Балтийском море, а затем Одесса на Черном море отвечали куда больше потребностям Российской империи. Они стали продолжением этого движения. Логика городов–государств со временем была заменена на имперскую логику, а империям того времени нужен был морской простор. Но торговать стало некому. Тех новгородских купцов–ушкуйников, готовых преодолевать тысячи километров, не находилось. Их место в освоении далеких просторов на востоке взяли на себя воины–казаки – люди исключительно военные. Поэтому ни петровские, ни екатерининские меры по развитию внешней торговли с помощью российских купцов не имели желаемого результата. Их место заняли на европейском направлении западноевропейские и греческие купцы, на азиатском и восточном – армянские, турецкие, персидские и китайские. Опыт Никиты Афанасьева, наряду, возможно, с несколькими другими безымянными отважными купцами, остался единичным, а реформа городского ремесла могла исходить не от самих ремесленников, как возможных агентов промышленно–торгового населения, заинтересованных в создании своих корпоративных профессиональных институтов, а от русского правительства.

Разница в социальном положении ремесленного мастера в западно–европейском городе или в таких российских городах, как Новгород и Псков, в более широком географическом охвате – в Москве, Твери или Туле, ни в коем случае не умаляет высокого искусства живших в них мастеров: «Творцами красоты были плотники и кузнецы, ювелиры и сапожники, косторезы и литейщики, замочники и оружейники, токари и стеклоделы»[607].

По форме и содержанию организации ремесленников и купцов в торговых рядах более позднего времени можно отметить ее по преимуществу фискальные функции. Так, именным указом, объявленным из ратуши 25 января 1708 г., мастеровые люди «площенаго серебра и канители» обязывались обращаться к «старостам серебряного ряда для записки платежа с клеймения пошлин»[608]. Эта процедура предполагала также контроль качества со стороны старост[609]. Но приводимый часто в пример московский Серебряный ряд при ближайшем рассмот-

---

[605] Там же, с. 18–20; См.: Янин Л. В. Новгородская феодальная вотчина (историко–генеалогическое исследование). М., 1989.

[606] Янин В. Л. Новгород // Великий Новгород. История и культура IX – XVII веков… С. 353.

[607] Колчин Б. А., Янин В. Л., Ямщиков С. В. Древний Новгород. Прикладное искусство и археология. М., 1985. С. 11, 16.

[608] Предметом «канительного дела» было производство плющеного, белого и позолоченного серебра и канители (ПСЗ–1. № 2186. Т. 4. С. 401–402).

[609] См.: Кулишер И. М. Очерк истории… С. 49.

рении не может быть назван самоуправляющейся корпорацией. Выборные старосты, обязанности которых ограничивались контрольными функциями, «получали из Приказа серебряного дела (позднее из Серебряной палаты) наказ, в котором подробно перечисля[лись] их обязанности». Провинившихся и уличенных в злоупотреблениях ремесленников отправляли в приказ Серебряного дела. При таком положении дел нельзя было говорить о мастерах как о свободных ремесленниках, наделенных определенными правами и уставами. Наличие, с одной стороны, сильной автократической царский власти, с другой, векового обычая на уровне прото–демократий, который мастера не видели нужды изменять, не создавало условий для появления городских структур с сильным корпоративным самоуправлением и автономными правами. Правила, не воспринимаемые мастерами как нечто непреложное, могли быть нарушены при каждом удобном случае. Таких случаев было множество, так как «несмотря на все строгости, указы соблюдались плохо, и не только мастерами и торговцами, но и самими старостами. Постоянные уклонения от правил, предписанных законом, нашли отражение во многих документах»[610].

Приближаясь к петровскому времени, посмотрим, в какую сторону менялось положение ремесла в русском городе, которое Петр попытался преобразовать в регулярное. Как видно из экскурса в историю Новгорода – одного из самых развитых центров городского ремесла, до середины XIII в., «почти нельзя было встретить дома, который не был бы в то же время и мастерской ремесленника»[611]. Посадский ремесленник работал возле своего дома, а подмастерья и ученики жили в его доме. По мере расширения деловых связей, потребности мастеров менялись, а с ними и планировка городской усадьбы: «Мастерская и дом ремесленника размещаются ближе к воротам, иногда даже выходят на улицу. К XV—XVI вв. этот процесс далеко зашел во многих крупных городах. Можно думать, что именно дома ремесленников положили начало тому типу застройки улиц, которая стала характерна для города […] как в России, так и на Западе, улиц, как бы составленных из фасадов стоящих рядом домов»[612]. Данные структурные изменения в планировке отвечали тенденции, быть к ближе к покупателю, а также в большей открытости городского коммуникативного пространства и его со–общаемости.

До 1721 года в России отсутствовала какая–либо юридически закрепленная форма организации городских ремесленников, за исключением сотен или торговых рядов, игравших преимущественно фискальное значение, а также привилегированных объединений ремесленников, выполнявших государственные заказы, вроде кадашевских ткачей или тульских оружейников, что побудило многих историков по аналогии увидеть те же функции в петровских цехах[613]. Кадашевские ткачи были подведомственны в XVII в. дворцовым приказам Царской и Царицыной мастерских палат, в ведении которых находилось ткацкое дело и снабжение среди прочего двора царскими одеяниями и постельным бельем[614]. Тульские оружейники подчинялись Пушкарскому приказу, «которому подведомственны все, кому приходится заниматься

---

[610] Постникова–Лосева М. М., Платонова Н. Г., Ульянова Б. Л. Золотое и серебряное дело XV – XX вв. [Территория СССР]. М., 1995. С. 119.

[611] Рабинович М. Г. Очерки этнографии русского феодального города… С. 40–41; Колчин Б. А. Становление ремесла древнего Новгорода // Тезисы докладов советской делегации на III Международном конгрессе славянской археологии. Братислава, сентябрь 1975 г. / АН СССР. Ин–т археологии. М., 1975. С. 56, 57.

[612] Гольденберг П. И., Гольденберг Б. И. Планировка жилого квартала Москвы XVII, XVIII и XIX вв. М.; Л., 1935. С. 49–50; Цит.: Рабинович М. Г. Очерки этнографии русского феодального города… С. 41.

[613] Название Кадашевской слободы произошло от бочкарей и кадочников, находившихся здесь ранее. Там же был построен в 1658–1661 гг. Хамовный двор; см.: Луппов С. П. История строительства Петербурга первой четверти XVIII века. М., 1957. С. 58.

[614] Словарь русского языка XI – XVII вв… Вып. 9 (М). С. 38; см.: Русова Ю. С. Проблема производства царской одежды в структуре дворцового ремесленного комплекса в России XVII века в отечественной историографии // Преподаватель XXI век. 1 (2017). С. 253–265.

орудийным и колокольным литьем и вообще военными вооружениями. Таковы литейщики, кузнецы, точильщики сабель, пушкари, мушкетёры, мастера ружейные и пистолетные»[615].

Существовавшая в XVII в. разветвленная сеть приказов, непосредственно или косвенно ведала различными категориями ремесленников, живущих, помимо иных, государственными заказами. К ним относились, кроме названных выше, приказы: Денежный двор, Золотая палата (Приказ золотого дела. Золотой приказ), Каменных дел, Мушкетного дела, Оружейная палата (Палата оружейного дела, Оружейный приказ), Пушкарский, Серебряный (Серебряная палата), Ствольный[616]. Оружейная палата ведала ремесленниками, занятыми изготовлением холодного и ручного огнестрельного оружия. Также в ее ведении находились мастера токарного дела, «иконная и парсунная (портретная) живопись, чеканка по золоту и серебру, эмалевое и финифтевое производства, швейное, экипажное, плотничное, резное искусства»[617]. Записные ремесленники имелись в Приказе каменных дел, организующим казенное каменное строительство[618].

Но все это «многоотраслевое промысловое хозяйство царя, которое при Алексее Михайловиче включало многочисленные винные заводы, пивоварни и медоварни, солодовни и маслобойни, мукомольные мельницы, кирпичные сараи, солеварни, а также железоделательные, стекольные, поташные, кожевенные заводы, вовсе не было связано с рынком, а обслуживало потребности царского двора, […] мастера Денежного, Пушкарского двора, Оружейной палаты и многих других ведомств и отраслей, фактически обладали статусом служилого населения»[619]. Нахождение под управлением приказов давало существенные преимущества ремесленникам: они освобождались от посадского тягла, получали хлебное и кормовое жалованье, но не могли добровольно оставить службу, а соответственно и быть самостоятельными хозяевами, свободно распоряжающимися собой и своими ресурсами[620].

С экономикой царского двора и государственными потребностями было связано и появление первых мануфактур и заводов, что далеко не означало начало мануфактурного периода, так как в России XVII в. «продолжал сохраняться натуральный характер экономики»[621]. Иными словами, появление «крупного производства» не было связано с общим уровнем экономики страны и с логикой развития ее производительных сил. Да и сами мануфактуры пользовались трудом ремесленников, с частичным применением машин, и располагались в светлицах и избах. Первые шелковые и суконные предприятия в Москве были основаны казной или иноземными купцами в условиях, не предполагавших создания крупных промышленных капиталов и дальнейшего развития ремесел для широкого рынка. Изделия таких производств как Бархатный двор, шелковая фабрика Паульсена, суконное заведение И. Тауберта, как и все изделия мануфактурного производства, составляли лишь незначительную часть обращавшихся на российском рынке товаров, оставаясь маргинальным явлением в экономической жизни, полностью зависящим от заказов казны и монополий, призванных укрепить эти производства, что было совершенно недостаточно. Как только монополии отменялись, мануфактуры в большинстве своем приходили в упадок[622]. Ремесло и мелкотоварное производство оставалось вне кон-

---

[615] Олеарий А. Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию. СПб., 1905. С. 281.

[616] Богоявленский С. К. Московский приказный аппарат и делопроизводство XVI – XVII веков / Отв. ред. и авт. предисл. С. О. Шмидт. С. 61, 69, 99, 106, 135, 155, 160.

[617] Гизе М. Э. Очерки истории художественного конструирования… С. 48; См.: Вельтман А. Ф. Московская Оружейная палата. М., 1860; Савваитов П. И. Описание старинных русских утварей, одежд, оружия, ратных доспехов и конского прибора. СПб., 1896; Оружейная палата Московского Кремля. М., 1958.

[618] История России с древнейших времен до конца XVII века / [Милов Л. В. …]. С. 583–584.

[619] Там же, с. 554.

[620] Там же, с. 554–555.

[621] Там же.

[622] См., об аналогичных процессах в Германии: Kocka J. Unternehmer in der deutschen Industrialisierung. Göttingen, 1975. S. 29–30.

куренции, удовлетворяя по–прежнему потребности населения в товарах широкого потребления[623].

Схожая с текстильным производством ситуация существовала в металлургической отрасли, ориентированной на удовлетворение военных нужд государства. Для этих целей, начиная с 1630–х годов, с помощью иностранного капитала, с привлечением иностранных предпринимателей и около 600 иностранных мастеров, были построены первые металлургические заводы[624]. Что же касается общего развития товарно–денежных отношений, то социально–экономический уклад России, особенно в условиях укрепления абсолютизма в XVIII в., не способствовал появлению сильного предпринимательского слоя и образованию значительных капиталов. Это означало, что на протяжении длительного периода протоиндустриализации в России, вплоть до середины XIX в., существовали относительно благоприятные условия для существования «нерегулярного» ремесленного производства на низшей ступени его институционального развития, без высокого уровня профессионализации и регламентации стандартов качества среди ремесленников. Эти формы ремесленного производства существовали вплоть до появления массового производства товаров народного потребления.

Видимая дилемма существования «средневекового института» цехового ремесла лишь с 1722 г. в России Нового времени решается с помощью различия универсальных принципов развития ремесел и технологий (технологический аспект), с одной стороны, и институтов ремесла (социальный аспект) в разных странах, с другой. К этому добавляется диахронное развитие ремесла в России и Западной Европе, создававшее дополнительную сложность для анализа в рамках концепции «догоняющей/отстающей экономики» теории модернизации, что заставило многих авторов пересмотреть в целом историю цехов и ремесла в контексте глобальной истории. Иными словами, история российских цехов предстает в ином свете, при условии, если она рассматриваются с позиций понятия темпоральности и российской цеховой тополо-гемы[625].

Если учесть, что территориальные сообщества ремесленников не являлись ни юридическим, ни фиктивным правовым лицом (persona fci ta), права которого были закреплены юридическим актом, введение цехов в 1722 году предполагало установление института организации городских ремесленников на принципиально новых началах[626]. Особо нужно отметить аргументацию И. М. Кулишера, признанного специалиста по экономической истории Западной Европы, о подготовленной почве для цехов в России, считавшего, что «различные виды наших промыслов уже рано организовались на союзном начале и последнее, следовательно, вовсе не являлось для них чем–то чуждым, искусственно им привитым». По его справедливому мнению, утверждать, «что дружины и артели были ничем иным как цехами, значит заходить слишком далеко»[627]. Петр перенес цеховую организацию не в полном составе, но исходя

---

[623] История России с древнейших времен до конца XVII века / [Милов Л. В. …]. С. 561.

[624] Там же, с. 558. «Из 28 металлургических мануфактур, действовавших в разные десятилетия XVII в., на средства казны было основано 3, русских торговых людей – 3, феодальной знати – 2 и иностранным капиталом – 20» (Там же, с. 559).

[625] Lucassen J., De Moor T., and Zanden J. L. van. The Return of the Guilds: Towards… P. 7: «We have the Great Divergence debate that recently stimulated new research into the comparative institutional and economic development of the different parts of Eurasia»; Термин «Великого расхождения» или «Великой дивергенции» введен политологом Самюэлем Хантингтоном. Он известен также под названием «Европейского чуда», который ввел в 1981 году австралийский экономист и историк Эрик Джонс (Jones E. The European Miracle: Environments, Economies and Geopolitics in the History of Europe and Asia (2rd ed.), Cambridge University Press, 2002. P. 6); Этот термин подвергся критике излишнего евроцентризма (Mokyr J. The Enduring Riddle of the European Miracle. 2002. URL: https://pdfs.semanticscholar.org/cd8f/1e78fb87473b8325987a30aa575592fa06f5.pdf (дата обращения: 10.11.2017); Blaut J. M. The colonizer's model of the world: geographical diffusionism and Eurocentric history, New York, 1993, p. 64; Mokyr J. The Gifts of Athena: Historical Origins of the Knowledge Economy. Princeton, 2002; Mokyr J. The Enlightened Economy: an Economic history of Britain, 1700–1850. Harmondsworth, 2004.

[626] См.: Пажитнов К. А. Ремесленное устройство в Московской Руси и реформа Петра… С. 163–166.

[627] Там же, с. 46–47.

из российских реалий, на что указывало отсутствие сложной регламентации, связанной с цеховым строем.

И. И. Дитятин, также отрицавший корректность сравнения с западноевропейскими цехами, настаивал на совершенной самобытности русских артелей. Согласно его классификации, это были *артели промыслов*, т. е., сезонные и крестьянские по составу – «союз полноправных» как по отношению к промыслу, так и к его результатам. Временные артели русских ремесленников крестьянского происхождения, меняющиеся от сезона к сезону по составу, не обладали ни структурными, ни организационными признаками, сравнимыми с цехами в Западной и Центральной Европе[628]. Н. Д. Рычков, имевший схожее мнение, считал, что сообщества ремесленников не имели подобия с цехами. Он показывал это на примере отсутствия каких–либо ограничений со стороны правительства в отношении ремесленников во время правления Алексея Михайловича. Его мнение несколько противоречиво. Считая, что Петр I ввел цехи из фискальных и полицейских соображений, он говорит в то же время о повышении профессиональной подготовки ремесленников и о контроле качества товаров. Благодаря этому, потребитель должен был получить качественный продукт, а правительство – квалифицированные кадры. Цель, заложенная в петровском законодательстве, по мнению Рычкова, не была выполнена[629]. Характерно, что во время написания автором своей статьи в 1863 г., когда он обозначил петровские цехи мертворожденными, у него по соседству в столицах в 1840–1860–е годы существовали многочисленные цехи с более чем столетней историей.

М. В. Довнар–Запольский и Т. П. Ефименко, не соглашаясь с В. Н. Лешковым о сходстве российских артелей с цехами, находили его в слободах, торговых рядах и сотнях городов Московского государства, особо выделяя золотых и серебряных дел мастеров в Серебряных рядах, склонных, по их мнению, к образованию корпораций[630]. Эта критика не помешала М. Н. Тихомирову и А. М. Сахарову использовать концепцию Лешкова в 1950–е гг. Указывая на существование патронажных церквей, построенных определенным ремесленным сообществом, как существенного структурного признака корпорации, они считали возможным утверждать, что русские артели были непосредственными предшественницами петровских цехов как западноевропейского института[631]. Предостережение Тихомирова о чрезмерной модернизации этого феномена при переносе его в XII – XIII вв. все же не позволяет согласиться с ним в том, что такая преемственность была возможна в веке XVI.

Именно в этом контексте П. И. Лященко, К. А. Пажитнов, Ф. Я. Полянский и К. Н. Сербина предостерегали проводить прямые параллели с западноевропейскими цехами, считая такое сравнение неуместным, ввиду своеобразия российских цехов. Исследовать именно это своеобразие они и призывали[632]. Логическое завершение этой историографической линии должно было привести к убеждению, что российские цехи не были чем–то искусственным, но имели своим оправданием усовершенствование ремесел, введение новых технологий и подготовку квалифицированных кадров, от чего зависело не только успешное развитие ремесла и всей промышленности, но и осуществление проекта модернизации в целом.

Таким образом, здесь предлагается довести определенную историографическую традицию до конца и преодолеть вердикт, вынесенный цеховому ремеслу в начале XX века, как

---

[628] См.: Дитятин И. И. Устройство и управление городов России… Т. 1. С. 268–287, 281.

[629] Рычков Н. Д. О цехах в России и Западной Европе… С. 811.

[630] Довнар–Запольский М. В. Организации московских ремесленников… С. 137–139; Пажитнов К. А. Проблема ремесленных цехов… С. 14; Ефименко Т. П. Очерк организации… С. 114–162.

[631] Сахаров А. М. Цехи в России // Советская историческая энциклопедия. Т. 15. С. 762–763.

[632] Лященко П. И. История народного хозяйства СССР, т. 1… С 268–269; Пажитнов К. А. Организация ремесленной промышленности в Московской Руси…; Он же. Проблема ремесленных цехов…; Полянский Ф. Я. Городское ремесло… С. 15; Сербина К. Н. К вопросу об ученичестве… С. 148–168; Она же. Очерки из социально–экономической истории…; Она же. Ремесло и мануфактура в России в XVI–XVII веках…

«искусственно перенесенному] с германской почвы на совершенно чуждую им русскую»[633]. Г. Л. Фриз отметил относительно «искусственности» создания цехов государством, что «формирование специфических социальных категорий не зависело исключительно от государства; как бы ни была важна его политика в отношении юридического закрепления или установления общественных порядков, царский режим с его пресловутой "недоразвитой бюрократией" был просто не способен конструировать социальную систему, законодательно оформлять ее и управлять ею»[634]. Иными словами, правительство при всем желании не могло вводить цеховое управление, не считаясь с уже сложившейся традицией. Чтобы найти компромиссное решение и был введен дополнительный институт немецких цехов в Петербурге, куда могли записываться иностранные ремесленники. Еще одним компромиссным решением было создание разряда временноцеховых ремесленников. Кроме того, на территории города были разрешены производство владельческих и монастырских ремесленников для собственных нужд, но не на продажу, а также работа артелей. Все эти исключения в конечном итоге и составили гибридную специфику российского ремесла, сочетавшего цеховые и нецеховое ремесла, благодаря чему, по нашему мнению, была создана гибкая система реагирования на потребности, в большей мере, государства и элит, в меньшей – рынка, со всеми вытекающими отсюда последствиями зарегулированности и большой зависимости цехов от потребностей правительства, особенно в первые десятилетия их существования.

Возвращаясь к проблематике артелей, Пажитнов показал, что между различными организационными формами артели и цеха существовала принципиальная разница ввиду отличных принципов их организации. В то время, как артели решали поставленные задачи общими силами на началах равноправности, ремесленные цехи регулировали «условия хозяйственной деятельности своих членов как самостоятельных мелких производителей» [635]. Артели руководствовались нормами цивильного или гражданского права, цехи же подчинялись нормам административного права. Он доказал, что как Лешков, так и Довнар–Запольский с Ефименко, ошибались, проводя параллели в развитии артелей или сотен, слобод и торговых рядов с цехами, и считая их прототипами последних. Если «артель преследует только частные интересы», то «цехи – вместе с частными также интересы общественные, регулируя условия ремесленной деятельности данной отрасли в целом на всем пространстве определенной территории. Соответственно с этим, права и обязанности членов артели определяются в феодальном обществе всецело свободным договором, права же и обязанности членов цеха определяются уставом, нуждающимся в санкции городского управления или даже часто государственной власти. Артели, следовательно, принадлежат к организациям типа товариществ (societas), а цехи – к организациям корпоративного характера (universitas)» [636].

Поэтому, приведенных доводов авторов, говорящих о схожести ремесленных институтов в Западной Европе и в России до 1722 г., недостаточно. В попытке провести параллели между ними, видна тенденция, показать «историческую закономерность» и «детерминированность» исторического развития на примере «корпоративных институтов» ремесленников средневековой Руси. Это, в свою очередь, должно было доказать правильность принципов марксистско–ленинской теории во всех областях исторического знания. Поэтому неважно, Россия

---

[633] Дементьев Е. М. Цехи в России… С. 131–134.

[634] Фриз Г. Л. Сословная парадигма и социальная история России // Американская русистика: Вехи историографии последних лет. Имперский период: Антология / Сост. М. Дэвид–Фокс. Самара, 2000. С. 143; «Посвященная сословной парадигме статья Грегори Фриза удачно дополняет работы Раева и Бушковича, в ней подчеркивается контраст между социальной структурой в России и сословными системами Западной Европы. Работа Фриза, поражающая широтой охваченных проблем, где предпринят синтез самых разнообразных материалов из области социальной истории, в какой–то мере стала кульминацией научной деятельности всего поколения "детей"» (Дэвид–Фокс М. Введение: Отцы, дети и внуки в американской историографии царской России // Американская русистика: Вехи. С. 28–31).

[635] Пажитнов К. А. Проблема ремесленных цехов… С. 27.

[636] Там же, с. 28.

или Западная Европа – «исторические законы» должны были распространяться на все области и регионы мира, в том числе и на историю возникновения городов, в которой ремесленники и их цехи сыграли решающую роль[637]. На самом деле, предполагаемая (формальная) схожесть ремесленных институтов исчезает при более пристальном рассмотрении средневекового ремесла. По существу, формы организации русских ремесленников не имели ничего общего с западноевропейскими. Рычков справедливо замечал, что цехи в России совершенно новый институт.

Что же касается развития цехов в России, то среди подавляющего большинства авторов: И. И. Дитятин, А. И. Гайсинович, А. М. Сахаров, М. Н. Тихомиров, Е. В. Анисимов и мн. др., существует единодушное мнение о бесполезности и ненужности введения цехов как чисто бюрократического проекта, и об отсутствии для них будущности в России, как института «средневекового феодализма». Такой взгляд, предполагающий исключительно рестриктивную роль российских цехов как «феодального» и устаревшего института в XIX и XX вв., требует своего переосмысления[638].

Делая данный историко–историографический экскурс в историю городского ремесла, можно невольно подпасть под обаяние «республиканских» традиций Новгорода и Пскова и вынести обвинительный приговор агрессии Московских великих князей, прекративших «естественный» ход развития городов–государств, находившихся на западной окраине Русского государства, и не давшего таким образом развиться ремесленным корпорациям. Но если мы исходим из того, что не существует никакой исторической необходимости, а тем более закона, согласно которому сообщества людей должны проходить определенные стадии развития, то нет такой исторической необходимости для восточнославянских городов, которая бы диктовала необходимость появления в них ремесленных цехов. Такой закономерности просто не существовало. Ремесленные цехи в Западной Европе появились в XI в. и достигли своего расцвета в XIV – XV вв. – именно во время существования и расцвета городов–государств Северо–Западной Руси[639]. Иными словами, у Новгорода и Пскова было достаточно времени и средств для учреждения ремесленных цехов, тем более, что пример был постоянно перед глазами, но их не было там и в помине. Можно предположить, что исторические реалии и традиции Киевской Руси, а тем более Русского государства, не несли в себе возможности и необходимости возникновения ремесленных цехов в наличном социуме. Цехи, возникшие в государствах западных и восточных славян, в Польше, на Украине (Магдебургское право), были привнесены из Германии, поэтому логично, что и Петр прибег к такому заимствованию.

Гипотетически ремесленников можно считать заслуженными претендентами на возникновение и существование средневековых корпораций, не достигших все же того влияния, кото-

---

[637] Сахаров А. М. Города северо–восточной Руси…; Тихомиров М. Н. Древнерусские города… С. 33; Он же. О купеческих и ремесленных…

[638] См.: Richardson G. A Tale of Two Theories: Monopolies and Craft Guilds in Medieval England and Modern Imagination, Journal of the History of Economic Thought, 23 (2001), pp. 217–242; Lis C. and Soly H. Craft Guilds in Comparative Perspective: The Northern and Southern Netherlands, A Survey, in Prak et al. (eds.). Craft Guilds in the Early Modern Low Countries, pp. 1–31, 2–5; Epstein S.R. Craft Guilds in the Pre–modern Economy: A Discussion, Economic History Review, 61 (2008), pp. 155–174; Kluge. Die Zünfte, pp. 13–21; Lucassen J., Moor T. d., and Zanden J. L. van. The Return of the Guilds: Towards… P. 7: «Twenty years ago, guilds were decidedly out of fashion with historians. The accepted wisdom was that guilds were a European medieval phenomenon which stifel d entrepreneurship and innovation by laying down specific rules for the production of goods and services, and had therefore become less important in English towns by the seventeenth century, and never became established in the Americas. On the European continent their importance dwindled towards the end of the ancient régime, when economic corporations were toppled along with the rest of the old order» (По мнению авторов статьи, двадцать лет назад цехи не были в моде у историков. Общепринятая истина гласила, что цехи в средневековой Европе были феноменом, тормозившим развитие предпринимательства и появление инноваций за счет установления определенных правил для производства товаров и услуг и поэтому к XVII веку их значение в городах Англии падает, а на американском континенте они не получили никакого развития. На европейском континенте их значение упало с концом «старого режима», когда экономические корпорации были упразднены вместе с остальной частью старого порядка).

[639] См.: Стоклицкая–Терешкович В. В. Очерки по социальной истории немецкого города в XIV–XV веках. М.–Л., 1936. С. 31–104.

рым владело родовое боярство и богатое купечество в жизни Новгорода и Пскова. Этот социальный слой относился к *черным* или *меньшим людям* и не мог претендовать на ту роль, которые играли цехи в западноевропейских городах[640]. Хотя данное утверждение можно распространить скорее на первые столетия существования Новгорода и Пскова. В XV в. наблюдается рост числа «житьих людей» и горожан, приобретавших мелкие вотчины, а значит и претендовавших на гарантии своих прав, что, в свою очередь, могло стать в долгосрочной перспективе основой, в том числе, и для образования профессиональных корпораций[641]. Но после пройденной этими городами в 1478 г. и 1510 г. исторической «развилки»: событий, казавшихся современникам катастрофой, данный сценарий развития перестал быть актуальным[642].

Указание В. А. Аракчеева вслед за Ю. Г. Алексеевым на то, что в событиях 1483–1486 гг. разделительная черта в конфликте четко проходила между двумя социальными группировками: посадниками, боярами, житьими люди, с одной стороны, и черными «молодшими» людьми, с другой, указывает на стабильное сохранение базисного структурного элемента вечевых демократий – посадского торгового и ремесленного населения. Последнее сохраняло за собой право участия в вечевом собрании, составляя, по–видимому, его костяк, хотя реальная власть и сосредоточивалась в руках посадников и городских чиновников – бояр[643]. Несмотря на это, в большинстве случаев, правящая элита была заинтересована в сохранении внутриполитического баланса в интересах не только своей социальной группы, но и всего городского сообщества: «[…] еще в 1534 г. беглый дьяк Родион делил население Пскова на две части: "купцов, которыи з Москвы приведены и чорных людеи пскович". Причем, по мнению перебежчика, черные люди не могли служить надёжной опорой наместников, так как горожане, несмотря на запреты властей, часто собирают вече»[644]. Несмотря на это, четкой антагонистической линии между различными социальными группами провести нельзя, так как залогом социального мира был факт раздробленного на локальные группировки купечества с местными интересами, включенного на «нижнем этаже» посадских структур в активное взаимодействие с ними, а значит и с черными людьми[645].

С помощью краткого экскурса в историю допетровского ремесла, мы попытались показать альтернативность исторического развития и наличие в каждом моменте времени исторической «развилки», которая, на наш взгляд, находилась между городами–государствами Новгородом и Псковом и существованием ремесла под сильным контролем в условиях Русского государства. После присоединения Новгорода и Пскова к последнему исторический выбор был сделан, а значит вопрос о том, какое развитие с нашей точки зрения могло быть наиболее целесообразным, теряет смысл. В создавшихся условиях цехи могли появиться лишь благодаря инициативе государства, а не «снизу», в результате развития городской «промышленной» прослойки, что в условиях петровских реформ уже не могло стать актуальным трендом.

---

[640] Можно согласиться с мнением Манфреда Хильдермайера, считающего, что в средневековой Руси не было достаточно значимой социальной, политической или экономической силы, способной инициировать или поддержать возникновение таких профессиональных корпораций как цехи (Hildermeier M. Geschichte Russlands. Vom Mittelalter bis zur Oktoberrevolution. München, 2013. S. 79, 81, 94–95, 196–198).

[641] Аракчеев В. А. Средневековый Псков… С. 64.

[642] Там же, с. 96.

[643] Там же, с. 60; См.: Алексеев Ю. Г. Черные люди Новгорода и Пскова: К вопросу о социальной эволюции древнерусской городской общины // ИЗ. М., 1979. Т. 103. С. 269.

[644] Аракчеев В. А. Средневековый Псков… С. 108.

[645] Петрухинцев Н. Н. Внутренняя политика Анны Иоанновны (1730–1740). М., 2014. С. 131.

***

Введение цехов в России и в Петербурге, в частности, обуславливалось рядом факторов: личностью Петра и его пристрастием к ремеслам, внутренней социально–экономической потребностью и отчасти внешнеполитической ситуацией. Обратимся к личности Петра I как к «работнику на троне». Образ царя–ремесленника или царя–работника тесно связан со строительством Петербурга, армии и военно–морского флота, жизнь и существование которых непосредственно зависели от развития ремесел[646]. В 1714 г., согласно сведениям брауншвейгского резидента Вебера, Петр, празднуя спуск военного корабля в Петербурге, обратился с речью к присутствующим: «Кому из вас, братцы мои, хоть бы во сне снилось лет 30 тому назад, что мы с вами здесь, у Остзейского моря, будем плотничать и в одежде немцев, в завоеванной у них же нашими трудами и мужеством стране, построим город, в котором вы живете, […] что увидим у себя такое множество иноземных художников и ремесленников […]»[647]. Для царя было характерным и естественным, говоря о своих удавшихся и перспективных идеях и замыслах, обращаться к своим соратникам и сотрудникам, используя образы и понятия «художников», «ремесленников» и «ремесла». Это был способ преобразования России, способ строить ее в прямом и переносном смысле по–новому.

Обращаясь к образу Петра I важно отметить, что речь идет не только об исторических штампах и политических инсценировках власти и «потентата». Известна крайняя непосредственность Петра и задокументированные факты, по которым можно довольно полно реконструировать личные пристрастия царя к ремеслам, не остававшимся «всего лишь» его свободным времяпрепровождением. Можно сказать, что методика освоения и практического применения ремесла была его методикой и стратегией преобразования действительности. Графу Г. Ф. Бассевичу принадлежит ценное наблюдение, относящееся к 1723 году, о повседневной одежде Петра Великого, пригодной «для занятий плотничной и другими работами, в которых он часто упражнялся»[648].

Живой интерес государя к ремеслам, ремесленникам и их образу жизни мог проявляться в повседневности самым неожиданным образом. Камер–юнкер голштинского герцога Карла–Фридриха Берхгольц зафиксировал в дневниковой записи от 5 ноября 1724 г., как царь запросто зашел в гости к немецкому булочнику: «У одного немецкого булочника, живущего в соседстве императорского Зимнего дворца, была свадьба […]. Император, вероятно мимоездом, услышав музыку и любопытствуя видеть, как справляются свадьбы у этого класса иностранцев, совершенно неожиданно вошел в дом булочника с некоторыми из своих людей, приказал накрыть там два особых стола, один для себя, другой для своей свиты, и более трех часов смотрел на свадебные церемонии и танцы. Во все это время он был необыкновенно весел»[649]. В данном поступке Петра отражались не только его непосредственность и интерес к повседневным западноевропейским практикам. Его поведение манифестировало новое отношение к иностранцам в России не на частном, а на государственном уровне, указывало на их изменившийся статус, когда, согласно свидетельству современника из Германии, «русские отказались от своей ненависти к иностранцам»[650]. Несмотря на то, что последнее утверждение носило скорее декларативный характер, оно показывает изменившуюся государственную идеологию. Это

---

[646] Анисимов Е. В. Юный град… С. 13, 44–45, 74–146, 262–290.

[647] Ключевский В. О. Петр Великий среди своих сотрудников / Ключевский В. О. Исторические портреты. Деятели исторической мысли / Сост., вступ. ст. и примеч. В. А. Александрова. М., 1991. С. 220–221.

[648] Петр Великий: Воспоминания. Дневниковые записи. Анекдоты… С. 166.

[649] Анисимов Е. В. Петр Великий… С. 17.

[650] Weber F. Ch. Das veränderte Russland… Vorbericht.

послание было запущено, и адресат прочитал его совершенно адекватно пожеланиям монарха, возможно, вопреки интенции большинства населения страны.

Будучи человеком «барочным» по происхождению и став сыном эпохи Просвещения[651], Петр Великий не был исключением среди европейских монархов, освоив множество ремесленных профессий, среди них: столяра, плотника, кораблестроителя, кузнеца, слесаря, токаря, оружейного мастера и прочих[652]. Как образно писал В. О. Ключевский: «[Его] рука инстинктивно просилась за инструмент; ему все хотелось сработать самому. Охота к рукомеслу развила в нем быструю сметливость и сноровку […] По смерти его чуть не везде, где он бывал, рассеяны были вещицы его собственного изделия, шлюпки, стулья, посуда, табакерки и т. п. […] Успехи в рукомесле поселили в нем большую уверенность в ловкости своей руки»[653].

Не стесняясь учиться «художествам и ремеслам», Петр I охотно брал на себя роль «ученика». Его современник, Жак Савари де Брюлон (1657– 1716), писал о нем в «Экстракте», опубликованном в 1747 г., в духе своего времени: «Ничто от любопытства сего Великого Монарха не ушло, и никакое ремесло от Царских ево очей не укрылось; а все сие изволил для такого ревностного усердия смотреть, дабы подданных своих таким же мануфактурам, ремеслам, и художествам обучить. А понеже намерен был сам мастером и учителем у них быть, во всяких работах и мануфактурах; то для сего высокого намерения сам всему учился, и к мастерам всякого художества собственною особою ходить изволил. С кузнецами, молотом трудился; с плотниками бревна, брусья, и доски тесал; с кожевниками кожи строгал, и одним словом; все то с неописанным усердием своими Монаршими руками делал»[654]. Не было ничего естественнее для царя–ремесленника, понимавшего «образование и науку как сугубо практические общественные институты», внести перечень ремесленных мастерских в штат петербургской Академии наук[655]. Логично, что и ремесленники Петербурга – рукотворные создатели города – удостоились пристального внимания историков[656].

С начала XVIII в. статус иностранцев в России резко меняется. Их массивное присутствие, а также радикальный отход Петра I от «русской старины» накладывает свой отпечаток на восприятие его в народе. Согласно распространенному мнению того времени, Петра I «подменили немцы», конечно же «на немца». Но кроме отрицательно коннотированных и бытовавших среди населения образов «царя–немца» или «царя–антихриста», позже в литературе утвердился и образ царя–ремесленника, воплощенного в памятнике, установленном в Петербурге напротив здания Главного Адмиралтейства. Монарх изображен с засученными рукавами работающим топором при постройке лодки[657]. Здесь же у подножия другие ремесленные инструменты: циркуль, угол и киянка. Этот памятник служит буквальной иллюстрацией выражения

---

[651] См. об образе просвещенного монарха и «темного русского народа» у британцев в XVIII в.: Binney M. Empire, Spectacle and the Patriot King: British Responses to the Eighteenth–Century Russian Empire // Quaestio Rossica. Vol. 5. 2017. № 2. С. 385–405.

[652] Анисимов Е. В. Петр Великий… С. 27.

[653] Ключевский В. О. Петр Великий, его наружность, привычки, образ жизни и мыслей, характер // Он же. Исторические портреты. Деятели исторической мысли. / Сост., вступ. ст. и примеч. В. А. Александрова. М., 1991. С. 176–177.

[654] Савари де Брюлон Ж. Экстракт Савариева лексикона о комерции / Пер. с фр. С. Волочков. [СПб.], [1747]. С. 21–22.

[655] Ларина Я. Осмысление роли образования в государственном строительстве: проекты Генриха Фика первой четверти XVIII века // «Регулярная академия учреждена будет…». Образовательные проекты в России в первой половине XVIII века / ред. И. Федюкин, М. Лавринович. М., 2015. С. 71.

[656] См.: Гайсинович А. И. Цехи в России в XVIII в… С. 523–568; Кошелева О. Люди Санкт–Петербургского острова… 226–242; Луппов С. П. История строительства Петербурга… С. 89–92; Полянский Ф. Я. Городское ремесло… С. 20.

[657] Первоначально установлен в 1910 г. Скульптор Леопольд Адольфович Бернштам. Николай II подарил Заандаму в 1911 г. копию этого памятника. Повторно — в 1996 г. Этот памятник подарен городу Санкт–Петербургу королевой Нидерландов Беатрикс и открыт наследным принцем Нидерландов Виллемом–Александром. Данный жест доброй воли был повторением того, что был сделан Николаем II в 1911 году, когда в Заандаме был установлен подаренный им памятник «царю–плотнику» (см.: Хвостова Г. А. Памятники царю–плотнику в Санкт–Петербурге и Саардаме // Сообщения Российско–Нидерландского научного общества / ГЭ, СПб. фил. архива РАН. СПб., 2003. Вып. 1. С. 286–291; Вагеманс Э. Царь в республике. Второе путешествие Петра Великого в Нидерланды. (1716–1717). Перевод с нидерландского В. К. Ронина. СПб., 2013. С. 193, 196; Он же. Образ царя–плотника в литературе // Он же. Петр Великий в Бельгии. СПб., 2007. С. 53–68).

А. С. Пушкина о том, что «Россия вошла в Европу, как спущенный корабль, при стуке топора и при громе пушек»[658].

Этот мотив также использован художником А. Толяндером в 1874 г. Напротив памятника расположился берег Васильевского острова, речь о котором пойдет ниже. При строительстве новой столицы в «финских болотах», царь–реформатор имел ясное представление о новой столице, как о цветущем городе ремесленников: «Желание мое – насадить в столице сей рукомеслие, науки и художества вообще»[659]. В связке «наук и художеств» преобладали последние, так как имели прежде всего прикладное значение и отвечали таким практическим интересам Петра I, как строительство Петербурга, армии и флота. К «художествам» относили как технические науки, так «и сложные ремесла, требовавшие больших навыков и длительного обучения»[660]. Как отмечал С. П. Луппов, «переселение в Петербург большого числа ремесленников создавало в городе постоянные кадры мастеровых людей разных специальностей, что содействовало как развитию промышленности Петербурга, так и строительству самого города, и его благоустройству»[661]. Нужно сказать, что данная практика массового привлечения ремесленников для выполнения градостроительных и иных работ большого объема имеет глубокие исторические корни[662].

Можно сомневаться в достоверности и точности записок А. К. Нартова, но важен его посыл, не способный исказить главный смысл петровских начинаний, черты характера самого Петра, его высказывания, в которых отразились среди прочего корпоративные нормы цехового ремесла в виде «регулярного» ученичества. Нартов писал, что царь говаривал во время работы на токарном станке: «Я должен у моего механика и токарнаго мастера урок свой кончить»[663]. Согласно свидетельству придворного токаря о путешествии царя по Европе, в мае 1697 г. тот «посещал ремесленников, осматривал работу и рукоделие их» в Кёнигсберге, а в августе в Заандаме, к северо–западу от Амстердама, «обучался […] корабельному строению, здесь работал, яко простой плотник, […] здесь имел знакомство с лучшими рукодельщиками и в часы отдохновения учился токарному искусству»[664]. Купив «разные плотничьи инструменты», Петр «хотел изготовить себе ванну и сделать разные другие вещи»[665].

Для Петра как практика, было естественным сравнивать воспитание «нового человека» с обработкой материала на токарном станке: «Таково–то, Андрей, кости точу я долотом

---

[658] Пушкин А. С. О ничтожестве литературы русской. — Полное собрание сочинений в 10 тт. Т. 6. Критика и публицистика. М., 1959–1962. Т. 6. С. 408.

[659] Нартов А. К. Достопамятные повествования и речи Петра Великого / Предисл. и коммент. Л. Н. Майкова // Записки Императорской Академии наук, 1891. Т. 67. С. 46.

[660] Загорский Ф. Н. Андрей Константинович Нартов… С. 28.

[661] Луппов С. П. История строительства… С. 25, 27; См. указы с 1700 по 1719 г.: ПСЗ–1. Т. 4. № 2449: *О сборе мастеровых людей*; Т. IV. № 2485: *О смотрении губернаторов, чтобы в числе высылаемых из Губерний плотников и мастеровых людей не было дряхлых и увечных*; Т. V. № 2626: *О выдаче провианта мастеровым людям*; Т. V. № 2862: *О недержании никому у себя в доме никаких пришлых людей без поручных записей*; Т. V. № 3016: *О высылке на житье в Санктпетербург купецких и ремесленных людей*.

[662] См., напр.: Артель и артельный человек… С. 171–187; Тихомиров М. Н. Древнерусские города… С. 127–137; Сахаров А. М. Города Северо–Восточной Руси XIV – XV вв… С. 131–132; Хорошкевич А. Л. «Брань» из–за смердов в Пскове в 80–х годах XV в… С. 48–50.

[663] Нартов проходил до 1712 г. первоначальное обучение в токарной мастерской в Сухаревой башне у Иоганна Блюхера. В 1712 г., когда старший токарь, конструктор и строитель токарных станков Блюхер умер, станки были переданы его ученику, переведенному в этом же году в Петербург // Загорский Ф. Н. Андрей Константинович Нартов… С. 10–11; Нартов А. К. Достопамятные повествования… Т. 67. С. 91.

[664] Нартов А. К. Достопамятные… С. 2–3; Заандам (нидерл. Zaandam; ранее также Saenredam, Saardam и Zaardam), устаревшее Саардам, сегодня часть муниципального образования Zaanstad. Название Саардам в русском языке появилось из некорректного немецкого варианта Saardam.

[665] Я.–К. Номен. Записки о пребывании Петра Великого в Нидерландах в 1697–1698 // Петр I: воспоминания, дневники, письма / составитель, [вступительная статья, подготовка текста и примечания] Я. А. Гордин. СПб, 2018. С. 193–194.

изрядно, а не могу обточить дубиною упрямцов»[666]. Таким образом, цареву токарню можно назвать не просто производственным помещением, но и экспериментальной лабораторией, важным жизненным пространством царя, где он, кроме непосредственной работы на токарных станках, размышлял о новых проектах, обедал и принимал членов правительства с докладами, обсуждал решение государственных проблем, в том числе и вопросы «регулярного» ремесленного образования[667].

Известно, что в петровской библиотеке имелось одиннадцать иностранных произведений по токарному искусству, что позволяет предположить наличие глубокого понимания Петром важного значения данного ремесла в развитии русской промышленности, как крупной, так и ремесленной. Характерно, что во время месячного пребывания Петра: конечно со своим токарным станком и с Нартовым, на Истецких железных заводах Миллера в 1724 г., царь собственноручно выковал 18 пудов железа, за что и потребовал платы с заводчика в 18 алтын. На эти деньги он приобрел себе в московских торговых рядах башмаки, «которые, подлинно купя и нося, показывал многим и разсказывал, что выработал (заработал. – *А. К.*) он их сам своими руками»[668].

Заметим, что токарное мастерство было не только способом ремесленников зарабатывать себе на жизнь, но и излюбленным занятием многих представителей дворянства, вплоть до императоров и королей. Петр I страстно любил токарничать, для чего при Летнем дворце имелась специальная токарная мастерская («токарный кабинет») с обширной коллекцией в 27 токарных станков. Первоначально царь работал на станках из Амстердама и из Франции, позже коллекция пополнялась изделиями собственных мастеров. Петр особенно любил вырезать предметы из слоновой кости и из дерева – именно те предметы, которые изготавливал немецкий токарный подмастерье Герман Верман – герой в повести Н. С. Лескова «Островитяне»[669].

В начале XVIII века резьба по кости вошла в моду в Европе, где при многих европейских дворах имелись токарные мастерские: «В этом отношении токарня при дворе [Петра I] придавала личности монарха оттенок рачительного хозяина государства и человека высокой европейской культуры»[670]. Известно, что царь, находясь в дружеских отношениях с прусским королем Фридрихом Вильгельмом I, подарил ему в октябре 1718 г. кубок, изготовленный им лично, и доставленный в Берлин «любимым токарем» Петра А. К. Нартовым, вместе с токарным или «медальерным» станком, на котором тот обучал короля токарному делу[671]. Еще один токарно–копировальный станок для «медальерных» работ, подаренный Петром французскому двору в 1720 г., был изготовлен, по–видимому, специально для несовершеннолетнего Людовика XV. Эти станки разных конструкций, разработанные «царскими токарями» И. Блюхером (Еган Блеер), Ф. Зингером, А. Нартовым, Г. Занепенсом, С. Яковлевым можно увидеть сегодня в Государственном Эрмитаже (12 станков), Летнем дворце Петра I и в Меншиковском дворце в Петербурге[672]. Что пристрастие Петра к токарному ремеслу стало традицией в семье Рома-

---

[666] Я.–К. Номен. Записки о пребывании Петра Великого в Нидерландах в 1697–1698. С. 34.

[667] Там же. С. 35, 53–54.

[668] Там же, с. 54–55, 115; Известно, что царь охотно носил обувь голландского производства.

[669] Лесков Н. С. Островитяне // Полное собрание сочинений. Изд. 3. Т. 12. СПб., 1902; Келлер А. В. Петербургский немец. Из истории токарного ремесла на примере повести Н. С. Лескова «Островиятне» // Вестник Томского государственного университета. 2020. № 451, с. 124–131.

[670] Загорский Ф. Н. Андрей Константинович Нартов… С. 11–12.

[671] Нартов А. К. Достопамятные… Т. 67. С. 60, 123.

[672] Борисов В. П. Токарные художества Петра Великого // Природа. № 7. 2004. С. 93–94; М. Э. Гизе дает подробное описание двух видов токарно–копировальных станков: «Токарно–копировальные станки XVIII в. по специфике выполняемой на них работы можно подразделить на две группы. К первой относятся "персонные", или "медальерные" станки. Свое название они получили от того, что с их помощью на плоских торцевых плоскостях обрабатываемых предметов наносили рельефные изображения, или узоры. Украшенный таким образом предмет называли "медалью", или "медальоном". Эти станки были

новых, свидетельствует учебная комната сыновей Николая I, Николая и Михаила, в Эрмитаже. Основу экспозиции в ней составляют станки из придворной токарной мастерской Петра I: три боковых токарно–копировальных станка, два медальерных и станок для нарезания зубчатых колес, созданные за период с 1712 по 1729 гг. мастерами «токарни». Во времена Анны Иоанновны токарные станки вместе с учениками и мастеровыми переданы в ведение Академии наук[673].

Помимо сложной социально–сословной идентификации российского городского ремесленника, существовала еще одна трудность, характерная для протоиндустриального периода, особенно в XVII и XVIII вв., – это проведение границы между ремесленными мастерскими, фабриками и заводами[674]. В каких–то случаях ремесленная мастерская сохраняла свой формат, в каких–то – она перерастала в мануфактуру, фабрику или завод, или входила в последние как их составная часть в форме «цеха». Эта специфика размытости границ между формами промышленного предприятия существовала большую часть XIX в., не говоря уже о XVIII в., где фабрикантом или заводчиком могли назвать и ремесленного мастера. Все зависело от того, проходил ли промышленник по ведомству Мануфактур–коллегии или другого государственного ведомства, цехового ремесленного управления после его введения в 1722 г., или купечества и мещанства. Так, посадские люди вообще редко отмечали свою специальность в сказках 1718 г., тем не менее О. Е. Кошелевой удалось выявить среди этой категории населения каменщиков, слесарей, столяров, мастеров серебряного дела, калашников, портных, шапошников, сапожников, шорников и седельников[675].

Л. В. Милов и Н. И. Цимбаев, говоря об относительности успеха мануфактур, имевших компенсационные механизмы выживания, основанные на подневольном труде, назвали три фактора, негативно сказывавшихся на развитии крупных форм производства и генезиса капитализма в России, что в свою очередь обеспечивало благоприятные условия для существования ремесленных форм производства[676]. Это отсутствие экспроприации непосредственных производителей ввиду «остр[ого] дефицит[а] свободной рабочей силы, господство краткосрочной системы вольного найма (поденщины) как в ремесленном, так и в мелкотоварном производстве и высокий уровень оплаты труда »[677]. В XVII в. «изделия мануфактурного производства

впервые созданы в "Токарне" Петра I. Кроме создания барельефов, в меньшем масштабе повторяющих рельеф образца, или копира, станки этой группы служили для нанесения на плоские донца и крышки табакерок и всевозможных коробочек сложных линеарных узоров, или "роз", которые наносились с помощью специальных бронзовых копировальных шайб. В движение эти станки приводились вручную, но процесс обработки был уже механизирован и не требовал от работающего на нем человека умения обращаться с резцом. Его роль взял на себя изобретенный в это время самоходный суппорт, которому было суждено сыграть исключительную роль в осуществлении промышленного переворота. Изобретение и дальнейшее усовершенствование и использование самоходных суппортов как средства, заменившего "не какое–либо особенное орудие, а самую человеческую руку" и давшего возможность "машинным способом придавать необходимые для отдельных частей машин строго геометрические формы: линии, плоскости, круги, цилиндры, конусы и шары" К. Маркс считал необходимым и исходным условием развития крупной промышленности, предоставившим ей возможность "производить машины машинами". Вторая большая группа токарно–копировальных станков предназначалась для изготовления и украшения сложных по форме объемных художественных изделий, сходных по жанру и с декоративно–прикладным (Гизе М. Э. Очерки истории художественного конструирования… С. 49–51; Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 23. М., 1954. С. 396).

[673] Нартов А. К. Достопамятные… Т. 67. С. XIX.

[674] Согласно Жалованной грамоте городам 1785 г. состояние цеховых ремесленников входило в сословие городских обывателей; см.: Бугров К. Д., Киселев М. А. Рец. на: A. K. Smith. For the common good and their own well–being: social estates in Imperial Russia. N.Y., 2014 // Российская история. 2016. № 1. С. 172–175; Побережников И. В. Протоиндустриализация как субпроцесс… С. 14–34; Kriedte P., Medick H., Schlumbohm J. Eine Forschungslandschaft in Bewegung: Die Proto–Industrialisierung am Ende des 20. Jahrhunderts // Jahrbuch für Wirtschaftsgeschichte, Bd. 1998/2, S. 9–20; Mendels F. Proto–Industrialization: The First Phase of the Industrialization Process // The Journal of Economic History. 1972. Vol. XXXII, № 1. P. 241–261.

[675] Кошелева О. Е. Люди Санкт–Петербургского острова… С. 228.

[676] История России XVIII – XIX веков / Л. В. Милов, Н. И. Цимбаев… С. 288; см.: Милов Л. В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М., 1998. С. 418 – 493.

[677] Милов Л. В. Великорусский пахарь… С. 487; Структура крестьянских промыслов Европейского Севера, описанная В. А. Саблиным, может быть распространена за некоторыми исключениями на все рассматриваемые старопромышленные районы: «Условия, в которых приходилось вести хозяйство северному крестьянину, способствовали складыванию многоот-

[…] составляли незначительную часть обращавшихся на нем товаров. Потребности населения в промышленных изделиях по–прежнему удовлетворялись ремеслом и мелкотоварным производством. В условиях отсутствия товарного характера промышленного производства не могли осуществляться ни увеличение предпринимательского капитала, ни расширенное воспроизводство»[678]. Согласившись с выводами Милова, можно все же, сославшись на данные Е. И. Заозерской, констатировать определенное развитие на текстильных мануфактурах в первой четверти XVIII в. в сторону вольнонаемного труда. 90% рабочей силы на этих мануфактурах комплектовалось по найму, и лишь в 1730–40–х гг. наблюдался резкий рост принудительного труда, после чего наемный труд снова нашел более широкое распространение и занял ведущее место[679].

Приведенные Миловым данные об оплате ремесленного труда, дают ориентир для оценки последующего развития оплаты труда и цен на продукты повседневной жизни, прежде всего на питание и одежду. Минимальная поденная оплата малоквалифицированного или неквалифицированного труда чернорабочих в XVII в. достигала одного алтына или 3 коп. в день. Примерно столько же получали мастеровые при эпизодическом найме у ремесленников, оплачивавших свободный труд по его стоимости. Во второй половине XVII в. «на один алтын можно было купить 5–6 кг ржаной муки или каравай хлеба в 9 кг, или 4 кг гречневой крупы, или 9 кг яшного солода, или пять–шесть десятков яиц, или 1,7 кг свиного сала, 1,5 кг свежей осетрины или семги»[680]. Трудясь только 5 дней в неделю, «поденщик мог заработать в год на алтынной оплате примерно 7 руб. 50 коп. А годовой прожиточный минимум (на питание) одного работника мог быть равным 2–2,5 руб. […] Комплект летне–зимней одежды стоил ориентировочно 1,5–1,8 руб. Готовый сруб большого дома (ок. 70 м^2) стоил 8–10 руб.»[681]. Сравнительно с ними, монастырские ремесленники или так называемые «шваленные» мастера: кузнецы, кожевники, сапожники, суконники, портные, коновалы и т. д., имели более благоприятные условия, так как получали бесплатное питание и одежду, но годовое жалованье у них было гораздо ниже: от 0,7 до 1 руб., редко доходя до 2–2,5 руб.[682] С дневным алтынным заработком, поденщик мог жить 3–5 дней.

раслевой структуры деревенского производства. Для восполнения дефицита своего бюджета крестьянин издавна прибегал к различным промысловым занятиям. […] Степень вовлечения северного крестьянства в промысловые занятия была различной. На их географию влияли, в первую очередь, природно – климатические условия, определявшие интенсивность развития сельского хозяйства. Если сравнительно мягкий климат Вологодской и Северо – Двинской губерний позволял крестьянину сосредоточить свои усилия в основном на земледелии и скотоводстве, то в лесной и тундровой зоне Архангельской губернии, территории Карелии и Коми такой возможности не было. […] Среди кустарно ремесленных промыслов Карелии получили развитие сапожный, кузнечный, портняжный, плотничий, столярный, печной, слесарный, бондарный […]. В Архангельской губернии – косторезный (Холмогорская волость) промысел, баржестроение в Шенкурском и Пинежском уездах, бондарное, сапожное, пенько – прядильное, точильное производство и др. В Коми – замшевое производство (Ижмо – Печерский уезд), плотницкий, сапожный, портняжный, валяльный и столярный промыслы и другие. В Вологодской губернии – кузнечный, кружевной (22 185 кружевниц по данным 1927/28 года), роговой (718 мастеров по тем же данным), сапожный, мельничный, гончарный, корзиночный, валяльный и другие. В Северо – Двинской губернии кустарно – ремесленными промыслами было занято 18,3 процента – 19 процентов дворов. Наибольший удельный вес среди домашних промыслов принадлежал группе промыслов по изготовлению одежды и обуви (валяльное, портняжное и сапожное занятие) и обработке дерева (выгонка смолы, бондарное, столярное производство, плетение корзин). Меньшее развитие получили металлообработка (кузницы), производство продовольственных продуктов (водяные мельницы и маслобойки), обработка глины (посуда и кирпич), производство инвентаря, инструментов, выделка кож и овчин. Ежегодно из Кемского уезда Карелии и приморских волостей Летнего берега и Онежского уезда Архангельской губернии на промысел уходило до 2700 – 2800 «промышленников » (Саблин В. А. Промыслы и их роль в крестьянском хозяйстве Европейского Севера в 1910–е —1920–е годы // Русская культура нового столетия: Проблемы изучения, сохранения и использования историко–культурного наследия / Гл. ред. Г. В. Судаков. Сост. С. А. Тихомиров. Вологда, 2007. С. 258 –267. URL: http://www.booksite.ru/fulltext/suda/kov/2_12.htm (дата обращения: 29.01.2016).

[678] История России с древнейших времен до конца XVII века / [Милов Л. В. …]. С. 561.

[679] См.: Заозерская Е. И. Мануфактура при Петре I…; Она же. Развитие легкой промышленности в Москве…

[680] Милов Л. В. Великорусский пахарь… М., 2006. С. 487.

[681] Там же, с. 488.

[682] Там же.

Фабрикам и мануфактурам трудно было перебить предложение ремесленной промышленности ввиду значительно более высокого уровня оплаты квалифицированного свободного ремесленного труда, целью которого не являлось все большее капиталистическое накопление, играющее не самую важную роль в жизненных ориентирах ремесленника, основанных на иной системе ценностей. Его интерес заключался, прежде всего, в обеспечении своего безбедного и достойного существования. В 1613–1614 гг. рядовые ремесленники в Москве поденно зарабатывали 3–4 коп., что соответствовало 4,2–5,6 коп. по ценам второй половины XVII в. и составляло при 250 рабочих днях условный годовой оклад от 10,5 до 14 руб. Для примера, сапожник «в начале XVII в. получал за шитье пары добротных сапог один алтын (3 коп.)»[683].

Примерно такое же соотношение в оплате труда квалифицированного и малоквалифицированного ремесленника существовало в XVIII в., с постепенной тенденцией ее роста в связи с дороговизной в новой столице. Для сравнения, сапожник первой четверти XVIII в. в год мог заработать 12 руб., если принять в расчет его среднюю производительность в неделю (8–10 пар). Соответственно, суммарный идеальный итог стоимости его работы за год при производительности в 400 пар мог составлять 12 руб., а то и 18 руб. при шитье более дорогой обуви[684].

Москва, как крупнейший центр ремесленной промышленности России, располагала множеством ремесленных кварталов и слобод[685]. Вот как описывал Адам Олеарий московских ремесленников в Китай–городе: «Перед Кремлем находится величайшая и лучшая в городе рыночная площадь. […] На площади и в соседних улицах каждому товару и каждому промыслу положены особые места и лавки, так что однородные промыслы встречаются в одном месте. Торговцы шелком, сукном, золотых дел мастера, шорники, сапожники, портные, скорняки, шапочники и другие – все имеют свои особые улицы, где они и продают свои товары. Этот порядок очень удобен: каждый, благодаря ему, знает, куда ему пойти и где получить то или иное»[686]. Далее Олеарий сообщает о различных ремесленниках, преимущественно булочниках, в Белом городе.

Слободской принцип расселения ремесленников одной специальности был характерным структурным признаком городских поселений с древнейших времен в Европе, Азии, на Дальнем Востоке. Ремесленные слободы как территориальные корпорации с фискальными функциями дополнялись объединениями ремесленников в форме артелей при отхожих промыслах, крестьянами–кустарями, «промышлявшими» ремеслами, иногородними ремесленниками, а также представителями городских состояний: мещанского, в меньшей степени купеческого, и, в редких случаях, дворянского[687]. Фискальные функции сотен и слобод подтверждались указами также после учреждения цехов[688]. Безусловно, эту российскую традицию, особенно в первые десятилетия своего существования, унаследовали и российские цехи.

Все эти группы являлись неотъемлемой частью представителей русского городского ремесла, создавая его характерную особенность, но одновременно и сложность «самого пред-

---

[683] Там же.

[684] Там же, с. 489.

[685] Заозерская Е. И. Бегство и отход крестьян в первой половине XVIII в… С. 183; Сакович С. И. Социальный состав московских цеховых ремесленников… С. 238–261.

[686] Олеарий А. Описание путешествия… С. 154–155. Олеарий побывал в Москве в 1634, 1636, 1639 и 1643 гг. в качестве секретаря посольства шлезвиг–голштинского герцога Фридриха III, пытавшегося наладить торговлю с Персией через Россию.

[687] Артель – объединение мастеровых, преимущественно крестьян, работающее в области строительства домов и дорог. Артельщики жили на месте работы и питались всем «обществом».

[688] Белые слободы на землях светских и духовных феодалов устранялись Соборным Уложением 1649 г., а их население приписано к посадам, в черные слободы и черные сотни, которым вменялось несение повинностей и уплата налогов, за исключением ремесленников, живших на подворьях светских и духовных феодалов для удовлетворения их нужд. Крестьянские кустари не составляли особой конкуренции для посадских ремесленников, играяя скорее роль поставщиков дополнительных товаров. Указом 27 сентября 1723 г. крестьянам запрещалось торговать в городе и содержать там «заводы» в том случае, если они не захотят «быть в тягле в сотнях и слободах и во всяких податях и службах» (ПСЗ–1. № 4312. С. 123).

мета исследования, не получившего, как и ряд других социальных реалий, завершенности и определенности»[689]. Ремесло воспринималось многими не как профессия, а как способ заработать себе на жизнь, освященный традицией: для иностранцев, мещан, купцов, стрельцов, как отдельного военно–служилого сословия, остального населения на посаде и в слободах, крестьян. Отсюда традиционное отсутствие узкой специализации среди большинства ремесленников и их частое перепрофилирование на новые ремесла, дающие больший доход. Дворцовые ремесленники: оружейники, литейщики, ювелиры, золотых и серебряных дел мастера, часовщики и механики составляли здесь исключение и не оказывали большого влияния на общее состояние ремесла. Отсутствие спроса на сложные технические продукты, например, в области изготовления медицинских и научных инструментов, комплексных технических приспособлений и машин, долгое время приводило к тому, что спектр ремесленной продукции ограничивался исключительно товарами повседневного назначения для массового потребителя, не требующими «в дореформенной административной практике [..] центральных органов управления промышленностью […]»[690].Такой порядок, выглядевший не самым худшим, и даже, возможно, весьма удобным с точки зрения самих ремесленников, не мог устраивать царя–реформатора, видевшего в этом, по–своему налаженном порядке, лишь «хаос» московской старины, противопоставляемой им идеалу строго централизованного регулярного государства, «организм» которого должен был функционировать подобно часовому механизму.

Говоря о первых ремесленниках Петербурга, нельзя не сказать и об их предшественниках, более 60 специальностей которых числилось в городе Ниене, основанном в 1632 г. по указу шведского короля Густава II Адольфа в устье реки Охты[691]. Большинство ремесленников Ниена при подходе русских войск к городу бежали в Финляндию и Швецию. Но близкое положение Петербурга и экономические интересы привели к тому, что здесь работало множество шведских и финских ремесленников, в том числе золотых и серебряных дел мастеров. По сведениям Б. Янгфельда, в 1714 г. здесь были учреждены русский и иностранный, так называемый немецкий, цехи названной отрасли[692].

С первых лет после закладки Петербурга 27 мая 1703 г. на строительство города и флота посылаются десятки тысяч работных людей из крестьян, тысячи мастеровых и ремесленников–переведенцев. Среди них есть и квалифицированные мастеровые, как правило, строительных профессий: плотники, каменщики, каменотесы и др. Посадские ремесленники и крестьянство, преимущественно центральных и северных губерний, становятся главным источником притока ремесленников. Присылка мастеровых людей в Петербург регулярно предписывается царскими указами. В 1710 г. из общего числа присланных мастеровых 4720 человек переводятся в Петербург «на вечное житье», в 1711 г. из городов московской губернии прислано 1417 ремесленников с семьями, в 1714 г. – 300 «мастеровых людей всех художеств»[693]. Уже к 1712 г. только на Адмиралтейском острове возникло десять новых ремесленных слобод. В южной части Городского острова (Петроградская сторона), на Васильевском острове, также селится множество мастеровых[694]. Кузнецы происходили, в основном, из центральных губерний, в том числе из Тулы. В 1718 г. оттуда в распоряжение артиллерийской канцелярии прибыло 246

[689] Егоров В. Г. Социальный состав ремесленного населения России во второй половине XIX в. // ВИ. 2011. № 1. С. 28.

[690] Анисимов Е. В. Государственные преобразования… С. 129.

[691] Анисимов Е. В. Юный град… С. 12–13.

[692] Янгфельд Б. От варягов до Нобеля… С. 155.

[693] Семенова Л. Н. Быт и население Санкт–Петербурга… С. 5.

[694] В петровское время среди прочих имеются исключительно ремесленные или слободы с большим количеством ремесленников на Городовом острове: Оружейная, на Васильевском острове: Французская, на Адмиралтейском острове: Кузнечная, Немецкая, одна или две Пушкарские, Прядильная, причем «улицы» и «слободы» были синонимами; см.: Анисимов Е. В. Юный град… С. 328.

оружейников[695]. Не будет преувеличением сказать, что Петербург уже на заре своего появления являлся городом мастеров, правда, сильно различавшихся по своему статусу. Неоднородность качества мастеровых видна из указа 1717 года, который «предписывал "некондиционных" переселенцев заменить другими: "…а которые купецкие и ремесленные люди из губерний в Санкт–Петербург на житье высланы […] явились одни из них старые, а другие – скудные и одинокие"»[696].

Для возможно более ясного деления мы проводим терминологическую и техническую границу между ремесленниками, с одной стороны, работными и мастеровыми людьми, с другой. Слово «мастеровые», имеющее тенденцию сближения с отхожими промыслами в форме артелей, может послужить собирательным названием для представителей ремесел, связанных, в основном, со строительством домов или каких–либо сооружений городской инфраструктуры. Примечательно, что на государственных предприятиях мастера, подмастерья, ученики и рабочие или рядовые именовались общим словом «мастеровые». «Ремесленник» имеет бóльшую семантическую близость к посаду, городу, а с 1721 г. – к цехам и мастеру. При этом, налицо также возможность взаимозаменяемости этих слов для современников. Работные люди и чернорабочие, как еще более низшая категория малоквалифицированных работников, были заняты, как правило, в качестве черно–или разнорабочих на земляных работах, при постройке домов и дорог.

О данном разделении *ремесленников*, составлявших особую социальную группу посадского населения, и *работных людей* говорилось уже в Никоновской летописи[697]. Между ними есть тонкая разница, не всегда ясно различимая, но, в большинстве случаев, верная. Мастеровых и работных людей находим, как правило, на заводах, фабриках, мануфактурах, т. е. на крупных предприятиях, и в работных командах под началом мастеров. Данные рабочие кадры происходили, в основном, из различных категорий крестьян и посадского населения. Ремесленные мастера, напротив, находились в ремесленных мастерских. В обязанности мастера на казенных и крупных частных предприятиях входило обучение учеников и наблюдение за работой подмастерьев и работных людей. Согласно практике петровского времени, все они определялись понятием мастеровые.

Это разделение является существенным, если рассматривать нецеховое ремесло на казенных предприятиях, особенно в первые десятилетия их существования. Говоря о применении ремесленных практик и цеховой иерархии на крупном производстве в мануфактурах, заводах и фабриках, необходимо учитывать, что в новых условиях характер ремесленного труда кардинально менялся, а ремесленник превращался в мастерового. Л. Н. Семенова в своей классификации мастеровых на казенных предприятиях делает разницу между мастерами, подмастерьями, учениками, с одной стороны, и ремесленниками, с другой: «Мастера и подмастерья имелись лишь по наиболее важным на каждом заводе специальностям. Те работники, специальность которых была представлена на заводе небольшим числом людей, подчинялись непосредственно комиссару. Назывались они либо ремесленниками ("о меховых ремесленниках", "о паникадильных и медного дела ремесленниках"), либо просто по названию своей профессии [печники, слесари, пильники железного дела и др.] Мастера, подмастерья, ученики, ремесленники вместе назывались мастеровыми людьми или служителями»[698]. Судя по всему, это были специалисты, присланные в Петербург «на вечное житье». Сюда необходимо добавить еще «рядовых» или «работных людей», находившиеся в столице временно.

---

[695] Валк С. Н., Дякин В. С. (ред.). История рабочих Ленинграда. Т. 1… С. 21.

[696] Анисимов Е. В. Петр Великий: личность и реформы… С. 106.

[697] Кулишер И. М. История русского народного хозяйства. 3–е издание стереотипное. Челябинск, 2008. С. 99.

[698] Семенова Л. Н. Рабочие Петербурга… С. 113.

Кроме самого крупного Главного Адмиралтейства, другими центрами применения труда русских и иностранных мастеров, мастеровых и работных людей являлись Пушечный литейный двор, Канцелярия от строений (до 1723 г. она именовалась Канцелярией городовых дел), галерные и городские верфи, а также государственные мануфактуры в Петербурге и его окрестностях. Эти многочисленные предприятия удовлетворяли, в основном, запросы государства, на городских же ремесленников падала непосредственная обязанность в обеспечении населения всем необходимым. В ведении государственных предприятий и учреждений находилось множество самых разных специалистов, как массовых: плотников, мостовщиков, каменщиков, кирпичников, печников, каменотесов, штукатуров, столяров, каменоломщиков и других, так и редких ремесленных профессий: корабельных и инструментальных мастеров, механиков, часовщиков, слесарей, токарей и пр.[699] Многочисленные представители этого крайне разнородного сообщества могли кардинально отличаться по своему социальному статусу. Это отражалось и на их материальном положении. Одними из самых высокооплачиваемых был труд инструментальных мастеров, обучавшихся и работавших на нескольких предприятиях и в учреждениях столицы. Ими изготавливались математические, физические, оптические, метеорологические, другие научные инструменты и приборы, в упомянутой Инструментальной палате Петербургской Академии наук, в компасной мастерской при Адмиралтействе, в инструментальных классах Школы художеств при Артиллерийском и инженерном шляхетском кадетском корпусе и Академии художеств, просуществовавший до 1796 г., с начала XIX в. – при Механическом заведении Главного штаба, а также при Медико–хирургической академии, с 1839 г. при Главной астрономической обсерватории в Пулково[700].

О структуре работных команд Л. Н. Семенова сообщает следующее: «Начиная с 1723 г. казенные мастеровые Канцелярии от строений делились на классы, как и мастеровые Главного Адмиралтейства. 12 июня 1723 г. Петр I, "будучи в Петергофе указал у мастеровых людей во всех командах от 50 до 100 человек определять комендоров". Первичной производственной единицей должен был стать "десяток". Десятки создавались на всех тех работах, где число людей превышало 20 человек. В десятке находилось 3 "старших мастеровых" второго класса и 6 "молодших" мастеровых третьего класса»[701].

По данным Е. А. Андреевой, «в 1704–1712 г. Петербург строился силами приблизительно 12,8–13,3 тыс. присылаемых по разнарядке и переведенных на постоянное жительство квалифицированных работников. Помимо этих двух категорий, в дельте Невы уже в 1703 г. трудились мастеровые, привлеченные из находившихся там войск, а начиная с 1704 г. – отдельные специалисты, прибывшие вне разнарядки, но их было немного. Кроме того, мастеровых, преимущественно плотников, ежегодно, начиная с 1705 г., присылали также в Петербургское Главное Адмиралтейство. Так, осенью 1705 г. было назначено отправить туда 500 плотников. В следующем году там трудились 1047 человек 17 специальностей, из которых больше половины составляли плотники. В 1709 г. – 900 человек (381 плотник). В 1710 г. – 456 плотников, в следующем – 1005, но неизвестно, сколько было мастеровых других специальностей. В 1712 г. назначалось прислать туда 4000 (или 4040) человек»[702]. Эти работники делились по нескольким категориям: на мастеровых и работных людей, на тех, кто приезжал «на вечное житье» или бессрочно, и присланных на установленный срок, согласно указному переселению, на время[703].

Артели являлись важным поставщиком рабочей силы для строительства Петербурга. В основной своей массе они состояли из беглых крестьян, гулящих людей, крестьян–отход-

---

[699] Луппов С. П. История строительства… С. 63.

[700] Гизе М. Э. Очерки истории художественного конструирования… С. 108.

[701] Семенова Л. Н. Рабочие Петербурга… С. 117.

[702] Андреева Е. А. Петербург Петра I – «Город на костях»: Миф или правда. (1703–1712) // Меншиковские чтения – 2006: Материалы чтений / Отв. ред. П. А. Кротов. СПб.: Историческая иллюстрация, 2006. Вып. 4. С. 15.

[703] Кошелева О. Е. Люди Санкт–Петербургского острова… С. 88.

ников (крепостных, государственных). Большинство вольнонаемных рабочих на строительстве Петербурга в юридическом отношении не являлись свободными людьми[704]. Из более свободных категорий населения можно назвать посадских и государственных крестьян. Также в строительстве участвовали солдаты, матросы и каторжники[705]. Все эти артельные или вольнонаемные рабочие имели соответствующие строительные специальности и работали на многочисленных государственных крупных предприятиях и в мастерских в Канцелярии городовых дел, в Главном и иных Адмиралтействах, подчиненных Адмиралтейств–коллегии, Литейном дворе, Арсенале и т. п.[706] На заработки крестьяне приходили, в основном, из северных нечерноземных районов европейской России: Новгородского, Старорусского, Вологодского, Ярославльского, Суздальского, Ростовского, Московского, Бежецкого, Костромского и других уездов[707]. Таким образом, спектр многочисленного слоя нецеховых ремесленников чрезвычайно широк: от мало–до высококвалифицированных российских и иностранных мастеров[708].

Прежде чем на примере Главного Адмиралтейства в 1712–1721 гг. будет рассмотрены различные категории мастеровых, скажем несколько слов об иностранном опыте, который Петр брал за образец, внося в него существенные коррективы при реализации проекта по строительству военно–морского флота. Данный грандиозный замысел начинался скромно. В 1688 г., под руководством голландского мастера Карстена Брандта (Carsten Brandt), юный царь плотничал при ремонте заброшенного ботика, ставшего впоследствии по словам Петра «дедушкой русского флота», построенного предположительно в Англии в 1640–е гг.[709] С 1689 по 1692 гг. Брандт вместе с корабельным мастером Кортом исполняет поручение государя, построить с помощью солдат Преображенского и Семеновского гвардейских полков «потешную флотилию» в Переславле–Залесском на Плещеевом озере. Кроме К. Брандта другой голландец – Франц Тиммерман (Frans Timmerman) – наставляет царя в теории кораблестроения[710].

Через несколько лет, в 1697–1698 гг., Петр посетил Голландию и Англию, посвятив значительное время изучению судостроения. К этому времени его можно уже назвать опытным мастером в плотничном и кораблестроительном деле. В Заандам Петр прибыл 18 августа 1697 г. Выбор на первоначальное посещение этого городка пал не случайно. Абсолютное большинство голландских кораблей было построено здесь, в Амстердаме их по большей части ремонтировали: «Из 20 тыс. торговых судов всех стран Западной Европы 16 тыс. принадлежало Голландии. В руках ее купечества было сосредоточено 4/5 всего объема морской торговли»[711].

К концу XVII в. в Заандаме находился крупнейший судостроительный кластер Европы, состоявший из 50–60 верфей, в окружении которых работало до 200 лесопильных мельниц и множество «фабрик», производивших парусину, канаты, якоря, краски и другие материалы[712].

---

[704] См.: Казанцев Б. Н. Законодательство русского царизма по регулированию крестьянского отхода в XVII–XIX вв. // ВИ. № 6. Июнь 1970. С. 20–31.

[705] Луппов С. П. История строительства… С. 89–90.

[706] Шапиро А. Л. Крестьянские отходы и крестьянский наем… С. 42.

[707] Там же, с. 36.

[708] См.: Анисимов Е. В. Юный град… С. 87–93, 101–112, 119–128, 135, 140–146, 151, 159–165, 175–176, 193, 318, 311–318, 325, 339–343, 346–347; Кошелева О. Е. Люди Санкт–Петербургского острова… С. 82–98, 218–220, 228–233, 235–241, 248–249.

[709] Курносов С. Ю. Ремонты и реставарации ботика Петра I // Труды Центрального военно–морского музея: Сб. науч. ст. СПб., 1999. С. 87.

[710] Голиков И. И. Деяния Петра Великого, мудрого преобразителя России: собранныя из достоверных источников и расположенные по годам. Ч. I. М., 1788. С. 240–242; см.: Быховский И. А. Петровские корабелы. Л., 1982.

[711] Изучение опыта кораблестроения в Голландии и Англии. URL: http://russiaflot.ru/statihistory/809–izuchenie–opyta–korablestroeniya–v–gollandii–i–anglii.html (дата обращения: 05.05.2020); «Еще в Воронеже голландские корабельные плотники рассказывали [Петру] о верфях на реке Зан». Петр остановился в домике у Геррита Киста, работавшего когда–то в Москве (Вагеманс Э. Царь в республике… С. 191).

[712] Золотарев В. А., Козлов И. А. Три столетия российского флота… С. 63–64; Scholl L. U. Früher Niederländischer Schiffbau. Rezension zu Richard W. Unger: Dutch Shipbuilding before 1800. Ships and Guilds. Assen/Amsterdam, 1978 // Deutsches

Последних имелось около 1000, подавляющее большинство которых представляли из себя ремесленные мастерские под руководством мастера. Петр I не был первым и не был последним венценосцем, заказывавшим постройку судов в Голландии. В начале XVII в. по заказу искушенного в токарном искусстве французского короля Людовика XIII военные корабли строили на верфях Эдама. Шведский король Адольф II завербовал голландских корабелов в Стокгольм для постройки военного флота. Бранденбургский курфюрст Фридрих Вильгельм пригласил корабельных мастеров в Пиллау и Кенигсберг для модернизации бранденбургского военного флота[713]. Петру была, безусловно, известна эта практика, имевшая место и в российской истории в применении к другим отраслям промышленности.

Опыт названных голландских верфей интересен тем, что технические и организационные принципы, примененные на них, позволяли массовое производство судов индустриальным способом задолго до начала индустриализации. Это стало возможным не из–за технической революции в судостроении, где применялись самые современные технологии, а благодаря введению на протяжении многих десятилетий множества постоянных улучшений в традиционных ремесленных практиках[714]. Открытость к инновациям и высокое техническое искусство составляли конкурентные преимущества Заандамских корабельных мастеров. Кроме того, они, в отличие от судостроителей Амстердама, организованных в цехах, работали вне цеховой организации. В год на верфях Заандама со стапелей сходило до 200 судов – это были почти все морские и грузовые корабли, построенные на тот момент в Голландии, в то время как верфи Амстердама и Роттердама всю первую половину XVIII в. специализировались на их ремонте[715]. Для примера в России в период 1688–1725 гг. вступило в строй всего 1024 парусных и гребных судна, построенных на 26 судостроительных верфях. Из них на верфи Главного Адмиралтейства в Петербурге с 1705 по 1725 г. построено 268 парусных и гребных кораблей[716]. Иными словами, российская кораблестроительная отрасль составляла, по сравнению с таковой в Нидерландах, лишь незначительную часть производственных мощностей верфей Заандама.

Государь проработал на частной верфи Рогге Лайнаса (Rogge, Липст) в Заандаме, где он поселился в скромном домике помощника кузнеца Геррита Киста под именем десятника Петра Михайлова для сохранения своего инкогнито, всего одну неделю[717]. После раскрытия личности «великого князя Московского», следующие четыре месяца он провел на закрытой верфи Объединенной Ост–Индской компании в Амстердаме под началом Геррита Класа Поля, выдавшего «Петру Михайлову» патент в том, что он «был прилежным и разумным плотником, также в связывании, заколачивании, сплачивании, поднимании, прилаживании, натягивании, пленении, копчении, стругании, буравлении, распиливании, мощении и смолении, поступал как доброму и искусному плотнику надлежит», где при его участии был построен 33–метровый фрегат «Апостолы Петр и Павел»[718]. Позже Клас Поль работал «цехов[ым] слуг[ой] корабельных плотников в Амстердаме»[719]. При этом для нас интересно замечание Петра о том, что голландские мастера руководствовались «одними практическими правилами без всяких теоретических соображений», что говорит о традиционном «ремесленном» подходе к постройке

Schiffahrtsarchiv. 1980. 3. S. 142.

[713] Hoving A. Niederländischer Schiffbau im 17. Jahrhundert (transl. W. Bruns) // Das Logbuch. 2004. 40. H. 4. S. 140.

[714] Scholl L. U. Früher Niederländischer Schiffbau… S. 141.

[715] Там же, с. 142.

[716] Бескровный Л. Г. Русская армия и флот в XVIII в. М., 1958. С. 108–110; Морской атлас. Т. III. Военно–исторический. Ч. 1. М., 1958. С. 12; Быховский И. А. Петровские корабелы… С. 11; Аммон Г. А. Морские памятные даты. М., 1987. С. 30–31; Золотарев В. А., Козлов И. А. Три столетия российского флота… С. 131.

[717] Вагеманс Э. Царь в республике… С. 199; Анисимов Е. В. (автор проекта). Биохроника Петра Великого (1672–1725). URL: https://spb.hse.ru/humart/history/peter/biochronic/persons/244564556 (дата обращения: 05.05.2020).

[718] Веселаго Ф. Ф. Очерк русской морской истории. Ч. 1. СПб., 1875. С. 109; См: Золотарев В. А., Козлов И. А. Три столетия российского флота. Т. 1: XVIII в… С. 63–66; Вагеманс Э. Петр Великий в Бельгии. СПб., 2007. С. 53.

[719] Устрялов Н. Г. История царствования Петра Великого. СПб., 1858. Т. 3. С. 88.

кораблей, когда основной детальный план корабля, не формализованный в совершенстве в точных чертежах на бумаге, находится у мастера в голове[720]. Этого было достаточно, чтобы наладить в России производство морских парусных судов быстро, дешево и качественно[721].

Несмотря на это, получив в Голландии необходимые практические знания в корабельном деле, Петр направился в Англию для изучения его в теории, так как, по его собственному выражению, не хотел остаться лишь плотником. На королевских верфях в Детфорде, примерно в десяти верстах от Лондона, где Петр со своими спутниками поселился в доме сэра Джона Эвелина, Петр провел в 1698 г. более трех месяцев. На верфях царь постигал все премудрости теории кораблестроения, а также подобрал около 60 различных специалистов и мастеров для службы в России[722].

Из Англии, Голландии, Франции, благодаря активной политике Петра и его двум заграничным путешествиям, приезжают известные корабельные мастера, среди них англичане Ричард Козенц (1700), Ричард Броун (1705), Ричард Рамз (1715), Осип (Джозеф) Най, инженер и кораблестроитель Джон Перри, подмастерья Роберт Девенпорт и Роберт Хэдли, голландцы Питер Клаас, Ян Янсен, Геренс Выбе и его сын Питер, руководившие постройкой судов в России[723]. Английский корабельный мастер Джон Ден скончался, не успев заложить своей корабль. Среди голландских и английских кораблестроителей присутствовал известный французский корабельный мастер из семьи потомственных итальянских кораблестроителей Блез Пангало. Его учениками были такие известные отечественные кораблестроители, как Гаврила Окунев, Иван Рамбург и Василий Юшков. Некоторые вольные специалисты корабельного, галерного, баржевого, шлюпочного, весельного, компасного дел – всего 11 человек, записывались после 1722 г. в цехи[724].

Больших успехов добились российские корабелы Федосей Скляев, Лукьян Верещагин, Фадей Попов, Григорий Островский, учившиеся корабельному делу в легендарном венецианском Арсенале, а также Анисим Моляров, Михаил Собакин и многие другие[725]. Если говорить об организации всей кораблестроительной отрасли, нужно упомянуть ближайших соратников Петра, отвечавших за организацию работ многочисленных адмиралтейских верфей на реках Воронеж, Волга, Дон, Нева, в Карелии и на побережье Балтийского моря – Франца Тимермана, Федора Апраксина, Александра Меншикова, Ивана Татищева, Федора Салтыкова, Александра Кикина и многих других[726].

М. С. Андерсон говорит о трех факторах, имевших принципиальное значение для создания военно–морского флота России: «Это британские офицеры, британские кораблестроители и добрая воля Британии». Если более подробно, это, во–первых, наличие значительного числа

---

[720] Веселаго Ф. Очерк русской морской истории… С. 109–110; Устрялов Н. Г. История царствования Петра Великого… С. 90–91; Отставание голландцев в теории, флот которых доминировал весь XVII век, позволило французам и англичанам вступить в борьбу за первенство на море в XVIII в., закончившуюся окончательной победой английского флота над франко–испанским в Трафальгарском сражении в 1805 г., после чего Англия надолго становится «владычицей морей».

[721] Scholl L. U. Früher Niederländischer Schiffbau… S. 142; Живой интерес государя к голландскому кораблестроению выразился в публикации в в 1709 г. в Москве книги под названием «Новое галанское корабельное строение». В 1722 г. в Петербурге опубликована первая книга по механике ученика Нартова Г. Г. Скорнякова–Писарева «Наука статическая или механика» (Данилевский В. В. Нартов и «Ясное зрелище машин»… С. 171).

[722] Веселаго Ф. Очерк русской морской истории… С. 111; См.: Davis R. The Rise of the English Shipping Industry in the Seventeenth and Eighteenth Centuries. London, Macmillan, 1963; Среди важных заимствований было введение постоянного штата военно–морского флота по примеру Англии (Cozens K. J. 18th Century Shipbuilders & the Building of the Russian Fleet of Peter the Great. URL: https://gre.academia.edu/KennethCozens (дата обращения: 31.03.2019). P. 1–2); Шубинский С. Н. Исторические очерки и рассказы С. Н. Шубинского. 5–е изд., доп. и испр. СПб., 1908. С. 12–26.

[723] Cozens K. J. 18th Century Shipbuilders… P. 1–14; см.: СИРИО. Т. 61. СПб., 1888. С. 561–566; Cross A. G. By the Banks of the Neva. Cambridge University Press, 1997. Chapter 5. P. 166; Широкорад А. Б. 200 лет парусного флота России. М., 2007.

[724] Заозерская Е. К вопросу о зарождении капиталистических отношений… С. 81–82.

[725] См.: Быховский И. А. Петровские корабелы…; Голиков И. И. Деяния Петра Великого… С. 280–281.

[726] См.: Быховский И. А. Петровские корабелы…

английских кораблестроителей и обученных ремесленников, во– вторых множество британских морских офицеров, служивших на российском флоте на протяжении всего XVIII века, и, в третьих, значительное число российских моряков, прошедших практику на английских кораблях[727].

Практические и теоретические знания, приобретенные в Голландии и Англии, понадобились Петру для воплощения его планов по созданию военного флота, не уступавшего другим европейским державам. Но в отличие от Заандама, на месте постройки Главного Адмиралтейства в новой столице у Петра не было должной инфраструктуры в виде 200 лесопильных мельниц и тысячи ремесленных мастерских. В результате, самая большая мануфактура в России того времени была построена по принципу «три в одном», сочетавшему в себе цеховую иерархию мастеров, подмастерьев и учеников, с подручными мастеровыми и работным людом, должным восполнить недостающие ресурсы в рабочей силе. В отличие от лесопильных мельниц в Голландии, для распилки стволов деревьев на доски в Петербурге использовалась мускульная сила с одним большим преимуществом – вместо традиционных топоров, для производства досок, вырубавшихся ранее из цельного ствола, стали применяться пилы[728].

Ниже указаны некоторые типичные ремесленные профессии, занятых на крупнейшем мануфактурном производстве города, но в их списках, например, за 1717 г., находятся и такие профессии, как архитектор, лекарь, живописный мастер, толмач или музыкант, которые сегодня мало ассоциируются с ремеслом[729]. За 1715 г. и 1721 гг. из общего числа нами вычтены соответственно 12 и 20 живописцев. Между 1712 и 1721 гг., по отдельным ремеслам, количество плотников увеличивается с 709 до 3609 человек, кузнецов – со 128 до 500 человек, столяров – с 12 до 124 человек, токарей – с 1 до 55 человек, слесарей – с 0 до 35 человек, котельников – с 2 до 43 человек, медников – с 0 до 24 человек (см. таб. 1).

Надо учесть, что в указанных общих цифрах всегда присутствуют две группы специалистов: мастера с подмастерьями и учениками (от 100 до 150 человек), среди которых высокий процент иноземцев, и «простые» ремесленники – рабочие люди, составлявшие абсолютное большинство. Так, в 1712 г. среди мастеров насчитывалось 19 иноземцев. Для примера, в 1713 г. число мастеровых и рабочих людей составило 2869 человека. Если к ним добавить ок. 400 ремесленников астраханцев, среди которых числилось еще 150 плотников, и 3500 работников, получим 6763 ремесленника, из числа которых вычтено 5 живописцев. Всего же мастеровых и работных людей при Главном Адмиралтействе 9370 человек[730]. Мастеров, подмастерьев и учеников в 1715 г. насчитывается 70, 12, 48, в 1717 г. – 154 мастера, 90 подмастерьев и учеников, что говорит о ремесленном формате обучения, бывшим аналогичным на мануфактурах, фабриках и заводах[731]. Генетическая связь этого вида предприятий с ремесленной мастерской прослеживается еще до середины XIX в., до конца протоиндустриального периода.

Таблица 1: Мастеровые Главного Адмиралтейства (выборочно), 1715–1721 гг.[732]

---

[727] Anderson M. S. Great Britain and the Growth of the Russian Navy in the Eighteenth Century // Mariners Mirror. 1956. Vol. 42. No. 2. P. 132, 146.

[728] Несмотря на петровский указ, запрещавший «доски топорного дела», еще в XIX в. во многих местах дрова рубили, а не пилили (Струмилин С. Г. Технический прогресс за 300 лет: чёрная металлургия // АИНТ. Вып 2. Л., 1934. С. 81–82); С. Г. Струмилин имеет в виду обработку цельных стволов деревьев, так как уже в Древней Руси: Великий Новгород, Старая Ладога, Белоозеро, хорошо известны и широко применялись различные виды пил продольного и поперечного пиления, полотна ножовок и лучковых пил (См.: Сингх В. К. Железный инструментарий средневекового Новгорода… С. 164–166).

[729] Материалы для истории русского флота… С. 46–47, 153–155, 259–260, 264–265, 277, 280–281; См.: Гейман В. Г. Мануфактурная промышленность… С. 252–256; Валк С. Н., Дякин В. С. (ред.). История рабочих Ленинграда. Т. 1… С. 9–19.

[730] Материалы для истории русского флота… С. 259–260.

[731] Там же, с. 154–155, 265, 280.

[732] Там же, с. 46–47, 153–155, 259–260, 264–265, 277, 280–281.

Год Ремесло	1712	1 1	1715	1717	1720	1721
Плотники	709	1761	1867	1483	3677	3609
Кузнецы	128	265	260	308	351	500
Прядильщики	50	189	275	381	592	448
Парусники	–	112	135	185	100	246
Столяры	12	86	133	7	126	124
Токари	1	20	30	41	48	55
Слесари	–	12	14	28	39	35
Котельники	2	31	32	39	38	43
Медники	–	–	6	20	21	24
Всего	1907	3263	4077	3191	5481	5794

С 1712 г. по 1721 г. количество мастеровых в Главном Адмиралтействе сильно выросло – с 1907 до 5794 человек, причем всего на нем трудилось до 10.000 человек. Больше всего в 1721 г. насчитывалось мастеровых в деревообрабатывающих и ткацких ремеслах, а именно: плотников, столяров и токарей около 3800, прядильщиков и парусников – около 700 человек[733]. При наличии такого большого числа мастеровых мастер играл скорее роль бригадира как организатора работы и контролера качества (нем. der Polier). Для примера, кузнечный мастер Юрьев (Hansz Jürgen) писал адмиралтейской канцелярии 6 июня 1714 г., что в августе 1713 г. он просил предоставить в его распоряжение 150 человек кузнецов, что было подкреплено царским именным указом, который, правда, так и не был выполнен адмиралом А. В. Кикиным.

В последний год жизни Петра I и после его смерти количество специалистов в Главном Адмиралтействе резко падает. По сведениям И. К. Кирилова за 1724–1726 гг. среди адмиралтейских мастеровых на службе состояли 51 мастер, 45 подмастерьев, 99 учеников и 3892 рядовых, а всего 4087 человек[734]. Из числа рядовых можно вывести дозорщиков (6), помощников (17), толмачей (4), камендоров (18), у магазинов работников (312) и лоцманов (25), за вычетом которых остается 3705 рядовых (ремесленников). Соответственно общее число 3900 человек мы можем поделить на две части. К первой части относятся 195 «специалистов»–ремесленников: мастеров, подмастерьев и учеников, организованных по принципу иерархии в ремесленных цехах, ко второй – 3705 простых ремесленников. Если такое сокращение произошло уже при жизни Петра I, можно предположить, что это связано, прежде всего, с завершением Северной войны[735].

---

[733] См.: Семенова Л. Н. Рабочие Петербурга… С. 59–73.

[734] Кирилов И. К. Цветущее состояние всероссийского государства, в каковое начал, привел и оставил неизреченными трудами Петр Великий, отец отечествия, император и самодержец всероссийский, и прочая, и прочая, и прочая: собрано трудами статского советника и бывшего в Сенате обер–секретаря г. Ивана Кирилова, из подлиннейших сенатских архивов в феврале месяце 1727 г.: кн. 1–2. Кн. 1. М., 1831. С. 15–16.

[735] Схожее положение дел наблюдалось в Османской империи на военно–морском арсенале Галлиполи (Schulz K. Handwerk… S. 294).

Несмотря на временное снижение активности в области кораблестроения в последние годы жизни Петра, результаты его деятельности впечатляют. В первой четверти XVIII в. на российских верфях построено «59 линейных кораблей, 30 фрегатов, 12 других крупных кораблей и 106 мелких судов. Всего за годы Северной войны вступило в строй 207 парусных и 439 гребных судов»[736]. В 1722 г. в российском флоте состояло 37 линейных кораблей, 10 фрегатов, 4 шнявы, 5 бомбардирских кораблей, 78 мелких парусных судов и 416 гребных судов, что сопоставимо с военными флотами Швеции и Дании, но далеко уступало военным флотам Англии и Голландии[737]. К 1725 г. их число сократилось до 34 линейных кораблей, 9 фрегатов, 14 мелких судов и 77 гребных, не считая ластовых. Кроме того, в постройке находилось 6 крупных кораблей, 1 фрегат и 6 мелких судов[738]. Все это стало возможно, благодаря мастерам и подмастерьям корабельного, галерного, ботового, шкотового, ластового, камельного, парусного, мачтового, блокового, машинного дела и «разных художеств», прибывших из Голландии, Англии, Дании, Швеции, Венеции, Франции, а также стараниям их российских учеников, из которых одним из самых известных стал мастер «доброй пропорции» Федосей Скляев[739]

[736] Бескровный Л. Г. Русская армия и флот в XVIII в… С. 108.

[737] Там же.

[738] Каллистов Н. Д., Лебедев А. И., Новиков Н. В. и др. История российского флота. М., 2007. С. 105.

[739] См.: Быховский И. А. Петровские корабелы…; Голиков И. И. Деяния Петра Великого… С. 280.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.